K44 9/125

КИЧ 9/I25
№ 49560
XV — 401
4 I 1/30

Я. ОКУНЕВЪ.

ВОИНСКАЯ СТРАДА

Боевыя впечатлѣнія

Я. Окуневъ.

ВОИНСКАЯ СТРАДА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Печатный Трудъ", Прачешный пер., д. № 4.
1915.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 634
10 — I 1931.

Воинская страда.

I. Въ походѣ.

Мы привыкли ко всему, обтерпѣлись, „обстрѣлялись“, и трудно теперь удивить или испугать насъ какой-нибудь неожиданностью. Атаки, переходы, обхваты, быстрыя перемѣны фронта, передвиженія по невозможнымъ дорогамъ, а то и безъ всякаго пути и дороги,—все это было, и, кажется, ничего новаго въ смыслѣ испытанія нашихъ силъ, нашей выносливости и терпѣнія дальнѣйшій ходъ кампаніи дать не можетъ. Послѣ Равы, Синявы, Ярослава, послѣ пройденныхъ сотенъ верстъ по болотамъ, топямъ и лѣсамъ, послѣ переправъ черезъ рѣки въ бродъ и по понтонамъ, подъ ужаснымъ непріятельскимъ огнемъ, мы, уцѣлѣвшіе, покрытые корой грязи, въ истрепанныхъ сапогахъ, въ изодранныхъ шинеляхъ и полушубкахъ, равнодушно встрѣтили вѣсть о томъ, что завтра намъ надо выступать въ походъ, что намъ предстоитъ длинный и трудный переходъ къ высотамъ Бескидъ, гдѣ придется брать каждый свой шагъ съ бою, завоевывать каждую пядь земли.

Мы—„боевыя единицы“. Здѣсь, на войнѣ, вольноопредѣляющійся Сомовъ, окончившій два факультета,

ничѣмъ не отличается отъ олонецкаго мужика Кистякова, который, кажется, дальше ста и считать не умѣетъ. Да и какое тутъ можетъ быть различіе, когда наши дѣйствія координируются и приводятся въ связь не столько дисциплиной, къ которой можно относиться сознательно, сохраняя свою индивидуальность, сколько могучимъ инстинктомъ, который сглаживаетъ умственное превосходство однихъ надъ другими, различіе душевнаго склада, взглядовъ, порывовъ и стремленій. Среди четырехъ тысячъ рязанцевъ, полтавцевъ, туляковъ и костромичей, составляющихъ полкъ, насъ, интеллигентовъ, десятка полтора, и пройдя съ ними путь отъ Сандомира до Стрыя и до Унтервальденскихъ лѣсовъ, мы стали такими же, какъ они, переняли ихъ привычки, ухватки, движенія, потому что такъ удобнѣе, „ловчѣе“ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ олонецкіе или пензенскіе мужики въ солдатскихъ мундирахъ.

— Почто это мы безперечь ходимъ, а воевать не воюемъ?— спрашиваетъ Кистяковъ.

Не то, чтобы его обуревалъ воинственный пылъ, но „безперечь ходить“, т. е. дѣлать длиннѣйшіе переходы, марши и обхваты невидимаго непріятеля гораздо труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ участвовать хотя бы въ многодневномъ бою.

Кистяковъ убѣжденъ, что непріятель „утекаетъ“.

— Ему всыпали, енъ и задалъ стрекача. Сиганулъ за гору и вся недолга.

Горъ еще не видно; онѣ гдѣ-то „тамъ“, въ неопредѣленномъ далекѣ, но когда мы ихъ перевалимъ, „ему“ непремѣнно будетъ „крышка“.

— Куды яму, скажемъ, уйти? Некуды, окромя какъ сдаться въ плѣнъ. Ну, тутъ мы яго и возьмемъ, а послѣ того зашабашимъ.

А пока что, мы идемъ по бездорожью форсированнымъ маршемъ, въ полной амуниціи, изрѣдка сталки-

ваясь съ незначительными непріятельскими разъѣздами и пѣшими отрядами. И приходится намъ одолѣвать не живое противодѣйствіе непріятельской арміи, а тысячи искусственныхъ препятствій. Мосты взорваны—мы премъ всей массой черезъ рѣки въ бродъ. Дороги изрыты и заграждены сѣтями колючей проволоки. Кистяковъ рветъ напоромъ тѣла проволочное загражденіе:

— Эка дѣло: дротъ перервать!

Лѣса горятъ; пламя бушуетъ въ зарослякъ и чащахъ. Кистяковъ только что прошелъ въ бродъ, по горло въ ледяной водѣ, рѣку. Онъ промокъ до мозга костей, въ сапогахъ хлюпаетъ вода, а теперь онъ идетъ напроломъ въ огонь. Окутанный ѣдкимъ дымомъ, отъ котораго першитъ въ горлѣ и слезятся глаза, онъ прорывается впередъ къ горамъ, за которыя „сиганулъ“ непріятель и гдѣ мы непремѣнно „зашабашимъ“.

Деревни, усадьбы, мѣстечки на нашемъ пути обезлюдѣли. Непріятель реквизировалъ всѣ съѣстные припасы, а чего реквизировать нельзя было, онъ сжегъ. Наши обозы идутъ кружнымъ путемъ и не поспѣваютъ за нами. Намъ приходится туго, а Кистякову, Пахомову, Левченко—всѣмъ, какъ на зло, хочется „подъѣсть“. Мечтаютъ о горячихъ щахъ, о чаѣ, о всякихъ прелестяхъ, которыхъ мы давно не видѣли въ нашей трудной боевой страдѣ.

Въ шесть дней прошли около двухсотъ верстъ. Начались холмы, голые, каменистые и крутые. И Кистяковъ повеселѣлъ, яснѣе стали лица у всѣхъ, потому что скоро конецъ походу. Будетъ ли дальше легче—Богъ вѣсть, но нѣтъ уже болотъ, нѣтъ разлившихся рѣкъ и вязкихъ топей, и пусть ожесточенный бой, пусть „марфутки“ и пулеметы — это легче, веселѣе, чѣмъ пробираться по топкимъ дорогамъ Галиціи, спать въ глинистой жижѣ, дрогнуть, мокнуть, мерзнуть.

Въ полдень устроили привалъ у Б-скихъ высотъ, на „горлышкѣ“. Такъ называютъ солдаты узкій перешеекъ между двумя озерами. Къ вечеру, невѣдомо откуда, показался отрядъ казаковъ, около полусотни. Завидѣвъ издали своихъ, они затянули лихую пѣсню, даромъ, что видъ у нихъ былъ замороженный, что изодрались на нихъ мундиры и что одинъ казакъ былъ даже безъ сапогъ.

— Гдѣ побывали, ребята?

Казакъ смотритъ на пѣхотинца свысока. „Пѣхтура—во щахъ квашена“, „землетопы“, „растяпы“. Сидитъ онъ, подбоченясь, на своемъ „мастачкѣ“ (конь), щуритъ свои раскосые глаза и отвѣчаетъ не сразу. Цыкнулъ слюну сквозь зубы, почесалъ „мастачка“ за ухомъ и пренебрежительно бросилъ:

— Были мы подъ У.

— Какъ подъ У.? Врешь, братъ, тамъ—австрійцы.

Подлѣ горнаго прохода У. сконцентрированы главныя силы непріятеля. Онъ защищаетъ проходы въ Венгрію. Но полусотня казаковъ, посланная на развѣдку, забралась глубоко въ тылъ непріятеля, „нащупала“ расположеніе его силъ и какимъ-то чудомъ прорвалась назадъ, несмотря на заставы и пикеты.

Для развѣдокъ казакамъ совсѣмъ не надо было забираться въ тылъ, но это вышло само собою.

— Пробирались мы въ рыло, съ рыла ихъ видимо-невидимо. Ну, мы и порѣшили двинуть ему въ затылокъ.

Кисяковъ, рыжій саженнаго роста мужикъ съ золотой бородой, почувствовалъ себя „Рассеей“. Это для него не формула, не отвлеченность, а конкретный фактъ, и оттого онъ, неуклюжій, какъ медвѣдь, беретъ „нахрапомъ“ укрѣпленныя позиціи непріятеля, бьетъ, словно тараномъ, стѣну австрійскихъ корпусовъ, защищающихъ ворота въ Венгрію. Силою фатальной

увѣренности, что „наша возьметъ“, онъ одолѣлъ Раву и Стрый и претъ впередъ безъ удержу и остановки.

Въ полку четыре тысячи Кистяковыхъ. Въ эту черноземную толщу вкраплено нѣсколько интеллигентовъ. И увѣренность Кистяковыхъ передается намъ, заражаетъ насъ, крѣпитъ наши силы. И такъ же, какъ Кистяковъ, мы чувствуемъ себя „Рассеей“, огромной, неповоротливой, тяжелой на подъемъ, но сокрушительной въ своемъ медленномъ движеніи по полямъ и лѣсамъ Галиціи.

По даннымъ, доставленнымъ казаками, выходитъ, что непріятель близко. Да оно видно и по всему: по отдаленнымъ сполохамъ выстрѣловъ, по смутному гулу канонады, по пробѣгающимъ по небу нашаривающимъ снопамъ бѣлаго свѣта прожекторовъ. Влѣво отъ насъ завязался бой съ колонной генерала В. Это ложный, демонстративный маневръ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, пока наши, соединившись у Б-скихъ холмовъ, не обрушатся неожиданно на его правый флангъ.

Хлещетъ дождь, смѣшанный съ ледяной крупою; сырой, холодный вѣтеръ пронизываетъ до костей. Вода забирается за рукава, за воротникъ, течетъ холодными струями по груди и спинѣ, промокшая шинель давитъ плечи, сапоги отсырѣли и жмутъ.

— Вольно!..

Люди устали и валятся въ грязь отдохнуть, но шутятъ.

— Спать будемъ въ киселѣ, земляки.

— Не все же, братцы, уру кричать, надо и волкомъ повыть.

Сомовъ наслаждается: онъ свернулъ „собачью ножку“ и тянетъ махорку, отъ которой у него, съ непривычки, першитъ въ горлѣ.

— Въ махоркѣ,—говоритъ онъ, кашляя и задыхаясь

отъ ѣдкаго дыма—никотина меньше, чѣмъ въ дорогомъ табакѣ. Славное дѣло—махорка!

Нѣженка и баринъ, онъ въ началѣ кампаніи нервничалъ и брюзжалъ, а теперь обломала таки его походная жизнь: даже махорку хвалить сталъ.

II. Боевой отборъ.

Сколько мѣсяцевъ или дней прошло съ тѣхъ поръ, когда еще не было войны—я не знаю, не могу отдать себѣ отчета. Кажется, это было такъ давно, что изъ памяти изгладилось то время, когда мы не лежали въ окопахъ, не ходили по болотамъ, не думали о снарядахъ, о шрапнели, о пулеметномъ свинцѣ. И кажется, всегда такъ будетъ, а если будетъ иначе, какъ прежде, я не знаю, какъ я буду жить, смогу ли я жить, какъ жилъ, послѣ того, что видѣлъ, что перенесъ, что пережилъ среди этихъ орловцевъ, тамбовцевъ, саратовцевъ и полтавцевъ.

И Сомовъ, и Липскій, бывшій инженеръ, и Колесниковъ, бывшій адвокатъ—всѣ мы „бывшіе люди“, а теперь рядовые такого-то полка и роты, говоримъ и думаемъ, чувствуемъ и реагируемъ на окружающее такъ же, какъ пермякъ Лошкаревъ, неграмотный, едва умѣющій выражать свои мысли связными словами, какъ пензенецъ Мастрючинъ, какъ всѣ наши сѣрые боевые товарищи. Кровавая страда сроднила насъ, смела перегородки, и въ ужасахъ войны, которыхъ передать нельзя, которыхъ не оправдать никакими доводами, мы стали такими же, какъ они, цѣльными и простыми, безгранично терпѣливыми и стойкими.

Боевой подборъ отмелъ прочь слабыхъ, неустойчивыхъ: они въ тылу, въ лазаретахъ. Онъ закалилъ души оставшихся, и робкіе стали храбрыми, малодуш-

ные—сильными. Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ больше остается назади тѣхъ, кто не вынесъ трудностей боевыхъ испытаній. Они—пыль, труха арміи, которая намъ не нужна, и некогда намъ жалѣть отставшихъ, больныхъ и павшихъ.

Уцѣлѣлъ боевой отборъ, лучшіе, сильнѣйшіе, наиболѣе приспособленные, и послѣ войны они, эти сильные, все видѣвшіе и все перенесшіе, внесутъ новое въ жизнь.

Кистяковъ говоритъ:

— Зря и курица умирать не станетъ. А народъ—не курица.

Ему недоступны международные принципы, которые онъ призванъ защищать, но онъ знаетъ свое и нашелъ смыслъ и оправданіе войнѣ:

— Народъ коли въ дѣло двинули—выходитъ, значитъ, огромаднѣйшій антиресъ. То-то!..

Сейчасъ, строясь въ ряды, чтобы, переваливъ черезъ холмы, войти въ сферу боя, солдаты хмуро серьезны и молчаливы. Надъ лѣсомъ съ визгливымъ воемъ рвется шрапнель, гудитъ въ лѣсу огненный ураганъ; тамъ сущій адъ, а мы взбираемся по крутизнѣ къ лѣсу, цѣпляясь руками, ногтями, винтовками за выступы, за камни, за сухіе сучья кустарника. Сзади насъ катятъ на гору полевыя орудія. Люди помогаютъ лошадямъ и съ трудомъ подымаютъ много-пудовую тяжесть по крутизнѣ на макушку горы.

А тамъ, наверху, въ зонѣ непріятельскаго обстрѣла, работаютъ саперы: слышны удары лопатъ по каменистой почвѣ и крикъ людей, подбадривающихъ другъ друга въ опасномъ боевомъ трудѣ:

— Ну-ка, разомъ, у-ухъ!

— Наддай, наддай, р-азъ!

Вотъ и лѣсъ. Шрапнель и пулеметный огонь срѣзываютъ, какъ ножемъ, вѣтви деревъ, щелкаютъ по

корѣ, звучно шлепаютъ, падая на камень и разбрызгивая во всѣ стороны щебень и осколки чугуна. По обочинамъ дороги загорѣлся кустарникъ, и ползутъ по стволамъ сосенъ огненныя змѣйки, лижутъ хвою, разгораются и трещатъ. И дробью, какъ частый и крупный градъ по деревянной крышѣ, стучитъ пулеметный свинецъ:

— Т-р-р-р!.. Тра-та-та!..

Рядомъ, гдѣ шелъ Лошкаревъ, вдругъ становится пусто. Лошкарева нѣтъ. Вотъ онъ ползетъ на четверенькахъ, а за нимъ—красный слѣдъ. Сѣлъ, закачался изъ стороны въ сторону, глаза закрылъ и скрежещетъ зубами. Шеренга смыкается. Мѣсто Лошкарева занимаетъ Мастрючинъ. Съ подбородка его капаетъ кровь, падаетъ на грудь и расползается алымъ пятномъ по шинели.

— Раненъ?

— Гдѣ?..

Онъ не чувствуетъ боли, не знаетъ о ранѣ и только теперь, тронувъ подбородокъ, смотритъ съ минуту на замазанную кровью руку, на шинель и говоритъ:

— Жгется маленько. Пустое дѣло...

Могучій, оглушительный раскатъ грома. Зыблется земля подъ ногами; лѣсъ сразу окутывается желто-бурымъ дымомъ, и въ густомъ дыму не видно товарища, шагающаго рядомъ. Это гдѣ-то неподалеку взорвался минированный участокъ, фугасы.

Команда:

— Разсыпься!

Потомъ коротко и рѣзко:

— Въ атаку!

Привычное, почти механическое движеніе: разъ-два-три. Ружье на вѣсу, скачекъ впередъ, скачекъ въ сторону. Готово. Нѣтъ никого рядомъ, нѣтъ ощущенія живой связи со строемъ. Оборвалась нить между мною,

Мастрючинымъ, Лбовымъ. Я одинъ. Тоскливая, смертная жуть. Гудятъ, свистятъ и воютъ пули надъ головою, передъ глазами, какъ большія черныя мухи. Какъ много ихъ, какъ много! Вотъ одна тоскливо заплакала надъ самымъ ухомъ:

— И-и-и!

Другая скользнула по флягѣ, зазвенѣла, третья щелкнула по стволу винтовки. И всѣ въ меня, въ меня одного, и колотье, острое и горячее, пробѣгаетъ потѣлу, съ головы до ногъ...

— Ложись!

— Что это—команда? Некогда разбирать. Предъ глазами кочка, маленькій, едва возвышающійся бугорокъ желтой земли. И кажется онъ очень большимъ,—большимъ прикрытіемъ отъ пуль, отъ шрапнели, отъ гранатъ.

— Шеренга, переходи-и направо!

Какая тамъ шеренга, когда я одинъ? Не хочется подняться съ земли. Тѣло тяжелое, словно налито свинцомъ, и ноги въ колѣнкахъ не гнутся, и жаль кочки, за которой прятался отъ пуль.

Тамъ, куда несетъ инерція бѣга, поднялась воронка пламени и дыма. И кажется, не сдержать разбѣга, вотъ налетишь на разрывъ, на дождь осколковъ, но тѣло получаетъ откуда-то изнутри неожиданный и сильный толчекъ, и ноги сами несутъ меня въ другую сторону, мимо огненной воронки.

Воля подчинена командному окрику. Онъ заставляетъ машинально подыматься, дѣлать перебѣжку и опять ложиться.

А въ головѣ странно ноетъ одна и та же мысль, даже не мысль, а нелѣпый отрывокъ фразы:

— Сорокъ бочекъ закопалъ...

Откуда она взялась, гдѣ я слышалъ ее, что она значитъ—не знаю, но я мысленно кричу ее во весь

голосъ и заглушаю ею страхъ, тысячи разъ повторяя, безъ остановки, чтобы не дать во время паузы вторгнуться сознательной мысли объ ужасѣ, о страхѣ:

— Закопалъ, закопалъ, закопалъ.

— Стройся!

Передъ самымъ окопомъ непріятеля смыкаются ряды. Всѣ цѣлы: Лбовъ, Михайловъ, Васютовичъ, я. И сразу перегораетъ весь ужасъ въ душѣ. Вотъ мои руки, мое тѣло, цѣлы, здоровы, не тронуты:

— Ура-а!

Радостно, звонко, весело вырывается крикъ изъ груди, и все въ немъ, въ этомъ крикѣ: и смѣхъ, и восторгъ, и упоеніе жизнью.

— Ура-а!

Рожки поютъ весело и бодро:

— Тра-тра-та!

— Въ штыки!

Навстрѣчу нашимъ штыкамъ изъ непріятельскихъ окоповъ встаетъ острая стальная щетина. Люди въ сине-сѣрыхъ мундирахъ смѣшиваются съ нашими рядами. Но атака коротка. Черезъ четверть часа австрійцы отброшены и, занявъ параллельный рядъ окоповъ, вырытыхъ ими раньше и находящихся въ полуверстѣ отъ нашего новаго расположенія, опять открываютъ сильный орудійный огонь.

III. Въ обходъ.

При такихъ условіяхъ, когда пулеметный огонь не даетъ сосредоточиться въ зонѣ обстрѣла болѣе или менѣе сплоченной группѣ войска, нечего и говорить о борьбѣ съ противникомъ вплотную. Приходится все время маневрировать, завязывать отдѣльныя стычки съ небольшими группами войска и самимъ разсыпаться

мелкими отрядами, группируясь въ большія массы только тогда, когда это позволяютъ условія мѣстности и момента.

Новое расположеніе силъ непріятеля и усиленіе его артиллеріи заставили насъ вести, послѣ взятія перваго ряда траншей, инженерную атаку, т.-е. пробиваться впередъ сапой. Въ то же время нашему отряду было приказано обойти непріятеля съ тыла.

Дорога была намъ знакома только по картѣ. Но какое значеніе имѣетъ карта, когда вся мѣстность измѣнилась до неузнаваемости? Вотъ здѣсь должны быть три деревни, у которыхъ скрещиваются дороги. Но деревни какъ сквозь землю провалились, а дорогъ нѣтъ—какъ нѣтъ.

— Поищемъ влѣво,—приказалъ поручикъ С., командовавшій отрядомъ.

Бросились влѣво. Тамъ рвы какіе-то.

— Ну-ка, ребята, вправо.

Направо оказалось болото.

Поручикъ совсѣмъ растерялся, не зная, куда вести людей и боясь нарваться на засаду. А здѣсь еще надо было спѣшить, чтобы ударить въ тылъ непріятеля какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наши, приблизившись при помощи сапы на достаточное разстояніе къ его окопамъ, бросятся въ штыки. Надо было произвести эффектъ неожиданностью двойного удара и заставить его отступить къ Б., гдѣ его ожидало полное окруженіе.

Вольноопредѣляющійся Меншуткинъ, бывшій адвокатъ, навелъ насъ на слѣдъ, примѣнивъ пріемы заправскаго Шерлокъ-Хольмса. Онъ излазилъ по болоту всю окружающую насъ заросль, нащупалъ, чуть-ли не обнюхалъ каждый кустикъ и вернулся съ „трофеемъ“.

— Есть.

Это была только коробка изъ подъ консервовъ. Но

она не проржавѣла еще: значитъ, тамъ, гдѣ Меншуткинъ нашелъ ее, недавно были австрійцы.

Бросились туда. Разумѣется, такъ: вотъ нѣсколько окурковъ, втоптанныхъ въ грязь, брошенная обойма, открытое письмо, адресованное какому-то Максу Фриденбаху.

Неосторожный Фриденбахъ, пожалуйте сюда! При свѣтѣ электрическаго фонаря письмо Фриденбаха разсказываетъ намъ, что онъ—рядовой 35-го тирольскаго пѣхотнаго полка. Значитъ, здѣсь прошелъ его полкъ, т.-е. какъ разъ та армейская часть, которая, по свѣдѣніямъ нашихъ развѣдокъ, сражается въ составѣ развернутаго противъ насъ фронта.

И хотя жутко намъ, отрѣзаннымъ отъ своихъ, въ липкой тьмѣ сырой ночи, но то, что мы идемъ по вѣрнымъ слѣдамъ, прогоняетъ жуть одиночества и затерянности. Мы полземъ впередъ, ища все время „вещественныхъ доказательствъ“.

И опять адвокатъ, которому вовсе не слѣдовало бы быть адвокатомъ, а детективомъ, отыскиваетъ новый слѣдъ: онъ проваливается въ яму и оттуда кричитъ:

— Траншея!

Дѣйствительно, это—покинутая траншея; впереди нея высится насыпь. Поручикъ освѣщаетъ ее фонарикомъ. Насыпь прорыта. Непріятель приближается къ намъ, очевидно, такъ называемой перекидной сапой, т.-е. врывается въ окопъ, бросая землю черезъ насыпь и образуя впереди насыпи новый окопъ и такъ далѣе. Онъ ведетъ, такъ сказать, подземное наступленіе.

— Стара штука!—сказалъ ефрейторъ Дятловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, „стара штука“. Мы сами дѣлали такую же работу до тѣхъ поръ, пока нашему отряду не приказали идти въ обходъ. И теперь наши продолжаютъ тамъ прорываться сюда сапой. Пріемы совпали у насъ и у противника.

— Ну-ка, полѣзай, братцы.

Одинъ за другимъ спускаются въ траншею, гуськомъ проползаютъ сквозь окопъ, выбираются на свѣжій воздухъ и, очутившись у второго окопа, опять ползутъ по подземному корридору.

Это будетъ полной неожиданностью, когда, идя по слѣдамъ непріятеля, мы очутимся у самыхъ его траншей, уткнемся вплотную въ его спину.

— Ну, и накладемъ же мы ему въ загривокъ!— восклицаетъ Дятловъ.

— Тише, не ори!—обрываетъ его восторгъ поручикъ.

— Золото, а не непріятель,—уже вполголоса говоритъ восторженный Дятловъ адвокату.

То, что противникъ, хотя и обойденный нами, во много разъ сильнѣе насъ, отходитъ какъ-то на задній планъ. Мы заняты однимъ: подобраться незамѣченными какъ можно ближе.

— Стой!—шопотомъ командуетъ поручикъ.

Уже слышна орудійная канонада. Со всѣхъ сторонъ раздаются гулкіе взрывы снарядовъ нашей артиллеріи, обстрѣливающей впереди насъ непріятельскія батареи. Снаряды рвутся близко; слѣдовательно, и непріятель недалеко.

— Х-х-хъ!—захрипѣлъ кто-то рядомъ.

— Ахъ, сукинаго сына! — выругался Павлухинъ, наваливаясь на кого-то и пыхтя, какъ паровозъ.

— Такъ что непріятель, ваше благородіе, — отдуваясь, отвѣчаетъ Павлухинъ.

— Гдѣ? Какой непріятель?

Да ёнъ спекся. Нѣту яго уже, ваше благородіе. Весь вышелъ.

Оказалось, что Павлухинъ наткнулся на отставшаго или дезертировавшаго австрійца и задушилъ его. И вышло это у него мимоходомъ, такъ что онъ еще и самъ не разобрался, какъ это случилось.

— Енъ меня за ногу, значитъ, цапъ! А я яго за шею. Енъ зубами, а я—хрясь, и задавилъ какъ куренка. Штука—недолга.

Яснѣе и отчетливѣе доносятся выстрѣлы, и можно уже разобрать команду. Высокій пѣвучій голосъ все время приказываетъ:

— Feuer!

Другой, грубѣе и ниже распоряжается саперными работами:

— Recht! Vorwärts! Feuer!

— Ваше благородіе,—окликаетъ поручика Дятловъ.

— Ну?

— Лошади.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, за прикрытіемъ стоятъ отпряженныя отъ орудійныхъ передковъ лошади. Слышно, какъ жуютъ овесъ. Подлѣ нихъ передки, и ходятъ у передковъ взадъ и впередъ двое часовыхъ.

— Ай ахнуть, ваше благородіе?—спрашиваетъ неугомонный Павлухинъ, только что задавившій, „какъ куренка“, австрійца.

— Что это—ахнуть?

— А такъ что броситься на сторожевъ энтихъ и того... хрясь.

— Нельзя.

Поручикъ приказалъ осторожно продвинуться еще нѣсколько шаговъ, и когда сталъ видѣнъ тылъ непріятельскихъ окоповъ, опять велѣлъ залечь и ждать.

Отсюда видно было зарево надъ нашими позиціями, находившимися на опушкѣ лѣса. Очевидно, лѣсъ загорѣлся отъ артиллерійскаго огня и пылалъ со всѣхъ концовъ.

И странно было, что тамъ, на багровомъ фонѣ пожаровъ, чернѣются изломы нашихъ окоповъ, что они посылаютъ сюда снаряды, а мы здѣсь, за спиной непріятеля, въ двадцати шагахъ, такъ близко, что видны

ноги и спины залегшихъ въ окопы солдатъ, слышна команда, окрики, стоны и шлепанье пуль по блиндажу.

Оттуда, гдѣ былъ лѣсъ, донеслось глухое „ура“. Наши шли въ атаку. Еще нѣсколько минутъ. Выстрѣлы изъ непріятельскихъ траншей слились въ непрерывный трескъ. Словно молнія одна за другой разсѣкали промозглую тьму.

— Ура-а!—раздалось совсѣмъ близко.

Пробравшись вплотную къ тылу непріятеля по подземнымъ сапамъ, вырытымъ его же саперами, всю ночь шедшіе и ползшіе съ крайней осторожностью, съ крайнимъ напряженіемъ вниманія, люди не могли спокойно лежать на мѣстѣ, когда въ нѣсколькихъ шагахъ гремѣло „ура“ нашихъ, одолѣвавшихъ колючую изгородь, стоявшую предъ окопомъ.

И не дожидаясь команды поручика, словно брошенные впередъ невидимой могучей силой, люди сами ворвались въ окопы и ударили непріятеля въ тылъ.

Всего около сотни человѣкъ бились съ нѣсколькими тысячами, но эти тысячи были ошарашены неожиданностью и уже не могли сражаться, потому что та психическая сила, которая, наперекоръ чувству страха, заставляетъ самихъ людей идти въ бой, была подавлена и развѣяна; моральное сцѣпленіе между людьми, сливающее ихъ въ боеспособный коллективъ, распалось. Арміи не было: были единицы, люди, объятые ужасомъ, мечущіеся изъ стороны въ сторону и не способные уже ни обороняться, ни даже искать спасенія въ отступленіи.

Такова сила неожиданнаго нападенія: она деморализуетъ, разрушаетъ общность, и войско превращается въ случайный сбродъ людей, не знающихъ, что имъ дѣлать съ оружіемъ, куда броситься, какъ уйти отъ ослѣпляющаго умъ и парализующаго волю страха.

Толстый австрійскій поручикъ, тотъ самый, кото-

рый командовалъ саперами, сидѣлъ въ углу траншеи и навзрыдъ плакалъ и сквозь рыданія ругался и приказывалъ:

— Vorwärts, Bestien, vortwärts!

Но „бестіи“ не слушались его. Они бросали оружіе, потому что съ обѣихъ сторонъ ихъ атаковали и стиснули, и только правые фланги непріятельскихъ окоповъ, сдавъ всѣ свои четыре батареи, успѣли оттянуться къ Б. и уйти. Остальные сдались...

Въ огнѣ.

I.

— У-у-у!

А потомъ рѣзко, визгливо, съ перерывами:

— Взи-и, взи-и!

Какъ будто визжитъ пила, наткнувшаяся на сучекъ.

И сразу ударило, загремѣло, засвистѣло, шипя и поднимая вихрь.

Это летѣлъ „чемоданъ“ и упалъ, разорвавшись въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ траншеи. Упалъ въ болото, надъ которымъ поднялись густые клубы пара и дымъ и высокій фонтанъ иловатой грязи.

Это оглушительно, эффектно, но ничуть не страшно. Тяжелый на подъемъ снарядъ сорока двухъ сантиметроваго орудія летитъ медленно, по прямой; сначала тамъ далеко, у лѣса, всплываетъ буро-желтое густое облако дыма, потомъ рявкнетъ чудовищное орудіе, а затѣмъ уже, разбрызгивая во всѣ стороны искры и оставляя позади себя хвостъ дыма и огня, „жалуетъ къ намъ“, какъ выражается пензенецъ Максютовъ, тяжелый и неуклюжій „чемоданъ“. Наши солдаты, привыкнувъ къ этимъ снарядамъ, уже знаютъ по ихъ полету, гдѣ они „лягутъ“, и прапорщикъ К., наблюдая за летящимъ снарядомъ, командуетъ протяжно и пѣвуче:

*

— Третья шеренга влѣво переходи-и!

Или:

Взводъ назадъ подда-а-айся!

Иное дѣло—шрапнель и пулеметный огонь. Они не дають поднять головы изъ-за окопа, они падають и падають сплошнымъ дождемъ, свистя, завывая, звеня, барабанять по блиндажу, сбивають щебень съ камней, которыми мы укрѣпили фронтъ окоповъ, и днемъ и ночью, безъ устали и перерыва поютъ свою тягучую, тоскливую пѣсню.

— И-и-и у-у а!

Стаканы шрапнели рвутся съ противнымъ визгливымъ звономъ; куски стали, „начинка“, комья земли и камни разлетаются во всѣ стороны и бьютъ прямо, бьютъ рикошетомъ, контузятъ, ранятъ, рвутъ живое тѣло.

Справа и слѣва пожары. Горятъ зажженныя снарядами деревни М. и С., и вѣтеръ, дующій „во фронтъ“ (здѣсь не говорятъ „въ лицо“, „въ спину“, а „во фронтъ“, „въ тылъ“), приноситъ съ собою оттуда горькій дымъ, который ѣстъ глаза и спираетъ дыханіе. Жители этихъ деревень ушли въ лѣса и попали между двухъ огней—нашимъ и непріятельскимъ. Находящійся въ зонѣ обстрѣла лѣсъ засыпаетъ снарядами, и по ночамъ, когда затихаетъ канонада, оттуда несется надрывающій душу звѣриный вой голодныхъ, одичавшихъ отъ страха, отъ ужаса людей... Страшнѣе пулеметовъ и шрапнели этотъ ночной вой въ лѣсу.

За двѣ недѣли „позиціонныхъ“ боевъ люди до того привыкли къ неустанному грохоту пальбы, что буквально не слышатъ уже ея. И когда ревъ гаубицъ смѣняется трескотней пулеметовъ, которая можетъ оглушить свѣжаго человѣка, солдатъ Кирилловъ, человѣкъ саженнаго роста, мохнатый и звѣроподобный, но добродушный и склонный къ сентиментальности, подымаетъ голову и спрашиваетъ:

— Чтой-то, землячки, тихо стало? Аль пойти за водой?

Отсутствіе воды—это наше несчастье. Во время длительной перестрѣлки, отъ напряженія или отъ чего другого, въ горлѣ пересыхаетъ и мучительно хочется пить. Фляга съ водою скоро опорожняется, а колодецъ находится саженяхъ въ тридцати отъ насъ, между нашими окопами и непріятельскими. И вотъ Кирилловъ медленной, неуклюжей походкой, съ ведромъ въ рукахъ, идетъ къ колодцу, даже не кланяясь встрѣчнымъ пулямъ, которыя „идутъ густо“, сплошнымъ роемъ.

— Ложись, дурень! На животѣ ползи,—кричатъ ему изъ траншеи.

Онъ останавливается, поворачиваетъ голову и отвѣчаетъ:

— Брюхо-то свое, не казенное. Неровенъ часъ—попортишь.

И той же медлительной походкой съ развальцемъ идетъ дальше.

Онъ вовсе не храбръ и не бравируетъ. Онъ равнодушенъ, уравновѣшенъ, неуклюже какъ-то чувствуетъ весь окружающій его ужасъ, и мысли у него неуклюжія, неповоротловыя, какъ онъ самъ. Ружье кажется ему слишкомъ маленькой и слишкомъ мудреной штукой, и когда мы идемъ въ атаку, то Кирилловъ больше дѣйствуетъ прикладомъ, чѣмъ штыкомъ, и при этомъ ухаетъ, какъ дровосѣкъ, а то совсѣмъ закинетъ винтовку за плечи и пойдетъ дѣйствовать кулаками величиной съ дѣтскую голову, бьетъ, дробитъ, крушитъ и реветъ, какъ звѣрь:

— У-у, сво-о-лочь нѣмецкая!

А наканунѣ, когда шрапнелью разворотило животъ ефрейтору Малькову, земляку Кириллова, онъ бросился къ ефрейтору, поднялъ его, понесъ—куда, онъ едва ли

зналъ самъ. Пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, увидѣвъ, что Мальковъ умеръ, спустилъ его на-земь, сказалъ:

— Какъ же это ты, Мальковъ? А?

И отвернувшись отъ насъ, странно зарычалъ:

— Гы-ы-ы!

Итакъ, за двѣ недѣли „позиціоннаго“ боя мы обтерпѣлись. Жизнь вошла въ норму, если можно говорить о какой-либо нормѣ на войнѣ. Ровно въ шесть часовъ утра раздается первый орудійный выстрѣлъ непріятеля, въ восемь начинаютъ косить пулеметы, а около полудня—затишье...

— Енъ снѣдаетъ.

Нашего обоза нѣтъ какъ нѣтъ, ротныя кухни застряли въ П., и „снѣдать“ намъ приходится сухарями, которые подходятъ къ концу. Наша завѣтная мечта, тема нашихъ разговоровъ и центръ нашихъ мыслей—ротная кухня. Хоть бы скорѣе ихъ доставили сюда на позиціи, поѣсть бы горячихъ щей съ капустой, на салѣ.

— Что-то, братцы, кашей несетъ. Откелева это?

— Велика Федора, да дура! Откуда каша?

— Подтяни, Кирилловъ, пузо: каша въ тылу, а намъ сухари—и на томъ спасибо.

Кирилловъ облизывается отъ почудившагося ему запаха каши и, поскребывая затылокъ, лѣзетъ въ землянку отоспаться, покуда тихо.

И покуда намъ не скомандуютъ:

— Рота начина-ай!—всякій занимается своимъ дѣломъ. Артиллерійскій офицеръ М., длинный, какъ жердь, спускается съ каменной площадки, на которой находится его батарея. Близорукій, онъ тыкаетъ головой во всѣ стороны, чуть ли не въ лица солдатъ и спрашиваетъ:

— Э-э, не видалъ ли ты, милый, вольноопредѣляющагося Шаскольскаго?

Каждый день во время затишья, Шаскольскій и М. сосредоточенно и молча играютъ въ шахматы. Случается, канонада прерываетъ ихъ игру. Тогда оба записываютъ расположеніе своихъ фигуръ и расходятся каждый къ своему дѣлу. Шаскольскій пощелкиваетъ изъ-за окопа затворомъ винтовки, а офицеръ М. въ адскомъ огнѣ такимъ же ровнымъ голосомъ, какъ говоритъ:—Шахъ королю,—командуетъ:

— Наводи. Тэ-экъ. Ноль и шесть. Тэ-экъ. Ноль и пять...

Наканунѣ осколокъ шрапнели оторвалъ ему два пальца лѣвой руки. Старшій офицеръ предложилъ ему идти на перевязку.

— Э-э, зачѣмъ?—пожалъ плечами М.—Лѣвая рука это... Гаврилюкъ! Вынь, милый, свой бинтъ и перевяжи мнѣ этотъ пустякъ.

Съ этимъ „пустякомъ“ онъ выстаиваетъ у своихъ орудій уже пятый день, хотя, видимо, перемогается, потому что вся лѣвая рука почернѣла и горитъ, какъ въ огнѣ.

— Поручикъ, вѣдь можетъ антоновъ огонь приключиться,—говоритъ ему Шаскольскій.

— Ну?

— Отъ этого можно умереть.

— Тэ-экъ. Беру вашу туру.

Въ тотъ же вечеръ поручикъ М. впалъ въ безпамятство. Свалился тутъ же, у орудійнаго лафета. Его увезли въ санитарный пунктъ, но едва ли довезли...

Тогда же вечеромъ случилось и другое событіе, сразу нарушившее наше „мирное житіе“ въ окопахъ. Во время полнаго затишья вдругъ загорѣлся кустарникъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, находился лѣвый флангъ непріятеля, загорѣлся безъ вся-

кой видимой причины. Подозрительно было то, что на мѣстѣ пожара поднялся густой, почти непроницаемый дымъ, за которымъ скрылись виднѣвшіеся по ночамъ красные огоньки непріятельскихъ батарей. Конный развѣдочный отрядъ, посланный „нащупать“ непріятеля, не вернулся, а къ полудню слѣдующаго дня „заговорили“ новыя батареи, состоявшія изъ орудій крупнаго калибра и дальняго боя. Онѣ били насъ съ той стороны, откуда мы вовсе не ожидали обстрѣла, и потому для насъ стало ясно, что пожаръ былъ уловкой, что непріятель за дымовой завѣсой произвелъ передвиженіе и перекомплектованіе своихъ силъ. Съ этого дня началось нѣчто невѣроятное. На нашу позицію лился непрерывный дождь свинца, желѣза и стали. Замолкали однѣ батареи, начинали другія, и такъ безъ передышки, днемъ и ночью.

Мы привыкли ко всему. Намъ приходилось дѣлать длинные переходы по двадцать верстъ въ сутки, все время ведя бои съ противникомъ; мы прорывались черезъ лѣса, опутанные колючей проволокой, гдѣ на каждомъ шагу были предательски прикрытыя дерномъ волчьи ямы и фугасные минированные участки; на наши головы валились подпиленныя деревья, подъ нашими ногами взрывалась земля, и летѣли въ воздухъ клочья человѣческаго мяса; мы утопали въ болотахъ, пробирались въ бродъ черезъ рѣки, и мокрые, продрогшіе, бросались въ атаку и побѣждали. Побѣждали не благодаря численности, не превосходствомъ техники, нѣтъ! Вопреки всѣмъ законамъ человѣческой логики, когда казалось, что насъ неминуемо разобьетъ, раздавитъ непріятель, вооруженный блиндированными автомобилями съ вращающимися скорострѣльными орудіями, пушками, которыя бьютъ на восемнадцать верстъ (наши дальнобойныя гаубицы бьютъ на 12 верстъ), непріятель, обладающій развѣдочнымъ воздушнымъ

флотомъ, минировавшій лѣса, поля, даже участки дороги,—хитрый, культурный, сильный непріятель,—вопреки всему этому, мы послѣ утомительнаго перехода вступали въ бой и брали „съ налета“ позицію за позиціей. Теорія и жизнь говорятъ, что артиллерійское орудіе, особенно пулеметъ, дающій семьсотъ выстрѣловъ въ минуту, можно брать только съ фланга. Но пензенцу Лаптеву въ высшей степени наплевать на теорію и практику. Онъ, не слушая приказанія, претъ напроломъ и беретъ пулеметъ „со лба“.

— Какъ же ты, такой-растакой, не слушаешь команды? Чего зашелъ во фронтъ, когда велѣно во флангъ?

„Такой-растакой“ чешетъ затылокъ и говоритъ:

— Виноватъ, ваше... Да во хлангъ, оно, далече. А этакъ взять его было ловчѣе: потому ближе.

Но отлеживаться въ окопахъ въ то время, когда непріятель не даетъ передохнуть непрерывнымъ обстрѣломъ, когда, наростая и наростая, орудійная канонада слилась въ сплошной ревъ и вой, отъ котораго уши глохнутъ и голова словно налилась свинцомъ—это не по силамъ не только мнѣ и Шаскольскому, но даже всегда уравновѣшенному Кириллову, который бранится:

— Растуда ихъ! Чего не велятъ идти въ атаку?

Пальцы одервенѣли отъ стрѣльбы. Валится изъ рукъ винтовка, голова клонится отъ усталости, и хочется спать, безумно хочется спать. И щелкаешь сквозь сонъ затворомъ, сквозь сонъ слышишь команду и громовые раскаты канонады.

А пальба все усиливается. Непріятель пристрѣлялся, нащупалъ прицѣлъ и бьетъ по окопамъ. Сверху валится земля, внизу, за спиной гудятъ, шипятъ, свистятъ, звенятъ рвущіеся снаряды. Кто-то лежалъ рядомъ со мною. Его уже нѣтъ. Убило? Ранило? Не знаю, потому что глаза ничего не видятъ, умъ не соображаетъ.

Сзади жужжитъ, какъ волчокъ, „чемоданъ“, вращаясь передъ разрывомъ. Оглянуться? Нѣтъ. Если я посмотрю назадъ, если я поверну голову, я убѣгу отсюда, несмотря на дисциплину, несмотря ни на что. Спину и затылокъ обдало чѣмъ-то горячимъ, залилось за воротникъ, и ползетъ липкая, теплая струя по шеѣ, по плечамъ, по спинѣ... Не больно: значитъ, не раненъ. Но откуда липкая струя крови?

— Ой, бра-ат-цы вы мо-о-и!

Кричитъ позади кто-то хриплымъ и протяжнымъ голосомъ, потомъ отхаркивается и снова кричитъ:

— Ой, ой, ой!

Противъ воли поворачивается голова туда, гдѣ этотъ ужасный стонъ. Тамъ какой-то багровый туманъ; въ туманѣ копошатся надъ черно-красной грудой нѣсколько человѣкъ, а подлѣ меня, совсѣмъ близко бьется Терентьевъ, ефрейторъ второй роты. Наклонился къ нему. Онъ притихъ; скрежеща зубами (я почему-то четко и ясно вижу, что у него бѣлые, крупные зубы), онъ подавляетъ боль и шепчетъ, икая:

— Напиши... Икъ... Женѣ отпиши... Икъ... Померъ... Икъ-икъ... Адресъ тута...

И вытянулся, не успѣвъ показать, гдѣ адресъ.

У вольноопредѣляющагося Шаскольскаго лицо блѣдное и перекошенное; видно, какъ онъ старается подавить въ себѣ страхъ, такъ же, какъ это стараются сдѣлать всѣ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, который, лежа въ окопахъ подъ такимъ убійственнымъ огнемъ, не боялся бы; даже самые храбрые, самые спокойные, какъ Лаптевъ, какъ орловецъ Дитятинъ, который идетъ въ атаку съ трубкой въ зубахъ, и тѣ блѣдны и стрѣляютъ, полузакрывъ глаза, ничего не соображая, стараясь не слышать стоновъ раненыхъ, падающихъ рядомъ, назади, вездѣ.

Но проходитъ часъ—другой, и страхъ смѣняется

отупѣніемъ и равнодушіемъ, хотя обстрѣлъ нашихъ позицій не только не ослабѣваетъ, но усиливается. Прежде нашъ ротный командовалъ дрожащимъ, срывающимся голосомъ, теперь онъ отдаетъ приказанія спокойно, и въ голосѣ его слышна усталость. Онъ раненъ въ ногу шрапнелью, сидитъ на барабанѣ, а санитаръ разрѣзываетъ его залитый кровью сапогъ, чтобы освободить раздробленную ступню. Должно быть, очень больно, потому что ротный скрежещетъ зубами. Санитаръ, смертельно блѣдный и потный, бросаетъ въ сторону ножъ и глядитъ на капитана.

— Скорѣе, скорѣе. Кончай,—кричитъ тотъ.

Санитаръ опять принимается за работу, но ротный сползаетъ съ барабана на землю, падаетъ:

— Уже,—говоритъ онъ. Что-то клокочетъ у него въ груди. Кончено...

Онъ пытается встать, садится и, царапая землю пальцами, кричитъ хрипло, задыхаясь и сплевывая кровь:

— Поручикъ Коллонтай... х-х-хъ... Пору-у-чикъ. Передаю вамъ... х-хъ—тьфу!

Поручикъ подбѣгаетъ къ ротному, тотъ силится что-то сказать, но не можетъ; изъ груди его, вмѣсто словъ, вырывается какое-то странное хлюпаніе:

— Хлю-хлю... рота... хлю-хлю.

Онъ падаетъ и бьется въ предсмертной судорогѣ.

Поручикъ машетъ рукою и отбѣгаетъ въ сторону. Жалѣть некогда.

II.

. . . Поднялся вѣтеръ и разсѣялъ дымъ. Изъ-за тучъ выглянуло солнце, яркое и веселое. Съ дальнихъ холмовъ сползли внизъ синіе прямоугольники. Это непріятельскіе полки. Сначала медленно, а потомъ бы-

стрѣе и быстрѣе, мѣняя свои очертанія, полки австрійцевъ двинулись по направленію къ нашимъ окопамъ. Слышенъ быстрый, все ускоряющій свой темпъ топотъ тысячъ лошадиныхъ и человѣческихъ ногъ. Это атака. Впереди, въ красныхъ мундирахъ мчится венгерская кавалерія, за нею синяя пѣхота. Ихъ подпускаютъ близко къ окопамъ. Уже слышенъ дикій тысячеголосый крикъ, видны лица, опьяненныя, озвѣрѣлыя, съ раскрытыми ртами.

— Р-разъ!

Дали залпъ. Застучали часто пулеметы, ахнули орудія. Дымъ застлалъ поле и окуталъ сине-красную лавину, катящуюся на насъ. Ничего не видно. Слышенъ только вой, ревъ, хриплые крики. Потомъ дымъ разсѣивается, и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ окоповъ видна гора тѣлъ, вышиною около аршина. Торчатъ руки, какъ будто угрожающія кому-то кулаками, ноги, сведенныя судорогой, лица, искаженныя ужасной мукой, блестятъ подковы на копытахъ лошадей, свалившихся въ одну кучу съ людьми, скошенныхъ пулеметнымъ и ружейнымъ вихремъ.

А солнце весело играетъ въ ручейкахъ алой крови, которые растекаются во всѣ стороны изъ-подъ горы тѣлъ. За павшими рядами налетаютъ новые ряды, но ихъ коситъ огонь нашихъ батарей, и гора человѣческаго мяса растетъ, растетъ, растетъ. Она живая, эта гора: руки, высунувшіяся изъ нея, шевелятъ пальцами, лица гримасничаютъ—ужасныя гримасы предсмертной муки! Раненая лошадь, наполовину заваленная тѣлами людей, силится вырваться изъ подъ груды мертвецовъ и умирающихъ, бьетъ передними ногами, желѣзными подковами по головамъ, по спинамъ, по грудямъ и стонетъ, какъ человѣкъ:

— О-о!

Въ этотъ моментъ не сознаешь, не ощущаешь этого

ужаса, не видишь его даже. Только позже память возстанавливаетъ деталь за деталью все то, что было, и холодъ пробѣгаетъ по тѣлу, и волосы шевелятся на головѣ, когда вспомнишь эту ужасную, еще живую гору людей и лошадей, которая росла все выше и выше предъ окопами.

Если бы мы были на войнѣ такими же людьми, какъ дома, въ мирной обстановкѣ, мы не могли бы одолѣть тѣ препятствія, перенести тѣ испытанія, которыя мы переносимъ и одолѣваемъ. Война слила тысячи людей различныхъ характеровъ, различной душевной и физической закалки въ одинъ организмъ. Я, вольноопредѣляющійся Шаскольскій, пензенецъ Лаптевъ — всѣ мы безымянныя „боевыя единицы“. Наши личныя убѣжденія, взгляды и переживанія—въ прошломъ, и кажется, что это было очень давно, когда каждый изъ насъ думалъ и чувствовалъ по своему. Когда приходится вмѣстѣ идти на смерть, тысячи разъ переживать ее вмѣстѣ съ Лаптевымъ и Кирилловымъ, Шаскольскій, окончившій политехническій институтъ и изъѣздившій вдоль и поперекъ Европу, становится похожимъ на Лаптева, который, кромѣ своей деревни и казармы, ничего не видѣлъ. Когда полкъ идетъ въ атаку, Кирилловы и Лаптевы орутъ дикимъ, звѣринымъ голосомъ. Это не „ура“, это ревъ звѣря, съ которымъ онъ, не видя выхода, бросается, очертя голову, навстрѣчу опасности, ревъ, которымъ онъ заглушаетъ свой страхъ.

. . . . . .

. . . . . .

Мнѣ некогда, да и не могу я искать объясненій, анализировать себя. Я—Лаптевъ, атомъ войны, и личная жизнь для меня безразлична, и личныхъ убѣжденій у меня нѣтъ, а есть что-то большее, чѣмъ я, которое заставляетъ меня вмѣстѣ со всѣми пѣть предъ лицомъ смерти: „Спаси, Господи“.

Когда ночью затихла пальба пушекъ и пулеметовъ, и сдѣлавшій четыре безуспѣшныхъ атаки непріятель отошелъ, словно по инерціи, словно наши удары оттолкнули его, къ горному городку З., мы всѣ уснули, какъ убитые. Усталость была такъ велика, такъ утомились руки отъ стрѣльбы, а умъ отъ впечатлѣній, хотя еще не осознанныхъ и хаотичныхъ, что сразу охватило оцѣпенѣніе, въ родѣ обморока или безпамятства. Но и во снѣ здѣсь чувства обострены до крайности. Спишь тяжелымъ сномъ, проходятъ въ мозгу кошмарныя сновидѣнія, и въ то же время слышишь каждый шорохъ, каждый звукъ, рождающійся подлѣ тебя, и вяло, во снѣ, соображаешь, откуда этотъ звукъ, къ чему онъ. Такъ и сейчасъ всю ночь слышны были стоны оттуда, гдѣ была гора тѣлъ. Они были протяжные, слились въ непрерывный гулъ голосовъ. Когда въ вѣтренный день прильнешь ухомъ къ улью, то слышно такое же гудѣніе. Стонало все поле, стонали за каждымъ кустикомъ раненые и умирающіе; ихъ были тамъ тысячи, и никто нн имѣлъ ни времени, ни возможности подобрать ихъ. Тысячи Французъ и Фрицевъ, которыхъ дома, въ Австріи или въ Германіи, ожидали съ тревогой и любовью жены, невѣсты, матери, сестры, умирали здѣсь отъ ранъ, отъ жажды, задыхались подъ грудой тѣлъ, превращались въ кровавую гніющую падаль—въ пищу прилетавшему сюда безъ числа воронью. Некому было помочь имъ, и намъ было не до нихъ.

На зарѣ пріѣхалъ ординарецъ съ приказомъ идти къ городку З., т.-е. начать наступленіе. Съ запада къ З. подходила колонна подъ начальствомъ генерала И. Туда стягивались всѣ части, находившіяся на этомъ фронтѣ сраженія. Надо было взять городокъ, стоявшій по пути къ Дуклямъ, удобному перевалу черезъ Карпаты. Переходъ къ З. не былъ бы труденъ, если бы не

изрѣзанная холмами съ крутыми подъемами мѣстность. Но нашего солдата, по словамъ Лаптева, „собака не съѣстъ“. Только что выдержавшіе двѣ недѣли „позиціонной“ борьбы въ окопахъ, а до того сдѣлавшіе рядъ маршей и контръ-маршей по болотамъ, они, какъ ни въ чемъ не бывало, зашагали къ З., карабкаясь при помощи винтовокъ на горы, скатываясь внизъ „на своихъ салазкахъ“, минуя ущелья и пропасти.

Заросшіе прекраснымъ строевымъ лѣсомъ холмы, покрытые зарослями олешника и низкорослой горной березы, долины, нивы, поемныя луга на берегахъ многихъ рѣчушекъ, приводили солдата въ восхищеніе.

— Богатый это край, ребята.—говорилъ Лаптевъ. Набравъ горсть земли, онъ дѣловито разсматривалъ ее, растирая между пальцами. — Добрая земля, жирная. Стоитъ, братцы, повоевать изъ-за такой земли.

Въ умѣ Лаптева или Кириллова эта большая драка—война, имѣетъ только тотъ смыслъ, что люди воюютъ изъ-за земли:

— Отъ хорошей жизни развѣ пойдешь воевать?

. . . . . .

. . . . . .

— Что и говорить! Въ газетахъ все прописано, какъ, что и къ чему.

Или:

— Мы люди темные. Куда намъ понять?

. . . . . .

. . . . . .

Про это толкуютъ между собою Лаптевы и Кирилловы во время походовъ или лежа въ окопахъ.

И вотъ Лаптевъ, идетъ безъ страха въ бой, бросается съ пѣньемъ молитвы въ кровопролитную атаку и гонитъ и бьетъ превосходно вооруженнаго культурой и военной техникой противника при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Въ Лаптевѣ безконеч-

ный источникъ силъ, энергіи, онъ не боится ничего, онъ никогда не устаетъ, онъ съ раной, отъ которой иной человѣкъ свалится съ ногъ, продолжаетъ сражаться, отказываясь идти на перевязку:

— Чего я, елки зеленыя, канителиться стану!

Это—не война, а что то другое, болѣе обширное по значенію и смыслу, а главное, по духу. И хотя „по нашему“ это выходитъ такъ, а по-лаптевски „энтакъ“, но суть дѣла—одна и та же: и мужикъ Лаптевъ и интеллигентъ Шаскольскій видятъ смыслъ войны въ конечномъ торжествѣ права,....

И сейчасъ, переваливая послѣдній склонъ П-скихъ холмовъ, четвертыя сутки въ походѣ, послѣ двухнедѣльнаго боя, Лаптевъ, Кирилловъ, Шаскольскій, полякъ-патріотъ Сливинскій, который вѣритъ, что и имъ обязательно „что-то дадутъ“, еврей-барабанщикъ Кроль, татаринъ Бардаевъ—всѣ идутъ бодрымъ мѣрнымъ шагомъ, какъ на смотру.

— Лѣвой—правой, лѣвой—правой.

III.

Фуражки помяты, шинели въ грази, лица небриты, сапоги истоптаны—невзрачный видъ у колонны, идущей въ бой послѣ долгаго перехода. И офицеры, такіе же невзрачные, неказистые на видъ, какъ мы, шагаютъ рядомъ, каждый со своей частью, и забрызганный грязью длинный хвостъ артиллеріи сѣро и буднично какъ-то громыхаетъ по дорогѣ, среди сѣраго кустарника, подъ мелкимъ, нуднымъ дождикомъ.

Близко, за рощей, громыхаютъ орудія. Пострѣляютъ и перестанутъ, потомъ снова начнутъ свою болтовню. Тамъ идетъ большой бой, который колонна генерала И. завязала съ непріятелемъ западнѣе города З. Городокъ зажженъ снарядами, и яркое зарево багровѣетъ

на хмуромъ вечернемъ небѣ. Три гулкихъ взрыва одинъ за другимъ потрясаютъ воздухъ, а черезъ нѣсколько минутъ за ними слѣдуетъ четвертый; слышно, какъ что-то, звеня и треща, рухнуло, словно обрушилась полка съ посудой:

— Дзень!

Это взорвали мосты за городомъ, въ тылу у непріятеля, которому, очевидно, отрѣзали отступленіе, охвативъ оба его фланга.

Намъ нужно ударить въ центръ, разъединить стыкъ между двумя корпусами, находящійся у городка З. Ночью, въ сырой и липкой тьмѣ, мы пробираемся сквозь чащу дубняка. Здѣсь, въ лѣсу, такъ темно, что не видно лица сосѣда, а наверху небо густо-багровое. Его то и дѣло бороздятъ ракеты снарядовъ, разбрызгивающихъ во всѣ стороны яркія искры.

Вдругъ верхушки деревьевъ сразу побѣлѣли. Длинная полоса свѣта пробѣжала по небу, упала на лѣсъ, на шоссе, пошарила въ обочинахъ дороги и озарила яркимъ, слѣпящимъ глаза сіяніемъ наши ряды. Непріятель открылъ насъ и началъ обстрѣливать лѣсъ.

Быстро вышли на опушку и стали перестраиваться въ боевую колонну. Съ высоты З. сюда сыпались снаряды ужаснымъ сплошнымъ дождемъ, и казалось совершенно невозможнымъ пробѣжать подъ этимъ огненнымъ ливнемъ поляну, взлетѣть на высоту и взять укрѣпленный и защищаемый горной артиллеріей городокъ.

— Въ атаку!

Сердце бьется сильно, вотъ-вотъ выскочитъ изъ груди. Холодный потъ катится по лбу, а ноги сами несутъ въ огонь, среди рвущихся снарядовъ. Маленькій Кроль, стараясь перекричать грохотъ орудій, топотъ, звонъ, свистъ, во все горло оретъ:

— Шма, Исроэль! (Слушай, Израиль!).

Кричатъ всѣ, и каждый свое, потому что не кричать нельзя: надо перекричать страхъ.

Что-то мягкое подъ ногами. Запнулся и упалъ. Это унтеръ-офицеръ Филипповъ. Раненъ въ грудь. Хрипя и извиваясь, онъ силится ползти впередъ и, грозя кулаками грохочущимъ высотамъ, — ругается похабной бранью. Но тонетъ его голосъ въ тысячахъ криковъ, замираетъ и слабѣетъ, и едва слышно, какъ вмѣстѣ съ послѣднимъ кровавымъ плевкомъ вырывается изъ его простр'ѣленной груди проклятія матерямъ, родившимъ непріятеля.

Даже здѣсь, въ этомъ бѣшеномъ налетѣ, сказывается характеръ человѣка. Великанъ Кирилловъ бѣжитъ, размахивая прикладомъ, хотя некого еще пока бить и кричитъ:

— Ахъ, сволочь! Ну-ка, вылазь!

Лаптевъ, нагнувъ голову, мчится впередъ, не разбирая дороги. Онъ робокъ, немного даже трусливъ, но стоитъ ему дорваться до первыхъ рядовъ непріятеля, какъ онъ свир'ѣпѣетъ и, забывъ о страхѣ, крушитъ и ломитъ.

Методичный Шаскольскій не размахиваетъ руками безъ толку, не кричитъ, не мечется изъ стороны въ сторону. Онъ прижалъ локти къ туловищу, втянулъ голову въ плечи, присѣлъ, какъ-то весь напружинился и сдѣлалъ скачекъ въ одну сторону, другой—въ противоположномъ направленіи, третій, словно конь на шахматной доскѣ.

Это моя тактика, — объяснилъ онъ какъ-то свои скачки.—Я сокращаю этимъ разстояніе и достигаю минимума опасности...

Однако „тактика“ на этотъ разъ не спасла бѣднаго Шаскольскаго. Сдѣлавъ третій скачекъ, онъ падаетъ ничкомъ, успѣвъ только крикнуть:

— Я готовъ, чортъ возь...

Даже выругаться не успѣлъ. „Марфутка“ добила его, разбрызгавъ по всему полю то, что было Шасколь-скимъ.

— Влады-ы-чица!

Осколокъ снаряда угодилъ въ животъ Лаптеву. Нагнувшись и прижавъ руки къ животу, онъ бѣжитъ, заправляя выпадающія розовыя кишки и кричитъ надрывающимся голосомъ:

— Вла-а-ды-чи-ца!

Непріятель бросился въ контръ-атаку у самаго городка, который пылалъ во всѣхъ концахъ. Теперь страхъ прошелъ. Руки сами кололи, били, а въ головѣ была одна только мысль: прорваться. Преодолѣлъ мягкое препятствіе подъ штыкомъ, вырвалъ его—и дальше, и снова тыкаешь его во что-то мягкое, стараясь не думать, что это живое, человѣческое тѣло. Руки проколотаго врага хватаются за винтовку, отталкиваютъ ее отъ себя, по штыку стекаетъ кровь, бѣжитъ струйкой по ложбинкѣ, заползаетъ за рукавъ и тамъ свертывается липкими сгустками.

Кирилловъ давно бросилъ винтовку. Онъ дерется, по обыкновенію, кулаками. Обнялъ дюжаго австрійца, стиснулъ его такъ, что у того кости затрещали и, ухнувъ, швырнулъ его о земь. Бросился на другого, свалился съ нимъ и душитъ его, пыхтя и ругаясь:

— Ахъ, распросукинъ сынъ!

Какой-то бородатый венгерецъ, съ дикимъ, перекошеннымъ лицомъ, сверкая глазами, бросился на поручика В., нашего полуротнаго. Тотъ отскочилъ въ сторону и, размахнувшись изо-всей силы шашкой, рубанулъ венгерца. Шашка разрубила голову до подбородка и сломалась.

Подошедшая съ тыла колонна полковника С—скаго ударила на задніе ряды сражавшагося съ нами непріятеля. Стиснутый съ обѣихъ сторонъ, онъ дрогнулъ и

бросился влѣво, къ лѣсу, гдѣ его ждалъ N—скій полкъ. Не преслѣдуя непріятеля, мы вошли въ городокъ З. На его кривыхъ и узкихъ уличкахъ продолжалось сраженіе. Изъ каждаго окна, съ крышъ, съ балконовъ насъ обстрѣливали, обливали кипяткомъ, забрасывали каменьями. Въ довершеніе всего городъ пылалъ и приходилось сражаться въ огнѣ, въ дыму, разбившись на мелкіе отряды. Гдѣ-то протяжно и гулко стоналъ набатъ. Согнанные къ соборной площади, окруженные со всѣхъ сторонъ, австрійцы сдавались. А здѣсь они продолжали съ геройствомъ отчаянія сраженіе изъ домовъ, изъ угловъ и закоулковъ.

Какой-то старикъ съ бѣлой, взлохмаченной бородою, выскочилъ изъ горящаго дома; онъ обнялъ подушку, кричалъ и смѣялся:

— Цурка моя ладная! Ха-ха-ха! Потанцуемъ, цурка моя.

Мимо него пробѣжалъ солдатъ, размахнулся, чтобы ударить его прикладомъ. Кирилловъ схватилъ солдата за шиворотъ, отбросилъ его въ сторону.

— Не замай, звѣрюга,—сказалъ онъ.—Аль не видишь, тронулся.

...Черезъ нѣсколько часовъ звуки рожка собрали насъ на площади. Мы выступали изъ горѣвшаго и взятаго нами З. по направленію къ Дуклямъ...

Въ озареніи войны.

Нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ видъ раззореннаго человѣческаго жилья. Нѣсколько ударовъ многопудовыхъ снарядовъ разносятъ зданіе до основанія, такъ что отъ него остается куча мусора, щебня и щепокъ. А если городокъ, мѣстечко или усадьба находятся въ полосѣ обстрѣла, то ураганнымъ огнемъ, которымъ обыкновенно подготовляется атака, сносится все, буквально сравнивается съ землею, и отъ человѣческаго гнѣзда остаются только торчащія трубы, которыхъ — не знаю почему — большею частью не задѣваютъ ядра, шрапнели и картечь.

До Р. мы миновали много такихъ разгромленныхъ артиллерійскимъ огнемъ мѣстъ. Обгорѣвшія стропила, покоробленные листы желѣза, сорванные съ крышъ и валявшіеся подъ ногами, битая посуда, исковерканная утварь, рамы съ лохмотьями обгорѣлаго холста — бывшія картины, обугленный остовъ фисгармоніи, — вотъ что осталось отъ веселыхъ польскихъ усадебъ, въ которыхъ побывали австрійцы и надъ которыми поработалъ артиллерійскій огонь.

Мы привыкли видѣть смерть, насъ не пугаетъ видъ самыхъ ужасныхъ ранъ, — ранъ отъ разрывныхъ пуль, которыя, пробивъ маленькое отверстіе у входа, выйдя, разрываютъ рану величиной съ блюдечко. Мы видѣли самыя ужасныя страданія, тысячи разъ мысленно пред-

ставляли себя на мѣстѣ своихъ раненыхъ товарищей. Страхъ боли, который острѣе и страшнѣе страха смерти, давно перегорѣлъ въ душѣ каждаго изъ насъ. Мы ничего не боимся, ни отъ чего не приходимъ въ отчаяніе, ничто не наводитъ на насъ ужаса. Но есть одно, къ чему нельзя привыкнуть: это обуглившіяся крыши, обломки мебели, черепки посуды...

Простые солдаты, особенно изъ крестьянъ, такіе, какъ Звѣревъ, Ложкинъ, Зозуленко, сильнѣе и глубже чувствуютъ все значеніе, весь ужасъ разрухи, чѣмъ интеллигенты.

— Стало быть, порѣшили совсѣмъ, — говорятъ они при видѣ развалинъ.—Ежели онъ не то, что человѣка, а жилья не пожалѣлъ, значитъ, до отчаянности дошелъ. Шабашъ, значитъ.

У Р. находился старинный, прекрасный паркъ польскаго магната Браницкаго. Роскошныя старыя липы, дубы въ два обхвата, высокія акаціи, лишенныя вѣтвей и верхушекъ, сорванныхъ снарядами, обгорѣли и мрачно чернѣлись ровными аллеями, словно мертвецы, стороживше покой разрушеннаго замка. Оранжереи съ разбитыми крышами, цвѣтники, представлявшіе груды битыхъ черепковъ и сору, пруды, заваленные обломками какой-то рухляди, изрытыя окопами площадки для лаунъ-тенниса и гуляній, исковерканныя снарядами, — вотъ что осталось отъ богатаго помѣстья.

Странное, сложное чувство — жалость и еще что-то неуловимое, похожее на раскаяніе, на ощущеніе своей, хотя и невольной вины, шевельнулось въ душѣ. Отъ этого ощущенія нахмурились лица у солдатъ, крѣпче ругались они, съ особымъ усердіемъ отбивали шагъ, стараясь итти въ ногу, хотя этого совсѣмъ не нужно было, а Звѣревъ, закуривъ папироску, затянулся раза-два, бросилъ ее недокуренной и, плюнувъ, сказалъ.

— Коли драка, такъ скулы дробятъ. А добро на что рушить? Черти!

— Помалкивай! — прикрикнулъ на него унтеръ. — Не твоего ума дѣло.

Звѣревъ закурилъ другую папиросу, но и ее бросилъ и сталъ браниться, что табакъ отсырѣлъ.

— Табакъ для военнаго человѣка — первое дѣло. А онъ, черти бы его ѣли, отсырѣлъ. Что ты станешь робить безъ курева-то въ военное время!

— На, Звѣревъ, папиросу. Буде!—предложилъ Кострюковъ.

Звѣревъ взялъ папиросу, видимо, сожалѣя, что нѣтъ больше предлога для того, чтобы ворчать.

Впрочемъ, браниться было некогда. Намъ приказали выйти изъ парка и направиться къ Р., гдѣ были окопы N-ской дивизіи.

У дороги, въ концѣ парка, стояло до войны каменное строеніе — должно быть, сторожка. Отъ него остались только труба и двѣ стѣны. Когда мы подошли къ этому мѣсту, изъ-за трубы выскочила ободранная одичавшая собака и съ воемъ бросилась прочь.

— Смердитъ чтой-то, ребята, — приблизившись къ кучѣ щебня, сказалъ Ложкинъ.

Оттуда, въ самомъ дѣлѣ, шелъ сладковатый запахъ разложенія и бѣлѣлось что-то. Это былъ трупикъ ребенка. Бѣлое платьице и башмачки, отороченные мѣхомъ, были цѣлы. Но вмѣсто лица былъ какой-то краснобурый отвратительный комокъ.

Солдаты остановились надъ разлагающимся трупомъ.

— Чего не видѣли! Ступай! — отводя въ сторону глаза, крикнулъ унтеръ.

Ложкинъ повелъ головою, словно воротникъ ему былъ тѣсенъ, и посмотрѣлъ на окружающихъ какимъ-то растерянным взглядомъ.

— Эко дѣло какое... А?

И больше ни слова не сказалъ до самаго вечера, хотя любилъ поболтать. Вечеромъ, усѣвшись въ болото, гдѣ мы имѣли роздыхъ, онъ долго курилъ, потомъ свисталъ, потомъ пѣлъ и, наконецъ, тихо сказалъ:

— А платье на ей бѣленькое!

Опять принялся свистать и, въ конецъ, отдѣлавшись отъ своихъ мыслей и повеселѣвъ, ни съ того, ни съ сего, хлопнулъ Звѣрева кулакомъ по спинѣ и крикнулъ:

— Ходи весело, Палаша!

Это было его любимое присловье, которымъ онъ заключалъ обычно свою рѣчь или кругъ своихъ мыслей.

...Я — мирный человѣкъ. Я прочиталъ много книгъ, хорошихъ книгъ, трактующихъ о томъ, что добро и что зло. Я не могу никого убить, не могу украсть, не могу обидѣть женщину или ребенка. Я знаю, я убѣжденъ, что война — зло, что въ ней — соединеніе всего того, чего я не могу сдѣлать. Но вотъ звенитъ рожокъ, разсыпается по полю его тревожное „тра-та та“. У меня начинаетъ биться сердце, сдавливаетъ горло, мутится умъ, и нѣтъ уже ни того, что оставили во мнѣ книги, ни добра, ни зла. Есть *неизбѣжность*, и то, что я сдѣлаю штыкомъ или винтовкой, будетъ не убійство, не зло и не ужасъ, а необходимое и важное дѣло.

Въ стальномъ „тра-та-та“ — сила, которая сильнѣе меня, моего страха крови! Онъ правъ, этотъ призывный звукъ, и нѣтъ во мнѣ аргументовъ противъ него. Принципы? Какіе принципы, какія убѣжденія могутъ устоять предъ силою неизбѣжности? Страхъ? Но война

такое дѣло, въ которомъ страхъ побѣждается страхомъ же: для того, что-бы бѣжать, нужна большая храбрость, чѣмъ для того, чтобы итти впередъ, потому что назади пули и ядра, а ближе они перелетаютъ черезъ голову, а еще ближе, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ рѣшается вопросъ прорыва, т.-е. избавленія отъ опасности.

Когда звучитъ сигналъ, я уже не знаю, не сознаю умомъ, что мнѣ нужно дѣлать, не вижу, что я дѣлаю, но должно быть, я дѣлаю то, что нужно.

А нужно вотъ что: пробѣжать нѣсколько шаговъ, прилечь и окопаться. Опять встать, побѣжать; опять лечь и снова врыться, какъ можно глубже, въ землю. Лопатка сама вонзается въ землю, самъ собою вырастаетъ холмикъ, а въ это время я думаю совсѣмъ о другомъ, не о войнѣ, не о перебѣжкѣ, а о синемъ небѣ, о себѣ самомъ, обо всемъ, кромѣ того, что есть вокругъ меня. Объ этомъ думать нельзя.

То существо, которое представляю я, весь я, со своими мыслями, чувствами, со своимъ страхомъ, съ голубымъ небомъ, которое я вижу,—это все можетъ умереть. И тогда меня не будетъ, ни этого неба, ни войны, ни даже сдѣланнаго мною холмика земли. Объ этомъ я, и Звѣревъ, и юристъ-вольноопредѣляющійся Томилинъ и всѣ думаемъ напряженно, съ бьющимся сердцемъ.

— Ахъ, такъ и такъ его!—ругается Звѣревъ, отмахиваясь лопаточкой, словно отъ мухъ, отъ летящихъ со всѣхъ сторонъ пуль.

— Пошто бранишься? Може, умрешь, — говоритъ тулякъ Максимовъ.

— Пошто? Веселѣе, ежели ругнешься. А то, што онъ дѣлаетъ, туда его и еще туда!

— Экій языкъ у тебя, Звѣревъ! Безъ матерщины не могишь?

— А не могу, милый, такъ и не могу. Нутро такое!

— Одно слово, ходи весело!—говоритъ свою любимую пословицу Ложкинъ.

Это подъ пулями, въ первой линіи окоповъ, взятыхъ нами за ночь.

Скоро ли будетъ опять атака, мы не знаемъ. Теперь бьютъ ураганнымъ огнемъ. А тѣмъ временемъ мы заканчиваемъ исправленіе взятыхъ нами непріятельскихъ окоповъ, въ которыхъ мы залегли. Ихъ нужно повернуть въ противоположную сторону, „задомъ напередъ“, какъ говорятъ солдаты, т.-е. срыть насыпь назади и набросать ее впереди.

Здѣсь цѣлая сложная система траншей. Впереди, т.-е. тамъ, гдѣ мы, идетъ линія прикрытія. Тутъ находится атакующая пѣхота. Это глубокія траншеи, хорошо блиндированныя, мѣстами крытыя бревнами и землею, съ амбразурами для винтовокъ и выемками для командировъ. За этой линіей—второй рядъ окоповъ. Это, скорѣе, не окопы, а землянки съ прочнымъ прикрытіемъ. Здѣсь батареи. Мѣстами въ этой линіи выступаютъ впередъ вышки для наблюденія за стрѣльбой и корректированія ея. Дальше, третій рядъ траншей, резервъ. Всѣ три линіи окоповъ соединяются другъ съ другомъ поперечными траншеями. Когда насъ бросятъ въ атаку, резервъ изъ третьей линіи перебѣжитъ въ первую и займетъ наше мѣсто.

Это подземный городокъ, съ улицами и переулками, но этотъ городокъ мѣняетъ свои очертанія по мѣрѣ развитія боя. Прорываются перекидныя, двойныя и простыя сапы, расширяется сѣть траншей, набрасываются новыя насыпи, строятся и возвышаются ложныя прикрытія, чтобы заставить непріятеля бить впустую. И вся эта работа дѣлается во время боя, подъ грохотъ несмолкающей пальбы, подъ дождемъ свинца и желѣза. И не страшно дѣлать ее, а весело, потому что забываешь обо всемъ кромѣ того, что вотъ здѣсь надо

подравнять лопатой такъ-то, а тамъ нужно ковырнуть землю этакъ, или вотъ тутъ требуется углубить ровъ и поднять насыпь.

Пули сыплются и сыплются безъ конца.

— Тутъ тебѣ и почесаться не дадутъ,—добродушно и весело говоритъ Борзовъ, поглядывая вверхъ, гдѣ свистятъ рои пуль.

— А что вша заѣла?

— Не объ этомъ рѣчь. Стрѣляетъ шибко.

— Пущай стрѣляетъ. А намъ ништо. Знай, копай.

— Глянь-ко-ся, что у его дѣлается. Чешутъ же его наши батареи, братъ! Во, во!

Солнце ярко и весело свѣтитъ. Небо сине и чисто. И только вдали, на самомъ горизонтѣ, словно нависла черная-черная туча съ ярко багровыми краями и вспыхивающими золотыми жилками.

Вдругъ тамъ гдѣ эта туча, немного влѣво отъ насъ, поднимается огромный столбъ дыма и—„пуфъ! пуфъ!“—столбъ багровѣетъ и становится огненнымъ, потомъ страшный ударъ и въ воздухъ летятъ какіе-то черные куски: камни или люди—не разобрать. Потомъ такая же исторія правѣе, и еще, и еще,—на всей видимой намъ линіи взметываются ужасные взрывы.

— Ловко!

— Да-а! Хорошо это намъ говорить: „ловко“. А ежели бы въ насъ да этакъ?

— Много, чай, народу попортило тамъ?

— Не мало, надо полагать.

— Э-эхъ! Люди, ровно блохи: бей, не считай! Такъ-то!

— Ну, размякъ, отсырѣлъ, Федоровъ. Чего пустое говоришь? Дѣлай свое дѣло!

— Насъ они, поди, пожалѣютъ?

— Да-а, пожалѣютъ! Разрывной пулей, зазубреннымъ штыкомъ—этакъ пожалѣютъ.

— На то война.

— Одно слово,—ходи, Палаша! — заключаетъ Ложкинъ.

Взрывы на непріятельскихъ позиціяхъ произошли не только вслѣдствіе дѣйствія нашего артиллерійскаго огня: нѣсколько сутокъ, главнымъ образомъ по ночамъ, саперы рыли сапу, пробираясь подъ землей къ непріятельскимъ окопамъ. Сидитъ солдатикъ на корточкахъ и тихо долбитъ землю, за нимъ—другой, третій, идутъ вглубь и впередъ. Подземная сапа проводится подъ траншею непріятеля, закладываются фугасы, проводится проволока, токъ замыкается—и готово. Траншея взлетаетъ на воздухъ.

Такая работа была сдѣлана саперами до нашего прибытія, и, какъ видно, была произведена удачно. Двѣ траншеи на обоихъ флангахъ взлетѣли на воздухъ, и непріятелю пришлось вывести, на мѣсто погибшей передовой части, свой резервъ.

По ночамъ пальба стихала, и обѣ стороны „нащарпивали“ другъ друга. Развѣдочные отряды разсыпались вѣеромъ по флангамъ траншей и выясняли количество непріятельскихъ силъ, ихъ составъ, а главное, ихъ расположеніе, чтобы затѣмъ мѣтко направлять стрѣльбу. Цѣлый рядъ хитрыхъ, ложныхъ маневровъ со стороны непріятеля вызывалъ необходимость провѣрять каждое свое движеніе, каждое дѣйствіе, чтобы не попасть впросакъ. Наступленіе на одномъ мѣстѣ не означало еще наступленіе вообще, а производилось для того, чтобы отвлечь наше вниманіе и сдѣлать какое-нибудь опасное для насъ движеніе; усиленный огонь изъ такого-то пункта прикрывалъ рѣшительныя и серьезныя операціи въ другомъ пунктѣ. Ничего нельзя было предвидѣть, ничему нельзя было вѣрить, и только тщательныя и серьезныя развѣдки давали матеріалъ для насъ, и наши дѣйствія были сознательными, а не случайными.

Насколько въ бою, въ атакѣ важно чувство общности, сліяніе отдѣльныхъ единицъ въ одинъ боевой коллективъ, настолько въ развѣдочныхъ операціяхъ важна личная иниціатива, смѣтливость, находчивость. Въ бою огромную роль играетъ коллективная храбрость: тутъ не важно, что Ивановъ или Петровъ храбръ, а важна нивелировка, чтобы всѣ были, приблизительно, одинаковы, чтобы личное начало поглощалось и покрывалось коллективнымъ, массовымъ порывомъ. Въ этой войнѣ, гдѣ дѣйствуютъ машины, гдѣ огонь бьетъ съ точностью часового механизма, гдѣ снаряды не только рвутся и производятъ опустошенія, но и показываютъ на дистанціонной трубкѣ разстояніе, которое они пролетѣли, въ этой войнѣ, гдѣ стрѣляютъ по невидимой цѣли и попадаютъ въ нее, гдѣ побѣждаютъ на основаніи точныхъ математическихъ вычисленій, гдѣ цифра нерѣдко сильнѣе человѣка,—личный примѣръ не играетъ почти никакой роли. Здѣсь дѣйствуютъ только двѣ силы: стихія и техника. Стихія—это массовая психическая сила, сумма настроеній Ивановыхъ, Петровыхъ, Корнѣевыхъ, а техника—это тѣ усовершенствованныя орудія, тѣ сложные пріемы, которые примѣняются съ обѣихъ сторонъ въ этой войнѣ.

Другое дѣло—развѣдка. Здѣсь Ивановъ или Петровъ долженъ быть самимъ собою. Личныя свойства развѣдчика—вниманіе, осторожность, хитрость, нюхъ, способность къ анализу—имѣютъ огромное значеніе.

Поэтому среди нашихъ развѣдчиковъ были такіе люди, вокругъ имени которыхъ сплетались цѣлыя легенды. Таковъ былъ грубоватый и на первый взглядъ неуклюжій Звѣревъ.

— Звѣревъ—онъ те носомъ за три версты разнюхаетъ непріятеля,—говорили про него солдаты.

— Звѣревъ слѣдъ чуетъ. Вотъ понюхаетъ землю и знаетъ, кто прошелъ по ней.

Ночью девять человѣкъ, со Звѣревымъ въ ихъ числѣ, отправились на развѣдку. По небу забѣгали бѣлыя полосы свѣта прожекторовъ, нащупывавшихъ темноту.

— Нашариваетъ,—сказалъ Ложкинъ.

— Гляди-ко, и наши тоже.

Съ нашей стороны вспыхнулъ ярко-бѣлый свѣтъ и побѣжалъ по-полю. Обѣ стороны старались обнаружить развѣдочные отряды, шаря по кустамъ, по оврагамъ, по всѣмъ потайнымъ мѣстамъ. Отъ тишины, отъ торопливо перебѣгавшихъ сноповъ свѣта, отъ того, что небо было чернымъ-черно и съ него падалъ внизъ мелкій-мелкій дождикъ, было жутко.

И вдругъ крикъ — заячій, полный невыразимаго страха.

— Ай-яй!

— Что тамъ? Кто это?—послышался голосъ командира.

— Шпіёна пымали, ваше благородіе,—отвѣтилъ невѣдомо откуда вынырнувшій Звѣревъ, держа за воротъ маленькаго, вертляваго человѣка.

— Какого шпіона? Что ты бредишь? Какіе тутъ могутъ быть шпіоны? Непріятельскій развѣдчикъ?

— Никакъ нѣтъ. Шпіенъ. Онъ самый.

— Ай-яй!—опять по заячьи пискнулъ человѣкъ и, присѣвъ зачѣмъ-то на корточки, началъ быстро-быстро лепетать что-то по-нѣмецки.

Отошли мы шаговъ сто отъ нашихъ окоповъ,—докладывалъ Звѣревъ,—Миляевъ запнулся за что-то и упалъ. Упалъ и говоритъ: „проволока“. Смотрю, точно: проволока. Подъ землей она идетъ, да не глубоко, а въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Миляевъ запнулся, совсѣмъ вышла наружу. Ну, мы по ней назадъ пошли, и она довела насъ до халупки. Этакъ ладно устроился, собака: между второй и третьей траншеей въ лѣсочкѣ. Огонь-

ки тамъ разные у него въ окошкѣ: то красный засвѣтитъ, то синій. А въ халупѣ у него подъ периной телефонъ. Ясное дѣло, какую птицу словилъ.

— Ай-яй!—забился человѣкъ и совсѣмъ легъ на землю, охвативъ руками сапоги ротнаго.

Человѣкъ этотъ, австріецъ-крестьянинъ, корректировалъ стрѣльбу непріятеля въ наши позиціи при помощи телефона и свѣтовыхъ сигналовъ, но, видимо, плохо корректировалъ, потому что весь день непріятельскіе снаряды попадали плохо.

Его халупа сослужила намъ службу. Поручикъ Ч., забравшись туда, попытался, какъ онъ сказалъ, „подложить свинью“ непріятелю—направлять его стрѣльбу, разумѣется, не въ наши окопы; маневръ нѣкоторое время удавался, пока непріятель не разобрался, что его обманываютъ: до полудня непріятельская артиллерія била по лѣсу, гдѣ никого не было.

Шпіона увели. Онъ продолжалъ жалобно кричать. И, странное дѣло, солдаты жалѣли его.

— Пропалъ, нѣмецъ.

— А что ему будетъ?

— Эхъ, дядя! Извѣстное дѣло, что будетъ: кокнутъ.

— Плакалъ же онъ какъ! Страхъ!

— Помереть, я чай, не сладко.

— Животная—и та умирать не хочетъ.

— А шпіонить любишь? Самъ себя человѣкъ убилъ.

— Робилъ бы какую работу, коли жрать охота. А то вотъ на какое дѣло выдумалъ.

— Кажный человѣкъ по своей спецыяльности. Ты, скажемъ, солдатъ, а онъ шпіенъ.

— Я, никогда не видавши шпіоновъ, думалъ, что они другіе. А такой же человѣкъ, какъ всѣ. Даже плѣшь у него на головѣ, какъ у нашего лавочника Митрохина... Капутъ ему теперь.

— Ка-а-путъ! И лысинѣ его капутъ.

О шпіонѣ говорили долго. Больше всѣхъ интересовался его судьбою поймавшій его Звѣревъ, но, когда узналъ, что все, что полагается въ этихъ случаяхъ, со шпіономъ сдѣлали, онъ пересталъ интересоваться имъ.

— Теперь тебѣ, Звѣревъ, награда выйдетъ, — сказалъ кто-то.

— Отстань,—отмахнулся Звѣревъ.

Вечеромъ стало извѣстно, что ночью будетъ атака. Солдаты, какъ всегда, „прибирались“ передъ боемъ: смѣняли сорочки, у кого была смѣна, переобувались, умывались:

— Умирать надо чисто.

Вольноопредѣляющійся Томилинъ сидѣлъ въ углу траншеи и думалъ о чемъ-то. Потомъ вдругъ поднялся и подошелъ ко мнѣ.

— Я говорилъ вамъ какъ-то, что я невѣрующій. А теперь я вѣрю. И, знаете, вообще, война измѣнила, кажется, насъ всѣхъ. То есть убѣжденіе и взглядъ остались тѣ же, но въ душѣ что-то новое.

— Причастіе огнемъ и кровью?—вспомнилъ я его же выраженіе.

— Нѣтъ, не то. Я не могу сказать что. Въ словахъ— претенціозность и вычурность. Вотъ, Звѣревъ или Зозуленко могъ бы это выразить, а я не могу... Ожиданіе чего-то, напряженное, страстное ожиданіе, предъ которымъ моя смерть—пустякъ, мелкій эпизодъ, не имѣющій никакого значенія.

— Что, братъ, боишься?—спросилъ кто-то въ темнотѣ невиднаго намъ собесѣдника.

— Чего боюсь? На людяхъ то?—отвѣтилъ тотъ.— Да и коли боюсь—не спросятъ. Нужно—и весь сказъ.

— Правильно!

Томилинъ кивнулъ головой, какъ бы соглашаясь

съ тѣмъ, что „весь сказъ“ въ томъ, что „нужно“, и отошелъ.

Отдали приказъ выйти изъ траншеи, разсыпаться и тихо подходить къ непріятельскимъ позиціямъ. Знакомое чувство не то страха, не то напряженія охватило всего.

Непріятель на сторожѣ. Онъ замѣтилъ или почуялъ готовившуюся атаку. Пулеметы застрочили и выбросили свои вѣера пуль.

Словно колосья, спѣлые и сухіе, шуршатъ надъ головою. Это шипятъ, сливаясь въ страшный шопотъ, тысячи пулекъ. Ближе—слышнѣе и ярче звукъ. Пульки, теряя силу удара, скользятъ по тѣлу, звенятъ, ударяясь о флягу.

И опять, какъ нѣсколько дней тому назадъ во время атаки, я чувствую, что думать о страхѣ теперь нельзя, иначе онъ придетъ, и будетъ плохо.

Недалеко отъ меня Томилинъ и Кириченко. Одинъ справа, другой слѣва припали къ землѣ. Я не знаю, отчего мы лежимъ такъ долго, но вижу сквозь прищуренныя вѣки, что между нами вертится что-то огненное, и слышу его густое гудѣніе. Надо отползти въ сторону, но руки и ноги не слушаются, а тѣло, тяжелое и неуклюжее, прилипло къ землѣ.

— Убьетъ? Меня или Томилина? Вѣроятно, Томилина: къ нему „оно“ ближе. Ахъ, если бы не меня, если бы не меня! Сколько мнѣ лѣтъ? Тридцать два всего. Если я до разрыва сосчитаю четное число, я уцѣлѣю. Разъ, два, три...

— Ба-ахъ!

— Что? Уже? Тридцать два года? Томилинъ или я?

Томилинъ вскакиваетъ на ноги. Я тоже встаю. Кириченко лежитъ.

— Кириченко!

— Ась?

— Живъ?

— Цѣлъ.

— Почему лежишь?

— А „она“ уже?

— Уже.

Кириченко садится и, снявъ шапку, широко крестится.

По полю пробѣгаетъ узкая красная полоска свѣта. Это сигналъ къ атакѣ. Бросокъ впередъ—разъ. Я ничего не вижу. Только какія то сѣрыя и синія пятна. И не слышу ничего. Только смѣсь звуковъ, похожая на шумъ прибоя или, вѣрнѣе, на жужжаніе.

Передать впечатлѣніе атаки нѣтъ никакой возможности.

Впечатлѣнія нѣтъ. Есть только такое чувство, будто преодолѣваешь какую-то преграду. Вотъ она поддается.

— Наша беретъ, наша!—кричатъ гдѣ-то.

Вотъ она навалилась на насъ, и давитъ, и оттискиваетъ назадъ.

— Лезервъ подходитъ. Держись!

— Напри, напри! Еще разикъ!

— Ура!

Опять поддается преграда. Подошедшій нецріятельскій резервъ смятъ. Подъ ногами мягкое и живое, шевелится, вздувается буграми.

— Уже?—спрашиваютъ, какъ тогда, когда мы лежали передъ снарядомъ.

— Шабашъ.

Траншея взята. Да не она одна. Непріятель уходитъ, спѣшно стягивая фланги. Уходитъ безъ попытки сдержать наше преслѣдованіе.

За тремя рядами окоповъ пылаетъ городокъ Ж-въ. Уходя, непріятель поджегъ его. Раскинувъ руки и ноги, лежатъ во всѣхъ направленіяхъ люди. Одна траншея

набита до-верху трупами. Нѣкоторые стоятъ съ винтовками въ рукахъ, какъ живые.

Нѣсколько жителей городка, не успѣвшіе убѣжать, жмутся къ стѣнамъ горящихъ ярко домовъ и смотрятъ на насъ полными ужаса глазами. Одинъ старикъ полѣзъ въ огонь, подъ пылающую крышу. Пробѣжала женщина съ ребенкомъ въ рукахъ. Женщина и ребенокъ въ бѣломъ.

— А платьице на ей бѣленькое,—вспоминается восклицаніе Звѣрева.

— Жгутъ они зачѣмъ?—спрашиваетъ Кириченко.—Энти, вѣдь, не воюютъ. Такъ чего же они ихъ обижаютъ, своихъ-то?

— Звѣрье!—бросаетъ Томилинъ по адресу уходящихъ австрійцевъ.

А пожаръ разгорается все шире и шире. Австрійцы зажгли и лѣсъ за городкомъ, и деревню.

— Со злобы,—объясняетъ Звѣревъ.

— Ни намъ, ни вамъ. Хоть бы жителевъ пожалѣли.

...Горнистъ трубитъ сборъ.

Въ бою.

— Эй, сорока, куды прешь!

„Сорокою" унтеръ называлъ добровольца Мишутку, или Михаила Граченкова, мальчика лѣтъ четырнадцати, который, несмотря на усиленный обстрѣлъ нашихъ окоповъ, высунулся изъ-за насыпи, хотя въ этомъ не было никакой надобности.

На окрикъ унтера Мишутка не обратилъ никакаго вниманія. Онъ ловко и умѣло цыкнулъ слюну сквозь зубы и продолжалъ свое дѣло—высматривалъ что-то впереди окоповъ, напѣвая пѣсню, въ которой были такія слова, что солдаты постарше — отмахивались отъ нея и говаривали:

— Экій вострый, сукинъ котъ! Ну и пѣсня! Гдѣ ты ее, пострѣленокъ, выискалъ?

— Самъ придумалъ. Собственное свое сочиненіе Михаила Граченкова,—отвѣчалъ Мишутка, поглядывая на солдатъ съ такимъ видомъ, будто говорилъ:

— Вотъ я каковъ!

— Кокнетъ тебя шрапнель — запоешь. Слазь, говорю!—кричалъ унтеръ.

Мишутка оглянулся на него и пропѣлъ:

Эй, Вильгельмъ, трусь—не трусь—
Потяну тебя за усъ...

Дальще были такія слова, что солдаты покатились

со смѣху, а бородатый унтеръ нахмурился, плюнулъ и прикрикнулъ на солдатъ:

— Чего раскудахтались. Выпороть бы мальчишку за такія слова, а они радуются. Слазь, а не то за ноги тебя, сукинаго сына, стащу!

Мишутка, притворяясь, что онъ нисколько не боится унтера, не спѣша слѣзъ съ насыпи и плутовски подмигнулъ солдатамъ, отъ чего тѣ опять размѣялись.

— Вотъ такъ бестія!

Одно слово — шутъ. Тебѣ бы клоуномъ задѣлаться, Мишка!

— А что я видѣлъ, ребята! Вотъ страсти, растакъ-то его душу!

Мишутка началъ разсказывать что то. Но въ эту минуту надъ нашими головами послышалось характерное громыханіе снаряда, который, упавъ шагахъ въ десяти отъ траншеи, разорвался съ оглушительнымъ трескомъ.

— Буде, ребята, буде. По мѣстамъ, — приказалъ взводный.

Благодаря ночнымъ сапнымъ работамъ наши траншеи подошли къ непріятельскимъ позиціямъ такъ близко, что, когда смолкала пальба, намъ слышенъ былъ смутный гулъ людского говора, команда, лязгъ и звонъ оружія и перекликаніе часовыхъ по ночамъ. Прошлой ночью Мишутка безъ приказанія „лазилъ“ къ непріятельскимъ аванпостамъ и притащилъ ранецъ, набитый всякой всячиной. Тамъ были и галеты, которые, по словамъ солдатъ, „куда какъ скусны“, былъ табакъ, были тамъ даже мыло и зеркальце. Для того, чтобы добыть ранецъ, Мишуткѣ, какъ онъ говорилъ, пришлось преодолѣть цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій и, въ концѣ концовъ, „задавить“ часового. Три четверти изъ того, что онъ разсказывалъ, онъ, кажется, выдумалъ, но самъ, видимо, вѣрилъ въ свои

фантастическая приключенія и особенно хвалился тѣмъ, какъ онъ „цапнулъ“ часового изъ-за спины, какъ вцѣпился ему въ горло, какъ тотъ выпучилъ глаза и высунулъ языкъ, а потомъ „дрыгнулъ ногами и околѣлъ“.

— Да ну, брось! — кричали на Мишутку солдаты. Экій звѣренышъ какой, право!

Но его нимало не смущало брезгливое отношеніе солдатъ къ его разсказу. Онъ повторялъ его разъ десять въ теченіе дня, выдумывая всякій разъ новыя подробности, пока ему самому не надоѣло.

Мишутка состоялъ прежде при конномъ развѣдочномъ отрядѣ, отбился отъ своихъ и присталъ къ намъ. Съ нами онъ прошелъ отъ Яварува до Самбора, легко переносилъ всѣ походныя лишенія, несмотря на свое тщедушіе; ловко лазилъ по горамъ и былъ отличнымъ развѣдчикомъ, хотя вѣрить ему было трудно и надо было провѣрять его сообщенія, потому что онъ больше вралъ про препятствія и западни, которыя ему будто бы приходилось преодолѣвать.

...Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились въ данную минуту, должны были развиться серьезныя боевыя операціи. Непріятель стянулъ сюда большія силы, чтобы прикрыть желѣзнодорожныя магистрали отъ Суха-Скавче къ Чацѣ и отъ Бѣльжеца къ Мункачу, по которымъ онъ въ теченіе всей кампаніи перевозилъ свои войска съ одного участка фронта на другой. Конечные пункты этихъ магистралей—Чаца-Новый и Хыровъ были уже въ нашихъ рукахъ, но, уходя, непріятель разрушилъ желѣзнодорожный путь до такой степени, что возстановить его не было никакой возможности, особенно въ короткое время, которое мы имѣли въ своемъ распоряженіи.

Но бой не начинался, если не считать случайныхъ артиллерійскихъ и ружейныхъ перестрѣлокъ. Фронты

обоихъ войскъ, растянувшіеся на нѣсколько десятковъ верстъ, все время производили стратегическія передвиженія, извиваясь, какъ змѣи, то занимая новыя позиціи, то уступая безъ боя старыя съ возведенными на нихъ земляными укрѣпленіями. Непонятныя для насъ, недоступныя намъ, простымъ рядовымъ, соображенія штаба заставляли насъ чуть ли не по нѣскольку разъ въ день мѣнять мѣста, маршировать то туда, то сюда, окапываться, оставлять окопы, отступать и снова наступать. Въ одномъ мѣстѣ ослабляли фронтъ, переводя войсковыя части въ другое мѣсто и производя въ этомъ ослабленномъ пунктѣ демонстративное наступленіе, чтобы заставить обманутаго ложнымъ движеніемъ непріятеля здѣсь именно сосредоточить свои силы и неожиданно ударить на него съ другой стороны. Словно два драчуна-задиры, собираясь подраться, предварительно дѣлали „подходы“ и подразнивали другъ друга.

— А ну-ка, ударь сюда!—точно говорили мы, оставивъ у П. слабый заслонъ и начавъ этимъ заслономъ ложную атаку.

— Отчего бы вамъ не побить насъ, когда насъ въ этомъ мѣстѣ такъ мало?—какъ бы спрашивали мы, намѣренно демонстрируя малочисленность войска въ данномъ пунктѣ.

— Ну васъ совсѣмъ. Мы васъ боимся, мы уходимъ,— бросая окопы и спѣшно отступая послѣ ложной атаки, словно говорили намъ гонведные полки, бросаясь въ бѣгство, казавшееся на взглядъ паническимъ и безпорядочнымъ.

— Ну, нѣтъ, хитришь, братъ! грохотали наши пушки, посылая въ спину уходящему непріятелю снарядъ за снарядомъ.

— Теперь мы васъ раскусили,— гремѣли въ отвѣтъ

выстрѣлы внезапно повернувшейся къ намъ фронтомъ непріятельской артиллеріи.

Про то, что это только демонстрація, знаютъ тамъ, въ недосягаемой штабной квартирѣ, гдѣ движеніемъ пальца по картѣ перебрасываютъ корпуса, дивизіи и полки, насъ, живыхъ людей, съ мѣста на мѣсто. Тамъ мы боевыя части, здѣсь мы — Пахомовы, Сидоровы, Грачевы, которые, идя въ атаку, ложную или серьезную, переживаютъ всѣ перипетіи боя — страхъ, ужасъ, энтузіазмъ, опьяненіе и восторгъ. Они не бьются „за такъ“, они бьются и умираютъ во имя необходимости и горятъ въ боевой страдѣ, потому что такъ нужно. Пахомовы не знаютъ тонкостей стратегіи, не понимаютъ хитростей: для нихъ бой — серьезное дѣло, гдѣ идетъ все „на чистоту“. Иначе какъ же можетъ быть, чтобы люди шли на смерть, не боялись ранъ и страданій.

Благодаря стратегическимъ уловкамъ, примѣнявшимся обѣими сторонами, развѣдочныя операціи играли значительную роль. „Нащупывая“ другъ друга, мы узнавали объ истинныхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ непріятеля. И тутъ-то Мишутка и другой „бойскоутъ“, находившійся при нашей ротѣ, Василій Дѣдовъ, были незамѣнимы. Шустрые и неустрашимые, они, эти пролазы, пробирались въ самый центръ расположенія непріятеля и, если Мишутка фантазировалъ и вралъ безъ всякой видимой цѣли, а такъ, для живости разсказа, то Васька правдиво возстанавливалъ картину дѣйствительности.

— Доползли мы до того мѣста, а тамъ фугасы позаложены. Страсть! разсказывалъ Мишутка, описывая, какъ онъ, благодаря своей храбрости и находчивости, перебрался черезъ минированное поле.

— Врешь! Ничего этого не было, а только ямы выкопаны, и никого тамъ нѣтъ,—корректировалъ Васька.

— А кто скулилъ, когда мы въ сараѣ прятались и австріяки насъ чуть-чуть не накрыли?—дразнилъ Мишутка Ваську.

— Ай врешь, все врешь, самъ трусилъ, на утекъ бросился. А я австріяка его же штыкомъ закололъ, когда онъ спать завалился. Наскрозь прокололъ. Да живучь, собака, съ полчаса трепыхался и хлипалъ.

Страшно было слушать этихъ дѣтей, разсказывавшихъ объ убійствѣ такъ просто, словно это не человѣкъ, а курица „хлипала“ и „трепыхалась“.

— Отъ, бисовы діти! — не выдержалъ хохолъ Марченко. — Якъ воны смачно разсказываютъ. Ото-жъ байстрюки!

Согласно свѣдѣніямъ, добытымъ нашими „бойскоутами“, противъ насъ были выставлены двѣ сильныя батареи, и на утро, по всей вѣроятности, готовился артиллерійскій бой. Между тѣмъ здѣсь, у С-цы, были всего двѣ наши роты, служившія прикрытіемъ батареѣ изъ четырехъ орудій. Остальныя войска оттянулись къ В., южнѣе Самбора.

На зарѣ, когда люди еще спаля, раздался первый орудійный выстрѣлъ со стороны непріятеля. Снарядъ не долетѣлъ. Вслѣдъ за первымъ ударомъ поднялась такая жестокая канонада, какой мы послѣ Равы ни разу не слыхали.

Надъ нами осыпалась земля, сыпались осколки, жужжали и выли ядра, и, со свистомъ нагнетая воздухъ, летали неуклюжіе „чемоданы“. Въ одно мгновеніе насыпь сравнялась съ землей, и только глубокая траншея, вырытая наканунѣ, защищала насъ отъ огня.

— Онъ те и почесаться не дастъ, — говорили солдаты, качая головами при видѣ бороздящихъ сѣрое небо снарядовъ.

Артиллерійскій офицеръ Н., маленькій и юркій, со сбитой въ войлокъ бородою, весь забрызганный грязью,

съ трубкой въ зубахъ, ежеминутно фукалъ въ озябшія ладони, произносилъ странный, свойственный ему звукъ „фрр, фрр“ и оживленно и весело отдавалъ приказанія.

— Номеръ первый, накатывай!

„Номеръ первый“ высокій, худой артиллеристъ, былъ давно раненъ въ руку навылетъ. Но онъ не обращалъ никакого вниманія на свою рану и продолжалъ „накатывать“.

— Номеръ второй, наводи: шесть десятыхъ!

„Второй номеръ“, круглый, какъ мячикъ, толстенькій солдатъ Гавриловъ, шелъ въ припрыжку къ орудію и съ особеннымъ шикомъ, ловко и кругло, справлялся съ прицѣломъ.

Изъ восемнадцати человѣкъ артиллерійской прислуги четверо было убито, одинъ съ развороченнымъ животомъ лежалъ въ сторонѣ безъ сознанія и выкрикивалъ что-то нелѣпое, вродѣ:

— Отдай сапоги! Мои сапоги!

Но ни на убитыхъ, ни на тяжело раненаго никто не обращалъ никакого вниманія. Весело и бойко, словно дѣлая спорую и веселую работу, батарея подъ градомъ ядеръ знай, пострѣливала себѣ, отвѣчая слабымъ громыханіемъ четырехъ орудій на ревъ двадцати непріятельскихъ пушекъ. Офицеръ попыхивалъ своей трубкой, пуская огромные клубы дыма и въ промежуткахъ между ними отдавая распоряженія; „номера“ оживленно суетились по площадкѣ, Мишутка и Васька подносили снаряды, мы молча наблюдали, и всѣмъ, казалось, было весело отъ этой живой, спорой работы, и никто не замѣчалъ, не чувствовалъ никто ужаса смерти, говорившей громовыми ударами канонады.

— Р-ръ, р-ръ! безъ умолку ревѣли непріятельскія батареи.

— Пуфъ, пуфъ, — задорно отвѣчали имъ наши четыре пушки.

— Накатывай! — весело покрикивалъ офицеръ со своей вышки.

Каждый выстрѣлъ отдавалъ пушку назадъ, она откатывалась, а „номера“, понатуживши, налаживали орудіе на прежнее мѣсто.

— У ужасъ! — пугали рвущіяся ядра, грохоча и визжа надъ нашими головами.

— Ничего, не страшно! отвѣчали имъ веселые глаза солдатъ, хлопотавшихъ подлѣ пушекъ и не имѣвшихъ времени даже посмотрѣть, что дѣлается вокругъ нихъ.

— Цѣль въ деревню, — крикнулъ со своего мѣста офицеръ.

— Вотъ это хорошо!—радостной бѣготней, усилившейся у батареи послѣ этого приказанія, сказали артиллеристы.

Деревня находилась въ центрѣ расположенія непріятеля, и зажечь ее значило выбить его изъ позиціи. А если бы удалось взорвать находившійся тамъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, то это значило бы еще больше.

— Выкатывай впередъ номеръ два.

Офицеръ самъ вышелъ на линію огня, сталъ впереди пушки „номеръ второй“ и спокойно, не спѣша, отмѣчалъ мѣсто, гдѣ ее слѣдовало поставить. Несмотря на то, что у ногъ его упалъ шрапнельный стаканъ и, отбивъ щебень, визгливо зазвенѣлъ и лопнулъ, офицеръ не уходилъ оттуда, а выпустилъ облако дыма изо-рта, внимательно посмотрѣлъ на рвущуюся шрапнель и, улыбнувшись отъ веселой мысли, которую зналъ онъ одинъ, повторилъ:

— Накатывай!

— Ай, дяденьки! — крикнулъ Мишутка, хватаясь за бедро.

Его ранило осколкомъ шрапнели. Разорвало штанину сверху до самаго сапога, и на голенище тонкой

струйкой побѣжала кровь. Онъ, волоча за собою раненую ногу, отползъ въ сторону, заплакалъ дѣтскимъ, всхлипывающимъ плачемъ, а потомъ, видимо рѣшивъ, что плакать стыдно, выругался.

— Уберите его, — не глядя на Мишутку, приказалъ офицеръ. И добавилъ:

— Чтобы не похабничалъ здѣсь!

Мишутку отнесли въ сторону. Четыре орудія, выдвинутыя впередъ, снова загремѣли, и опять захлопотали вокругъ нихъ веселыя лица, то скрываясь въ дыму, то показываясь изъ-за него.

— Мы не шутимъ, мы совсѣмъ не шутимъ, — все ожесточеннѣе и громче громыхали непріятельскія батареи.

Кругомъ былъ какой то адъ. Взрытая снарядами земля, набросанные въ кучу камни и осколки, огненные языки, вспыхивавшіе тамъ и здѣсь, и оглушающій грохотъ.

— Недосугъ, недосугъ, — отвѣчали этому ужасу вспотѣвшія лица солдатъ.

Въ сторонѣ стояла отпряженная отъ передка орудія лошадь съ перебитой ногой, изъ которой била ключемъ кровь, и приподнявъ ногу, жалобно ржала. Подлѣ нея ничкомъ, съ почернѣвшимъ затылкомъ, лежалъ убитый артиллеристъ. Другой, сидя, перевязывалъ щеку, пробитую пулей, все не могъ наладить бинта и бранился. Мишутка тихо стоналъ, а Васька напуганный и блѣдный, сползъ на четверенкахъ внизъ, въ траншею и притаился въ углу.

А наверху весело перекликались голоса:

— Готово?

— Есть.

— Жарь!

— Ба-бахъ!

— Деревня горитъ, ваше скородіе!

— Молодцы, братцы. Бей въ середину.

— Рады стараться.

Ужасный, оглушительный грохотъ. Словно треснула земля, и изъ ея нѣдръ къ самому небу взметнулся столбъ пламени и дыма. Это взорвались склады въ деревнѣ.

Вдали показался офицеръ на бѣлой лошади. Онъ скакалъ во весь духъ къ намъ, но, не доскакавъ, остановился и приникъ всѣмъ тѣломъ къ сѣдлу: страшно. Крикнулъ:

— Приказано уходить къ З. Отъ штаба.

И вытянувъ коня плетью, во весь опоръ бросился назадъ.

— Зачѣмъ уходить, когда здѣсь такъ весело? — словно спросили еще не остывшія, разгоряченныя лица солдатъ.

— Запрягай! Передки ладь!

— Стройся. Лѣвое плечо впередъ, кругомъ—аршъ.

Васька выскочилъ изъ своего угла и, улыбаясь невѣдомо чему, сталъ на свое мѣсто.

Мишутку уложили на передокъ орудія. Онъ не стоналъ, не бранился, а смотрѣлъ назадъ на горѣвшую деревню своими дѣтскими голубыми, много видѣвшими глазами.

Улыбка родины.

— Газеты принесли! Газеты! И письма есть!

Мы ждали сапоговъ, которые истрепались въ конецъ, благодаря длиннымъ переходамъ по гористой мѣстности; ждали обозовъ съ провіантомъ и полушубками,—во всемъ этомъ была большая нужда: наступили холода, по ночамъ подмерзала вода въ траншеяхъ, нельзя было ничего достать кругомъ даже за большія деньги, потому что деревушки и села были пусты и частью сожжены артиллерійскимъ огнемъ или самими жителями. Обозы прибыли. Тутъ были и новые сапоги, и свѣжіе, уютно пахнувшіе овчиной полушубки, и консервированное мясо, мука, картофель, даже солонина была. Къ вечеру мы будемъ сыты, обуты, одѣты, а теперь, забывъ о томъ, о чемъ мы мечтали на привалахъ, въ землянкахъ и сырыхъ траншеяхъ въ морозныя ночи и дождливые дни, забывъ обо всемъ, мы радостно передаемъ другъ другу.

— Лагову письмо. А ты?

— Везетъ же человѣку! Мнѣ ничего нѣтъ.

— Давай, братъ, газетину сюда. Что про насъ пишутъ?

— Эй, кто грамотей побойчѣй, выходи! Газету читать полагается бойко, ровно звонъ къ заутренѣ.

— Вишь, что моя то пишетъ. Заморозки у насъ въ Уфимской губернѣ пошли. Никогда того не было, чтобы въ сентябрѣ морозы.

Кашевары возятся у котловъ и завистливо поглядываютъ на сгрудившихся въ кружки солдатъ, читающихъ вслухъ свои письма. Безконечные поклоны свояковъ, сосѣдей и кумовьевъ, извѣстіе о томъ, что „наша

бурая ожеребилась, а жеребеночекъ дошлый вышелъ", сообщеніе о томъ, что „у Маньки-то нашей зубы прорѣзались",—всѣ эти чужія, далекія радости и печали изъ глухихъ уфимскихъ и вятскихъ деревень, прилетѣвшія сюда за тысячи верстъ, глубоко волнуютъ и трогаютъ всѣхъ. Мы давно знаемъ „бурую" Лагова, о которой въ прошломъ письмѣ писали, что она „ходитъ жеребая", намъ знакома и Манька, меньшая дочка пензенца Липатова, которой въ прошлый разъ „нивѣсть какая хворь прикинулась", мы знаемъ и кума Демьяна Вострова, и Ивана Кислоокова, низко кланяющихся костромичу Дикову, они намъ близки, они родные, наши, и каждая корявая буква, съ усиліемъ и напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей выведенная на сѣрой бумагѣ солдатскаго письма, намъ дороже и ближе, чѣмъ тысячи прочитанныхъ книгъ, ничего сейчасъ, на войнѣ, не говорящихъ нашему уму и душѣ.

Вдали гудятъ выстрѣлы. Вокругъ взрыта буграми земля, подняты ея желтые подпочвенные слои вертѣвшимися здѣсь вчера волчками снарядовъ, которыми непріятель засыпалъ наши позиціи. Глубокія траншеи съ выемками для командировъ черезъ каждыя пять саженъ, съ извилистыми ходами ко второй линіи окоповъ, напоминаютъ о дняхъ и ночахъ, проведенныхъ здѣсь подъ громъ канонады. Мы сидимъ на днѣ траншеи. Надъ нами съ обѣихъ сторонъ ея глянцевитыя отъ сырости, глинистыя снизу и черныя наверху стѣны. Выше—навѣсъ изъ прилаженныхъ другъ къ другу круглыхъ бревенъ, еще пахнущихъ смолою, покрытыхъ земляннымъ настиломъ. Въ амбразуры между бревнами видно чистое, голубое небо, такое ясное и такое веселое, что не вѣрится, будто здѣсь война. И запахъ свѣже отесаннаго дерева, и тяжелый, но ароматный какъ весною, духъ, идущій отъ сырости земли, и синіе просвѣты неба, и то, что „бурая ожеребилась", и что

„у Маньки прорѣзаться стали зубы“—такъ далеко отъ войны, такъ чуждо ей, какъ и новыя лица солдатъ, которые кажутся сейчасъ совсѣмъ не солдатами, а пензенскими и тульскими мужичками, собравшимися всей артелью послушать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ хорошаго.

Грамотей Соколовъ, запинаясь на трудныхъ согласныхъ сочетаніяхъ и произнося „хлангъ“ и „бронерный ахтомобиль“, вмѣсто „флангъ“ и „бронированный автомобиль“, звучно отчеканивая непонятныя ему иностранныя слова и значительно поднимая палецъ тогда, когда они встрѣчаются, читаетъ вслухъ газету.

— Читай по порядку все,—говорятъ солдаты.

Соколовъ прочитываетъ заголовокъ газеты, условія подписки, адресъ редакціи, прочитываетъ объявленія о дешевой распродажѣ, о похоронахъ какого то коммерціи совѣтника Ильи Ильича Панафидина, анонсы театровъ и кинематографовъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ интересомъ, вставляя замѣчанія, вродѣ:

— Эка, все какъ было!

— Помалкивай, сорока, не мѣшай!

— Ловко это: „Амаля и такъ далѣ“.

— Ха-ха-ха! Здорово ловко,—смѣются по поводу стихотворнаго объявленія о папиросахъ и табакѣ какой-то фирмы.

Соколовъ отворачиваетъ внутренній листъ газеты и принимается за текстъ. Здѣсь солдаты становятся серьезнѣе, улыбки гаснутъ, хмурятся лбы, слушаютъ съ раскрытыми ртами сухія телеграммы штаба, описанія боевъ, отрывистыя свѣдѣнія объ атакахъ, и, когда прозвучитъ названіе знакомой мѣстности, говорятъ:

— Это про насъ.

Газета прочитана до конца, включая и подпись редактора и издателя. Солдаты съ видимымъ сожалѣніемъ расходятся по своимъ угламъ.

Когда читали сначала письма, а потомъ газету, слушали всѣ, даже добровольцъ пнженеръ Струтинскій, которому едва ли интересно было знать о томъ, что у кого то сбѣжала бѣлая левретка съ чернымъ пятнышкомъ на лбу. Дѣло вовсе не въ этой левреткѣ, не въ бурой, ожеребившейся кобылѣ и не въ газетныхъ описаніяхъ атакъ, въ которыхъ мы участвуемъ и о которыхъ здѣсь никогда не говоримъ: дѣло въ томъ, что это писали т а м ъ, что это о т т у д а, и каждый изъ насъ по своему хочетъ пожить воображеніемъ т а м ъ, забыть хоть на время объ окопахъ, о траншеяхъ, о развѣдкахъ и атакахъ.

О т т у д а привезли сапоги. Солдаты собрались у возовъ, подымаютъ края брезента, заглядываютъподъ него.

— А сапоги важнѣйшіе!—восхищается солдатикъ Костровъ.

— Со скрипомъ, надо полагать.

— Походишь въ нихъ,—заскрипятъ.

— Примѣряй, ребята, кому какіе.

Началась возня, смѣхъ и шутки. Бородатые и усатые солдаты, вчера бывшіе въ бою, завтра ожидавшіе новаго боя, нѣсколько мѣсяцевъ шедшіе по полямъ Галиціи и стойко вынесшіе всякія походныя испытанія, обстрѣлянные, обтерпѣвшіеся, сейчасъ, почти на виду у непріятеля, играютъ какъ дѣти, смѣются безъ всякаго повода, только потому, что радостно и празднично на душѣ: вѣдь сегодня были письма, сегодня мы были „дома“, мы увидали, что тамъ думаютъ о насъ, что бурая кобыла—это между прочимъ, все равно, какъ припѣвъ въ пѣснѣ, котораго не выкинешь, а главное—мы, только мы.

Къ свѣжему запаху земли и сосновой смолы, къ клочкамъ неба, просвѣчивавшимъ черезъ амбразуры навѣса, къ веселому говору, хохоту, хлопанію другъ друга по спинамъ прибавилось новое: запахъ ли кожи,

идущій отъ новыхъ сапогъ и вызывающій въ воображеніи городскую площадь съ ярмарочными рядами въ весенній журчащій и смѣющійся день? спокойный ли полдень и надежда провести ночь внѣ зоны боя, отодвинувшагося отъ насъ къ З.? Нѣтъ, не то. Это новое, какъ улыбка знакомаго лица, пахнуло на насъ роднымъ и близкимъ изъ писемъ, изъ газеты, съ банальныхъ, ляпидарныхъ статей о насъ; родину почувствовали, родину, пришедшую къ намъ въ окопы и заглянувшую въ наши души.

Канонада ближе и ближе. Вокругъ нашей линіи окоповъ идетъ большое сраженіе, разгораясь все сильнѣе, разворачиваясь шире, то приближаясь до такой степени, что къ намъ залетаютъ снаряды, то удаляясь настолько, что перестаютъ быть слышны пушечные выстрѣлы. Утромъ бой былъ слѣва отъ насъ, къ полудню онъ передвинулся къ лѣсамъ, находящимся противъ насъ, сейчасъ заходящее солнце бьетъ намъ въ глаза снопами веселыхъ лучей, и тамъ на западѣ курятся бѣлые дымы канонады.

— На зарѣ быть жаркому бою,—говоритъ кто-то среди солдатъ сочнымъ, необыкновенно громкимъ, среди общаго шума и смѣха, голосомъ.

— Брось, Гавриловъ. Сапоги на тебѣ новы?

— Новы. Ну?

— Кашу лопалъ?

— А ну, да.

— Со свѣжинкой?

— Съ говядиной. Ну?

Нукай. Сытъ, обутъ, носъ въ табакѣ, а чему быть завтра, будемъ тогда толковать. Давай бороться.

— А ну тя! Свалю вѣдь.

Гавриловъ славится своей силой и гордится ею, но борется неохотно. Въ бою онъ рисуется своей силой и бьетъ больше кулакомъ, ломитъ грудью, чѣмъ штыкомъ и прикладомъ.

Какъ два быка, нагнувъ головы и глядя другъ на друга исподлобья, стоятъ рядомъ Гавриловъ и Тренковъ. То Гавриловъ, сдѣлавъ свирѣпое лицо, толкнетъ локтемъ Тренкова, то Тренковъ, хмуря свои бѣлесыя брови и ерша усы, двинетъ въ бокъ Гаврилова. Борьба еще не началась, но солдаты подзадариваютъ другъ друга, какъ два пѣтушка, собирающіеся подраться.

А неподалеку отъ нихъ лихо отплясываетъ какой-то мудреный танецъ пѣвунъ и танцоръ Малыго, высоко подбрасывая ноги въ новыхъ сапогахъ, поводя плечами и покрикивая тонкимъ фальцетомъ:

— И-ихъ, этакъ, вотъ какъ!

И борьба, затѣвающаяся между Тренковымъ и Гавриловымъ, и лихая пляска Малыго, и непонятная, невѣдомо откуда пришедшая ко всѣмъ бодрая радость — все это оттого, что привезли намъ оттуда, изъ дому улыбку и сказали о томъ, что насъ не забыли.

Уже свечерѣло. Уже громче и чище звуки выстрѣловъ въ вечернемъ чистомъ воздухѣ. Два солдата, Киренковъ и Платовъ, сочиняютъ въ углу письмо въ стихахъ:

— Ты дражайшая жена,
Не тужи, что ты одна...

— Надо бы о Георгіи ввернуть, да какъ бы это половчѣе,— говоритъ Платовъ, недавно представленный къ Георгію за развѣдку.

— Анадысь ротный сказывалъ, будто мы долго тута постоимъ,— слышится свѣжій въ вечерней синевѣ голосъ Норова, лѣниваго и „ледащаго“ солдатика.

— Такъ вотъ, братцы мои, приходитъ это къ яму аглицкій царь и говоритъ: „Сукинъ ты сынъ!“— разсказываетъ кто-то сказку.

— Ловко,— ободряютъ слушатели оборотъ рѣчи „аглицкаго царя“.

— Бумъ!—врывается въ тишину и мирную бесѣду неожиданный грохотъ одинокой пушки.

— Бумъ, бумъ,—просыпаются другія пушки.

И скоро впереди окоповъ загораются знакомые намъ сполохи выстрѣловъ, бороздя потемнѣвшее небо ярко-красными полосами огня.

— Енъ началъ,—тихо говорятъ солдаты.

Никому не хочется нарушать сладкую тишину, наступившую послѣ радостнаго хлопотливаго дня. То мы были какъ будто дома, а теперь опять война и привычное для уха громыханіе разрывовъ.

— Буде, ребята, буде. Вылазь.—слишится ласково начальственный голосъ взводнаго.—Становись въ окопы, енъ начинаетъ атаку.

Очарованіе развѣяно, но въ душѣ осталось бодрое и сильное чувство.

— Ну и зададимъ мы ему трепку!

— Эхъ, размахнуться бы въ рукопашной, братцы. Я бы таперь...

— Куды ему супротивъ насъ! Шутка ли всѣмъ народомъ идемъ.

— Вѣрно!

Если бы сейчасъ, подъ обаяніемъ такого хорошаго дня, бросили этихъ Гавриловыхъ и Тренковыхъ, этихъ пензенцевъ и вятичей, въ атаку, они также радостно, какъ только что плясали, боролись, смѣялись и возились другъ съ другомъ, ринулись бы въ бой и сложили бы свои головы, кому судьба ее сложить.

— Стрѣля—ай!

— Та-та-тахъ!—крикнули винтовки.

И бодро, и весело нащупывали затворъ ставшіе вдругъ ловкими и проворными корявые пальцы.

Духъ жизни.

Камо уйду отъ лица
Твоего, Господи?

Есть одна картина—не помню чья,—которая изображаетъ Христа на полѣ битвы. Въ терновомъ вѣнцѣ, съ мукою божественнаго состраданія въ глазахъ, Онъ наклонился надъ тѣлами воиновъ, только что сражавшихся въ жестокой схваткѣ, въ злобѣ и ненависти крошившихъ другъ друга ударами мечей, а теперь примиренныхъ смертью. Бѣлая одежда Спасителя коснулась одного изъ воиновъ. Воинъ, еще не умершій, открылъ глаза и смотритъ на Спасителя съ тихимъ восторгомъ—примиренія и покоя...

Эту картину, отчасти, можетъ быть, дополненную моимъ воображеніемъ, я вспомнилъ съ необыкновенной яркостью при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Намъ однажды дали роздыхъ подлѣ полуразрушеннаго имѣнія галиційскаго магната графа Замойскаго. Вокругъ этого имѣнія въ продолженіе четырехъ дней происходилъ упорный бой. Усадьба нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки. Нашъ полкъ стоялъ въ резервѣ, потомъ насъ двинули въ бой, но когда мы пришли, надобность въ насъ миновала: австрійцы были разбиты и отошли къ Р...

Мы пришли поздно ночью и сдѣлали привалъ. Солдаты были утомлены труднымъ переходомъ по болотамъ и обледенѣлымъ холмамъ и, не разбивъ палатокъ, завалились спать кто-куда. Въ походѣ сонъ чутокъ. Спишь и въ то же время слышишь малѣйшій шорохъ, шопотъ подлѣ тебя, дуновеніе вѣтерка. Снятся сны, чаще всего кошмарные. Въ ушахъ гудятъ отзвуки не-

давняго боя: чудится канонада, трескъ разрывовъ, команда, стоны, крики, смѣшанный гулъ тысячъ голосовъ, ржаніе коней, свистъ и тоскливое пѣніе пулеметныхъ горошинъ, и знаешь, что это слуховой миражъ, фуга, но безвольно отдаешься вновь переживаемому отраженію боя. Товарищи кричатъ со сна, скрежещутъ зубами, кто-то молится во снѣ, кто-то поетъ. Нервы напряжены до крайняго предѣла.

— Ура-а!—кричитъ во снѣ Максютовъ.—Бей, ломи, круши, ребята!

— Землицей присыпь, землицей рану-то, землицей, говорю,—бормочетъ кто-то другой.

— Зиночка, если я уцѣлѣю... — во снѣ обращается къ своей невѣстѣ бывшій техникъ Поликарповъ.

Нѣсколько тысячъ солдатъ спятъ и всѣ бредятъ во снѣ. Надъ лагеремъ стоитъ стонъ, страшный. прерывистый, стонъ здоровыхъ, но нервно напряженныхъ людей, стоитъ до поздней ночи, пока не одолѣетъ крѣпкій сонъ, пока усталое забытье не прогонитъ сновидѣній.

Я не спалъ. Меня все время занимало странное густое жужжаніе, похожее на гудѣніе пчелъ въ потревоженномъ ульѣ, доносившееся съ поля, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ происходилъ бой. То гуще и глуше, то тоньше и ярче, визгливѣе, звучало это жужжаніе, и походило это на то, какъ будто и лѣсъ, и холмы, и земля, и каждая кочка поютъ:

— У-у-у!

А потомъ:

— Пи-и-и!

— Что это? Что это такое?—спросилъ Поликарповъ, который проснулся и такъ же, какъ я, прислушивался къ тревожному жужжанію.

Я не зналъ, что это, но это было страшнѣе боя, страшнѣе атаки.

Солдатъ Максютовъ, здоровенный мужикъ-пензенецъ,

съ золотою бородою, и сѣрыми мягкими глазами тоже привсталъ и, прислушавшись, сказалъ:

— Земля плачетъ, братцы мои. Кровь на ей плачетъ, у Господа Бога прощенья молитъ.

И, помолчавъ, добавилъ:

— Старичекъ одинъ у насъ есть. Старой вѣры человѣкъ. Дыкъ онъ баялъ, будто такъ: будто послѣ страженія души убитыхъ по полю бродятъ-ходятъ, свою кровь собираютъ. А послѣ съ этой кровью своей ко Христу летятъ. Ко Христу летятъ и гудутъ: „Вотъ, Господи, наша кровь-кровинушка. Нѣту въ ней, Господи, никакой злобы и лютости. Дрались мы, Господи, безъ злости, а любя врага и съ молитвою". И каждая душа такъ кричитъ, а апостолъ открываетъ райскія ворота. „Эй, идите сюда, съ молитвою за свою мать-родину смерть пріявшіе! Идите, съ любовью животъ свой положившее!" Вотъ что баялъ старикъ древней вѣры.

— Кровь свою пролить — святое дѣло — отозвался изъ темноты ефрейторъ Ликинъ. — Христосъ какія страсти терпѣлъ. И намъ велѣлъ. Правду сказалъ твой старикъ, Максютовъ.

— Къ веснѣ, поди, замиренье будетъ,— откликнулся еще кто то.—На Пасху дома будемъ.

— Кто ее знаетъ. Не намъ это знать.

Слышь, ребята, слышь—еще.

Опять пѣло что-то за лѣсомъ, еще пронзительнѣе и тягучѣе;

— Пи-и-и!

Мимо насъ пронесли къ полуразрушенному дому, превращенному въ лазаретъ, носилки. Однѣ, другія, третьи...

— Ай! — крикнулъ вдругъ Ликинъ, лежавшій съ краю.—Это что? Кто здѣсь?

— Съ нами крестная сила! Кто такой это? — крикнулъ еще кто-то.

— Сѣрниковъ дайте. У кого спички. Зажги огонь.

Вспыхнулъ дрожащій огонекъ и освѣтилъ Ликина. У его ногъ лежало что-то безформенное. Потомъ очертанія выступили яснѣе. Это былъ молодой, рослый нѣмецъ съ широкой зіяющей раной на лбу. Глаза его были закрыты, каска повисла на ремешкѣ и открывала его лобъ, руками онъ крѣпко уцѣпился за ногу Ликина, и изъ его открытаго рта вырывалось то самое, тоскливое „пи и-и“ или „и-и-и“, которое мы слышали прежде. Видимо, бѣдняга, проползъ безъ сознанія тѣ нѣсколько десятковъ саженей, которыя отдѣляли поле отъ нашего привала, и теперь хрипѣлъ:

— Tri-in-ken!

— Ахъ, сердяга, сердяга! — сказалъ, наклонившись надъ нѣмцемъ, Максютовъ.—Давайте ка, братцы, сюда флягу. Живо, чего тамъ путаешься! Вишь, человѣкъ страдаетъ.

Максютовъ влилъ нѣмцу въ ротъ воду. Тотъ жадно проглотилъ ее и, не открывая глазъ, застоналъ.

Ликинъ вытащилъ свой индивидуальный пакетъ и, смочивъ марлю въ водѣ, приложилъ нѣмцу ко лбу. Тотъ открылъ глаза, посмотрѣлъ вокругъ и снова закрылъ ихъ.

На лицахъ обступившихъ нѣмца солдатъ было непередаваемое словами выраженіе. Это была и жалость, и боль, и ужасъ, и состраданіе, и чистый, хорошій, до слезъ трогающій струны сердца порывъ любви.

Нѣмецъ вздрогнулъ и захлипалъ, какъ будто заплакалъ. И точно: изъ подъ рѣсницъ его покатились слезы.

— Ну, чего ты, чего, дурачекъ,— сразу заговорило нѣсколько голосовъ. — Богъ тебя привелъ, братецъ, Богъ и спасетъ.

— Боится онъ,—сказалъ Ликинъ.

— Не бойсь, парень,—положивъ свою большую, корявую руку на плечо нѣмцу, проговорилъ Максютовъ и продолжалъ,— нарочно коверкая слова, думая, что

такъ нѣмецъ его легче пойметъ.—Твоя Христу молится, и моя Ему молится. Не звѣри, чай, а люди. Не будетъ тебѣ ничего худого. Моя твоя жалѣетъ. Понимаешь?

— Что здѣсь такое? — спросилъ подошедшій полуротный.

— Да вотъ, ваше б-діе, нѣмецъ у насъ раненый, такъ мы его охаживаемъ.

— Нѣмецъ? Какой нѣмецъ? Откуда?

— Не могимъ знать, ваше б-діе. Должно Богъ привелъ его, потому не въ себѣ парень. Мы и полагаемъ: пожалѣть надо.

— Такъ что дозвольте, ваше б-діе, — попросилъ Максютовъ, все еще держа руку на плечѣ нѣмца.

Поручикъ наклонился къ нѣмцу, осмотрѣлъ его и послалъ за санитарами. Нѣмца перевязали, привели въ чувство и понесли въ лазаретъ.

— Прощай, Карлъ Ивановичъ, прощай, душа, ужо увидимся, — провожали его солдаты.

Но, видимо, эта ночь была какая-то особенная. Не прошло и получаса послѣ того, какъ унесли нѣмца, какъ вдругъ въ сторожевомъ пунктѣ начались не то перебранка, не то переговоры съ кѣмъ-то. Громкій разговоръ перешелъ въ галдежь, заспорили нѣсколько голосовъ, кто-то отвѣчалъ имъ по-польски въ родѣ:

— Не вѣмъ, пани, не вѣмъ.

Уже разсвѣтало. Въ голубовато-розовомъ полусумракѣ видны были двѣ конныя расплывающіяся фигуры, изъ которыхъ одна энергично размахивала руками, а другая наклонилась къ лукѣ, видимо, пытаясь дать лошади шпоры. Подлѣ конныхъ стояли наши часовые, человѣка четыре, и загораживали имъ дорогу винтовками.

— Вѣмъ или не вѣмъ, — крпчалъ одинъ изъ часовыхъ, — о томъ начальство знаетъ. Разберутъ, братъ.

Може разстрѣляютъ, а може и помилуютъ. Веди ихъ къ командиру, Исаченко.

— Красный Крестъ!—закричалъ другой часовой.—А я почемъ знать должонъ, когда ни зги, скажемъ, не видать. Я стрѣлять должонъ. Съ насъ тоже взыскиваютъ. А отпустить—это шутишь, это мы никакъ, нѣтъ, не могимъ.

— Красному Кресту развѣ полагается на посты прать? Знаемъ мы! Только для видимости съ крестомъ ѣздіютъ, а на дѣлѣ оно Богъ ё знаетъ что!

Исаченко, ворча и отплевываясь, провелъ конныхъ австрійцевъ, напоровшихся на нашъ сторожевой обходъ, къ начальству. Австрійцы, дѣйствительно, имѣли на рукавахъ повязки Краснаго Креста.

Спустя четверть часа, Исаченко вернулся, замѣтно смущенный и озадаченный.

— Въ чемъ дѣло, Исаченко?—спросили его солдаты.

— Кто ё пойметъ! Одинъ полякъ, а другой жидъ, и оба—двое австріяки. Врутъ, будто бинтовъ у нихъ не хватило, а раненыхъ страсть сколько: полторы тысячи. Ѣздили, говорятъ, за бинтами въ П., гдѣ ихній санитарный пунктъ. А пунктъ сгорѣлъ, и ничего тамъ нѣтъ. Имъ, хоть тресни, бинтовъ надо. Вотъ они за бинтами къ намъ приперли.

— Врутъ! Чего другое имъ нужно было,—увѣренно сказалъ Ликинъ.

Подошелъ прапорщикъ В. и подтвердилъ разсказъ Исаченко. Австрійскіе санитары проблудили всю ночь, были въ двухъ мѣстахъ, гдѣ раньше находились ихъ санитарные пункты, но фронтъ подъ нашимъ неожиданнымъ натискомъ перемѣстился, и австрійскіе санитары не нашли лазаретовъ тамъ, гдѣ они ихъ искали. А такъ какъ имъ приказали безъ бинтовъ и медикаментовъ не возвращаться и добыть ихъ во что бы то ни стало, то они и рѣшили, по собственному почину, добыть ихъ у насъ.

— Я полагаю, что они просто порѣшили сдаться въ плѣнъ, не желая возвращаться съ пустыми руками,— высказалъ свое мнѣніе прапорщикъ.—Предлогъ у нихъ былъ, и довольно приличный: дескать, къ вашему благородству прибѣгаемъ, а вы, какъ знаете.

— Ну, а какъ командиръ?—спросилъ Поликарповъ.

— А онъ, посовѣтовавшись съ нашимъ докторомъ, рѣшилъ, къ великому, должно быть, огорченію австрійскихъ санитаровъ, поступить благородно.

— То-есть?

— То-есть, снабдить ихъ медикаментами и отпустить съ миромъ.

— Да у насъ ихъ самихъ недостача, подвоза нѣтъ, обозы отстали. Какъ же это?

— Намъ нужно, а имъ, видимо, нужнѣе. Подѣлимся,— сказалъ прапорщикъ и весело усмѣхнулся.—Вотъ такъ штука! Непремѣнно напишу объ этомъ случаѣ домой. Уди-ви-тель-но! То враги, а то: „Не будете ли вы любезны занять намъ медикаментовъ". Символично, можно сказать!.. Да вотъ они ѣдутъ.

Австрійскихъ санитаровъ съ завязанными глазами провели мимо насъ. Черезъ сѣдла ихъ лошадей были переброшены узлы. Лица австрійцевъ были хмуры и злы; у старшаго, рыжеусаго, подергивалась отъ злости вся нижняя, видная изъ-подъ повязки половина лица. Младшій, совсѣмъ безусый и черный, какъ цыганъ, проходя мимо насъ, споткнулся и буркнулъ:

— Zum Teufel!

— Да ты, другъ, легче шагай, — сказалъ солдатъ, взявъ его подъ руку.—А то невзначай и носъ расшибешь.

Санитаровъ вывели за передовую цѣпь пикетовъ, развязали глаза и отпустили. Они нехотя, чуть ли не шагомъ, поѣхали прочь. Проводившіе ихъ солдаты вернулись.

— А знаете, ребята, чего у меня просилъ чернявый-то?—разсказалъ солдатъ.

— Ну?

— Жрать просилъ. До смерти, баетъ, голоденъ.

— Какъ же ты его понять могъ, ежели онъ не по-нашему говоритъ?

— Какъ не понять? Про жратву ежели, такъ всякъ человѣкъ пойметъ. Открылъ онъ ротъ, пожевалъ, потомъ на животъ показалъ и завылъ, точно волкъ. Понятное дѣло—жрать охота.

— А ты ему что?

— Да что? Отдалъ ему свои сухари. Жри на здоровье.

— Правильно.

Взошло солнце, яркое и веселое. Рожки затрубили сборъ. Далеко далеко, за лѣсомъ, вспыхнулъ и всплылъ къ небу бѣлый дымокъ, за нимъ другой, третій, и скоро весь горизонтъ унизался дымками. Тамъ начался артиллерійскій бой, но канонада не долетала еще сюда. Было свѣжо, бодро, хотѣлось шагать по буровато бѣлому талому снѣгу, шагать мѣрно, подъ команду: „Лѣвой-правой".

Солдаты, напяливая амуницію и собираясь въ походъ, все еще дѣлились впечатлѣніями минувшей ночи. Туляки, вятичи, костромичи, суровые, неуклюжіе, съ корявой, спотыкающейся рѣчью, съ закорузлыми руками, покрытые грязной корою, пропахнувшіе овчиной и потомъ, съ обвѣтренными лицами, съ бородами, сбившимися въ войлокъ, съ напряженно-сосредоточенными взорами сѣрыхъ и синихъ глазъ, съ грубыми ухватками, съ привычкой къ матерщинѣ и циничной брани,—туляки и вятичи такъ же просто шли сейчасъ въ бой, на смерть, какъ просто этой ночью, только что, пожалѣли раненаго нѣмца, врага, какъ дѣлились съ нимъ послѣдними сухарями, какъ одобряли поступокъ начальства, отдавшаго врагамъ медикаменты.

Затерянный между ними, простыми людьми, я былъ одинъ, прочитавшій много хорошихъ книгъ, видавшій много красоты въ жизни и въ книгахъ, но пораженный, подавленный простой, но могучей красотой и величіемъ русскаго духа. Я вспомнилъ лицо Христа, спустившагося на поле брани: у Него были такіе простые, любящіе и страдающіе любовью глаза, какъ у Максютова, какъ у Ликина, какъ у всѣхъ этихъ сѣрыхъ людей. Я вспомнилъ ихъ ночные разговоры о плачущей землѣ, объ оправданіи крови, о любви къ врагу, вспомнилъ, какъ пензенецъ солдатъ пожалѣлъ раненаго врага, а другой солдатъ накормилъ его, и стало жаль, зачѣмъ я не Максютовъ или Ликинъ, и стало страшно думать о томъ, что я буду дѣлать въ жизни, если уцѣлѣю и вернусь домой къ обычной обстановкѣ, къ книгамъ, въ шумный каменный и холодный Петроградъ.

— Стройся!—раздалась команда.

Солдаты въ измятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ блиномъ, сѣрые и невзрачные, стали въ ряды и пошли, не торопясь, мѣрнымъ шагомъ впередъ, къ Н., такъ же, какъ они шли къ Равѣ, къ Синявѣ, къ Стрыю. И солнце такъ же свѣтило, какъ тогда, и воздухъ былъ такъ же чистъ и свѣжъ, только было въ душѣ что-то новое, лучъ какой-то, просторно было въ душѣ, потому что упала съ нея книжная короста, забыты навсегда формулы и схемы, и духъ живой, творящей жизни, идущій отъ этихъ тульскихъ и пензенскихъ мужичковъ, смѣнившихъ зипуны и лапти на мундиры и сапоги, проникъ глубоко-глубоко въ сердце и переродилъ его...

На войнѣ.

Лѣвѣе, ноль, ноль три! Трубка сто двадцать девять. Огонь!—кричитъ со своей вышки маленькій, забрызганный съ ногъ до головы грязью артиллерійскій офицеръ Б.

— Ноль, ноль три, трубка сто двадцать девять. Огонь!—повторяетъ другой голосъ команду внизу.

— ...Сто двадцать девять. Огонь! звучитъ передаваемая команда въ третій разъ дальше.

— Трубка... Огонь! — едва слышно доносится еще разъ повторяемая команда съ края батареи.

— Тр р-ахъ! — сочно вырывается ударъ первой пушки.

Шесть орудій, одно за другимъ посылаютъ ядра въ непріятельскую позицію, и не успѣетъ замолкнуть отзвукъ удара послѣдней пушки, какъ снова громыхаетъ первая крайняя, и снова слышится съ вышки отчетливо сухая формула:

— Ноль, два! Трубка сто двадцать девять. Огонь!

Маленькій волшебникъ, сидя съ цейсовской трубкой на своей вышкѣ, ежеминутно фукая въ озябшія руки, бросаясь отъ буссолей къ микрофону, посылаетъ туда, за восемь верстъ отъ насъ смерть. Въ сухомъ сочетаніи цифръ, въ дробной формулѣ, которая прика-

зываетъ пушкамъ выбрасывать многопудовыя ядра,— могучая сила. Этой силой, разрушающей бетонный блиндажъ защитныхъ укрѣпленій непріятеля, сметающей въ одно мгновеніе валики окоповъ, вырывающей десятки людей изъ строя, калѣчащей, кромсающей, превращающей человѣческое тѣло въ брызги крови и мозга, управляетъ скромный офицеръ Б., въ помятой фуражкѣ, въ сбитыхъ сапогахъ, заросшій сбившимися въ войлокъ клочьями давно не бритой, давно не расчесываемой бороды.

И всѣ, начиная съ командира батареи, съ нашего ротнаго командира и кончая тулякомъ—солдатомъ Пахомовымъ,—всѣ забрызганы грязью, давно не видѣли мыла, гребешка, щетки, не смѣняли бѣлья; рубаха на тѣлѣ заскорузла и сдѣлалась твердой, какъ кожа, лица обвѣтрились и покрылись корою, уши больше не глохнутъ отъ непрестаннаго грохота канонады, не умолкающей ни днемъ, ни ночью; сердце не бьется тревожно ни подъ огнемъ, ни въ атакѣ, когда опьяненные, озвѣрѣвшіе отъ крови и жажды жизни люди бьютъ штыками, прикладами, впиваются другъ другу въ лицо ногтями, зубами, рвутъ, дробятъ и крошатъ.

Двадцатый день мы сидимъ въ передовой цѣпи окоповъ въ качествѣ прикрытія. За это время мы успѣли привыкнуть ко всему. Когда, гудя, какъ трамвай, шипя и разбрасывая во всѣ стороны огонь, къ намъ летятъ „чемоданы“; когда шестидесятипудовый снарядъ, ринувшись внизъ, роетъ огромную воронку, забрасывая насъ щебнемъ, осколками и землей, мы не бросаемся ничкомъ, не бѣжимъ за прикрытіе, не мутится уже умъ отъ ужаса. Намъ все равно. Страхъ перегорѣлъ въ душѣ, смерть перестала пугать насъ.

— Ложись! — командуетъ взводный.

Если бы не команда, никто и не подумалъ бы лечь; вѣдь, каждый день, въ продолженіе двадцати сутокъ,

мы видимъ надъ своими головами летящіе снаряды. Звенитъ и воетъ шрапнель, тоскливо поютъ пулеметныя пульки и летятъ густыми роями вокругъ насъ-сухо гремитъ картечь—и такъ все время, даже тогда, когда мы спимъ или, вѣрнѣе, дремлемъ, сидя на кор, точкахъ и зажавъ между колѣнъ стволы винтовокъ.

— Какого черта—ложись!—ворчитъ Пахомовъ.—Она тебя и лежачаго достанетъ.

— Глянь-ка, братцы, правофланговая опять закурила! Эка лупитъ какъ!

Молчавшая съ утра батарея на правомъ флангѣ открыла ураганный огонь по деревнѣ К., занятой непріятелемъ. Изъ-за лѣса поднялись два столба буро-багроваго дыма, грохнулъ тяжелый, раскатистый ударъ, отъ котораго у насъ осыпалась съ вала земля, къ самому небу взметнулся пламенный вѣеръ, а въ немъ замелькали какіе-то черные комья: это взорвали фугасами непріятельскую траншею, подрывшись подъ нее сапой, и взлетѣли вверхъ вмѣстѣ съ камнями и кусхами бетона клочья человѣческаго мяса.

— Правѣе! Трубка сто тридцать. Прицѣлъ. Огонь!—спокойнымъ, ровнымъ голосомъ командуетъ офицеръ и потираетъ озябшія руки.

— Фр-р-ръ!—разлетается широкимъ вѣеромъ пулеметный свинецъ, сухо стуча по камнямъ, подскакивая и звеня о стоящія позади насъ подбитыя два орудія.

И-и-и!—поетъ шрапнель.

— Ломакинъ, дай-ка, братъ, огня!—кричитъ среди грохота, воя и свиста Пахомовъ присѣвшему подлѣ него на корточки товарищу.

— Сѣрнички вышли,—такъ же крича, отвѣчаетъ Ломакинъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Что же это будетъ? Курить охота.

— Отъ шрапнели закури,—смѣется Ломакинъ.

Кто-то протягиваетъ Пахомову коробку со спичками. Онъ съ наслажденіемъ закуриваетъ и начинаетъ мечтать вслухъ.

— Эхъ, кабы теперь щей, да съ капустой, а то который день всухомятку жремъ. Кабы въ щахъ да говядины кусокъ, да кабы...

— У, чортъ, замолчи тамъ! А то и вправду жрать захотѣлось. Эка расписываетъ какъ!

Если бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ, что я, какъ и Пахомовъ, буду мечтать о щахъ съ капустой и что это будетъ верхъ моихъ мечтаній, я не повѣрилъ бы. И инженеръ-добровольцъ Лисицинъ, бросившій все и отправившійся на войну, и бывшій адвокатъ Полозовъ, зарабатывавшій десятки тысячъ въ годъ, а теперь затягивающійся махоркой, и не умѣющій считать дальше ста полудикарь вятичъ Сироткинъ—всѣ стали похожими другъ на друга, всѣхъ сравнила война. Мы шли на войну вмѣстѣ съ вятичами, съ орловцами, съ пензенцами, мы вмѣстѣ съ ними бились у Равы, они умирали на нашихъ глазахъ, и съ моей души, съ души Лисицина и Полозова слетѣлъ покровъ какой-то, забыты книжныя формулы, утеряны умныя слова, а осталось то, что есть въ душѣ у этихъ золотобородыхъ мужиковъ, отъ которыхъ пахнетъ овчиной, потомъ и отсырѣвшимъ солдатскимъ сукномъ. Здѣсь, на войнѣ, я не могу представить себѣ, что есть гдѣ-нибудь на свѣтѣ такое мѣсто, гдѣ не воютъ снаряды, что есть люди, которые не думаютъ объ атакахъ и бояхъ, что есть что-нибудь, покрывающее своей значительностью, своей важностью, своимъ жуткимъ, трагическимъ смысломъ эти мечты о горячихъ щахъ подъ дождемъ пуль и снарядовъ.

Ночью будетъ атака, и поэтому намъ дали роздыхъ. Мы ушли въ землянки, и наканунѣ боя каждый занялся своимъ дѣломъ. Сюда доносятся глухіе раскаты

взрывовъ и частая трескотня смѣнившаго насъ резерва. Съ потолка землянки, куда мы забрались ползкомъ, осыпается земля. Свѣчка, воткнутая въ горлышко бутылки, раза два погасла отъ взрывовъ подлѣ землянки.

— Ой-ой!—доносится чей-то стонъ изъ траншеи.

— Чего орешь?

— Нога-а! Ой, нога-а!—тянетъ надрывающій душу голосъ.

— Терентьевъ! Эй, Терентьевъ! Куда пропалъ, чортъ! Давай бинты. Копыткова кокнуло.

— Нога-а!

Пахомовъ прислушивается къ стону Копыткова и неодобрительно качаетъ головою:

— Чего скулитъ? Стонать—бабье дѣло. Коли болитъ, скажемъ, дюже болитъ—ты зубы стисни да помалкивай. А то смущенье наводитъ. Такое уже твое званіе—солдатъ, чтобы терпѣть, а то воетъ.

Лисицынъ пишетъ письмо подъ диктовку Лагова, маленькаго, круглаго солдатика-вологодца.

— Супруга наша любезная, Марья Тимоѳеевна,— раскачиваясь диктуетъ Лаговъ. — Нынче ночью мы идемъ на большое страженіе. Живу ли быть, Господь вѣдаетъ, а умирать надо за престолъ-отечество. И вотъ, супруга наша любезная, продай овчины. А дешевле, чѣмъ по три рубля не отдавай, потому овчины нонѣ въ цѣнѣ. Ежели что со мною будетъ, не тужи, Маруся: присягу принималъ. А насчетъ овчинъ, гляди, чтобы не продешевить. Молись Богу, угоднику Серафиму свѣчку поставь, потому страженіе будетъ лютое...

Адвокатъ Полозовъ сидитъ подлѣ свѣчки и, сквинувъ сорочку, съ увлеченіемъ охотится за „внутреннимъ врагомъ“. Вольноопредѣляющійся Поповъ чисто-начисто выбрился и теперь бреетъ солдата Молоствова, который даже покрякиваетъ отъ удовольствія:

— Вотъ такъ ладно! Закрутимъ усы колечками— молодцомъ.

— Чего лакъ наводишь? Може убьютъ?—говоритъ Строевъ, завидующій тому, что Молоствова бреютъ, а онъ небритый.

— Умирать надо чисто,—отвѣчаетъ Молоствовъ.— Вотъ я еще водицей волосы помочу да причешусь: гляди, нѣмецъ, каковъ я есть доблестный воинъ Иванъ Никифоровичъ Молоствовъ!

Въ сосѣдней землянкѣ затѣяли пѣсню. Запѣваетъ чей-то бархатный грудной голосъ:

Никанорова солома,
Никанорихина рожь,
Никанору говорилъ—
Никанориху не трожь.

Нѣсколько голосовъ бойко и дробно подхватываютъ:

Ты раздѣлывай корзинки,
Раскомаривай куски;
Теща по міру ходила—
Отморозила чулки!

Въ пѣснѣ нѣтъ смысла, но въ голосахъ, поющихъ ее подъ грохотъ канонады, чувствуется широкая, могучая сила, та сила, которая захватила меня, Полозова, Лисицына и Попова и сроднила насъ съ тульскими и пензенскими мужиками.

— Эка наяриваютъ какъ!—улыбаясь, говоритъ Пахомовъ.

Адвокатъ Полозовъ бросилъ свою охоту и, подойдя къ Пахомову, хлопаетъ его по плечу.

— Что, умирать будемъ, братъ?—говоритъ онъ.

— Чего умирать?—отвѣчаетъ Пахомовъ.—Расчехвостимъ мы ихъ, и дѣлу конецъ.

— А ежели они насъ расчехвостятъ?

— Вотъ такъ на: сказалъ! Не можетъ этого быть.

— Почему?

— Потому—мы народъ, сила, а они вахлаки. У насъ въ бой идутъ—пѣсни поютъ, а у нихъ волками воютъ. Стало быть, наша возьметъ.

Ты играй, моя тальянка,
Съ колокольчиками,
Ты пляши, моя милая,
Съ поговорочками—

доносится изъ сосѣдней землянки.

— Выходи, ребята,—приказываетъ взводный, заглядывая къ намъ въ землянку.

Ночь темна и сыра. Съ неба падаетъ мокрый снѣгъ и таетъ, не долетая до земли. А небо все залито кровью, все вспыхиваетъ зарницами—отблесками выстрѣловъ. И попрежнему, передаваясь четыре раза, слышна команда неутомимаго офицера, сидящаго на вышкѣ.

— Ноль и два, трубка сто двадцать восемь. Огонь!

Онъ сидитъ тамъ съ утра, съ ранней зари, подъ снѣгомъ, на вѣтрѣ, въ сырости, и все однимъ и тѣмъ же дѣловито-напряженнымъ голосомъ отдаетъ приказанія.

Насыпь у нашего окопа снесена пулеметнымъ огнемъ. Солдаты работаютъ шанцевыми лопатками, набрасывая подъ пулями свѣжую насыпь. Гдѣ-то влѣво отъ насъ устанавливаютъ новыя орудія, и слышно, какъ кричатъ нѣсколько голосовъ:

— Ну-ка, наддай разомъ—у-ухъ!

— Плечомъ напри, этакъ!

— Ну-ка, понатужься, у-ухъ!

Какъ будто дѣлаютъ мирную тяжелую работу.

— Тра-та-та,—звучитъ гдѣ-то сигнальный рожокъ.

Въ этомъ стальномъ звукѣ могучая сила. Она поднимаетъ насъ изъ траншеи, смыкаетъ наши ряды и, снова повторившись въ иномъ сочетаніи, заставляетъ насъ разсыпаться по-одиночкѣ.

— Тра-та-та!

Ни я, ни Лисицынъ, ни Пахомовъ, не нашли еще имени тому, что слило насъ въ одно общее и цѣлое, но въ душѣ нѣтъ протеста, въ душѣ тихая радость, а временами въ ней вспыхиваетъ опьяняющій порывъ. И тогда, какъ у Равы, мы идемъ въ бой съ гимномъ, съ молитвой „спаси, Господи“. И я, аналитикъ и позитивистъ, и Лаговъ—простая душа, и еврей Нахмансонъ, вѣрующій въ иного Бога, всѣ мы поемъ одну молитву:

— Спаси, Господи, люди Твоя!

Здѣсь нѣтъ ни интеллигентовъ, ни мужиковъ, ни атеистовъ, ни вѣрующихъ людей; здѣсь одно многоголовое тѣло—народъ, здѣсь могучая слитность, въ которой нѣтъ ни вѣръ, ни націй, ни личныхъ убѣжденій. У всѣхъ одна большая правда, и эта правда отметаетъ прочь м о ю вѣру, м о и принципы, м о и взгляды, поглощая всего меня и растворяя мою личность въ морѣ Пахомовыхъ и Лаговыхъ.

— Тра-та-та,—звучитъ сигнальный рожокъ.

Я припадаю къ землѣ рядомъ съ Молоствовымъ. Съ неба падаетъ большой огненный комъ: это снарядъ. Онъ упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, и я слышу, какъ онъ шипитъ, чувствую исходящую отъ него теплоту.

— „Кого? Его или меня?“—думаю я.—„Ахъ, если бы не меня!“.

— Тр-р-ахъ!—слабѣе, чѣмъ я предполагалъ, ударяетъ разрывъ.

— „Не меня, не меня, а его!“—радостно проносится въ моемъ умѣ.

— Хлю-хлю,—клокочетъ въ горлѣ у Молоствова. Онъ подымаетъ голову, хочетъ сказать что-то.—Хлю-хлю... Умираю... Хлю! Напиши... хлю... брату. Вологодской губерн... село... Хлю-хлю...

Онъ опускается на землю и, вздрогнувъ, свертывается калачикомъ.

— Назадъ,—тихо передаетъ команду невѣдомо откуда взявшійся взводный.

Мы уходимъ опять въ траншеи, чтобы начать новую атаку при помощи сапы, т.-е. роясь въ землѣ и набрасывая впереди себя насыпь за насыпью...

Взрывъ моста.

Послѣ семидневной остановки въ деревнѣ Б., въ предгорьяхъ Карпатъ, мы получили приказъ сняться и идти къ У—скимъ лѣсамъ, гдѣ, какъ мы предполагали, намъ предстояло серьезное дѣло: въ лѣсахъ и за ними, на опушкахъ, согласно добытымъ развѣдками свѣдѣніямъ, находились серьезныя силы непріятеля. Дорога сначала шла по шоссе, потомъ шоссе круто обрывалось рытвинами, ямами, насыпями изъ щебня и огромныхъ камней,—препятствіями, созданными искусственно непріятельскими саперами.

Наша часть имѣла своей задачей, взявъ предмостное укрѣпленіе, взорвать мостъ черезъ горную рѣчку N. Поэтому мы отклонились къ западу отъ нашей колонны и вошли въ лѣсъ.

Идти приходилось осторожно, ощупью, потому что въ густой заросли кустарниковъ, за деревьями могла быть засада, хотя наканунѣ ночью развѣдочный отрядъ обслѣдовалъ всю дорогу до моста и не обнаружилъ непріятеля.

Прошли мы этакъ верстъ пять. Лѣсъ оборвался полянкой, а за полянкой начиналась кручь, покрытая курчавой зеленью. Мы знали, что за этимъ лѣсистымъ холмомъ находится мостъ, который приказано было взорвать.

Вдругъ надъ нашими головами послышался харак-

терный шумъ пропеллера. Желтый аэропланъ дѣлалъ наверху крутые виражи и, когда мы попытались обстрѣлять его, рѣзко повернулся и исчезъ за холмомъ. Насъ нащупали, открыли. Черезъ нѣсколько минутъ изъ лѣса на холмѣ посыпался густой рой пуль. Онѣ не долетали еще до насъ, ложились впереди, взрывая землю и шипя въ болотистой топи.

— Разсыпься цѣпью! Стрѣлки впередъ!

Стрѣлки нашего полка славились мѣткостью стрѣльбы во всей дивизіи. Но здѣсь не было прицѣла: непріятель засѣлъ въ гущѣ лѣса, въ прекрасной позиціи, царившей надъ мѣстностью. Они прекрасно видѣли насъ, но стрѣляли, повидимому, плохо, какъ большинство австрійской пѣхоты. Поэтому, когда мы попали въ сферу обстрѣла, онъ не причинилъ намъ существеннаго вреда.

— На руку! Въ атаку!

Подошву холма мы одолѣли, не встрѣтивъ сопротивленія. Только жужжали и свистѣли пули, сыпавшіяся сверху, да глушилъ ухо противный вой шрапнели.

Зато на макушкѣ холма, — тамъ былъ сущій адъ. Каждый клочекъ земли, каждое деревцо приходилось брать съ бою. Австрійцы дрались отчаянно, сознавая, что, если намъ удастся взорвать мостъ, мы отрѣжемъ отступленіе той части непріятельской арміи, которую наши второй уже день гнали къ рѣкѣ, охвативъ лѣвый флангъ непріятеля.

И такъ, шагъ за шагомъ, мы оттѣсняли австрійцевъ, которые подъ нашимъ натискомъ ушли за укрѣпленія. Мы увлеклись преслѣдованіемъ непріятеля до того, что оставили позади складъ боевыхъ зарядовъ. Вслѣдствіе этого намъ пришлось спѣшно отступить за зарядами. Наше отступленіе обмануло врага: онъ вообразилъ, что мы бѣжимъ, выскочилъ изъ-за при-

крытія и бросился на насъ. Запасшись патронами подъ огнемъ непріятеля, мы снова перешли въ наступленіе. Австрійцы, не ожидая такого афронта со стороны „разбитаго“ врага, обратились въ бѣгство, бросая ружья и амуницію.

Мы взяли укрѣпленіе и взорвали мостъ.

Когда мы къ утру вернулись къ своимъ, то узнали, что цѣлый корпусъ австрійцевъ сброшенъ въ рѣку и уничтоженъ, а другой бѣжитъ по направленію къ взорванному нами мосту.

Ночью...

На далекомъ темномъ горизонтѣ вспыхиваютъ яркіе огненные сполохи. Вспыхнетъ, озаритъ на мгновеніе бѣлыя горы и лѣсъ, растущій у подножія Б—ской гряды, невѣрнымъ, дрожащимъ свѣтомъ, и снова все погружается въ глубокую, непроницаемую и липкую тьму.

Далеко, у В., идетъ артиллерійскій бой за обладаніе рѣчной переправой. Онъ тянется уже десятый день; непріятель уступаетъ пядь за пядью послѣ отчаяннаго сопротивленія; онъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы задержать движеніе нашихъ къ Д—му ущелью.

Бой происходитъ далеко отъ насъ. Сюда, гдѣ мы разсыпались мелкими отрядами, не доносятся даже отзвуки пушечной канонады, хотя тамъ вступили въ борьбу гигантскія орудія, бьющія многопудовыми снарядами.

Непріятель, уходя къ Д—мъ, оставилъ позади себя арріергарды. Они разсѣялись по лѣсамъ, рощамъ и тѣснинамъ и завязываютъ мелкія схватки съ нашими отрядами.

Мы залегли во рву, представляющемъ собою какъ бы естественный окопъ. Впереди рва—груда валуновъ, защищающихъ фронтъ окопа; дно и обочины рва покрыты курчавой порослью кустарника. И покуда тамъ, у В., не наступитъ развязка или покуда не понадобятся наши подкрѣпленія, придется лежать въ этой ямѣ.

— Тоска, братцы,—говоритъ невидный въ темнотѣ рядовой Балаевъ.

Это живой парень, который ни минуты не усидитъ на мѣстѣ, словно весь онъ на винтикахъ и шарнирахъ.

Вчера подвезли ротную кухню и обозъ. Бойкій Ба-

лаевъ какими-то ему одному вѣдомыми способами раздобылъ корову, привелъ ее за рога, бранясь и выходя изъ себя:

— Живодеры, растуды ихъ! За ледащую коровенку десять рублей вынь да положь.

Корову съѣли съ большимъ аппетитомъ, поѣли кашу, поѣли сухарей вечеромъ, пили чай и снова ѣли что-то, а все же у Балаева, у Петрюкова, у всѣхъ—„тоска“.

— Дома, бывало, поснѣдаешь, чайку это вечеромъ попьешь—и баста. А тутъ ѣшь, ѣшь, ажно пузо пучитъ, и все жрать охота. Отчего бы это?

— Полагать надо, это отъ климата, — объясняетъ Хорьковъ, служившій до войны въ швейцарахъ.—Климатъ такой.

Хорьковъ, даже надѣвъ солдатскій мундиръ, сохранилъ свою солидность. Онъ—полная противоположность юркому Балаеву. Движенія его медлительны и степенны, говоритъ съ разстановкой и чувствомъ своего превосходства, аккуратенъ и точенъ и не любитъ бросаться въ огонь, очертя голову, а идетъ въ атаку безъ спѣшки, безъ торопливости, солидно покрикивая „ура“ и такъ же солидно покалывая штыкомъ „внѣшняго врага“.

И ѣстъ онъ съ той же солидной медлительностью. Убѣжденный въ томъ, что „климатъ“ требуетъ, чтобы набивать брюхо до переполненія, онъ никогда не отказывается отъ ѣды, но прежде, чѣмъ „приступить“, распоясается, степенно перекрестится и тогда уже, вытеревъ деревянную ложку пальцами, примется за дѣло.

Пока мы лежимъ въ оврагѣ, пока Балаевъ тоскуетъ по „жратвѣ“, а Хорьковъ обстоятельно объясняетъ ему причины его тоски, бой у В. разгорается. Зарницы становятся чаще и ярче, полнеба вспыхиваетъ кровавымъ заревомъ. Горитъ лѣсъ, зажженный артиллерійскимъ огнемъ, горятъ деревни и усадьбы, и горный вѣтеръ доноситъ къ намъ тучи горькаго, ѣдкаго дыма.

На днѣ оврага дымъ гуще и плотнѣе; онъ осѣдаетъ здѣсь клубами и расползается среди поросли кустарника, затрудняя дыханіе.

— Сурьезное дѣло тамъ,—говоритъ „тоскующій“ Балаевъ.—Закурили трубку наши-то.

— А ты почемъ знаешь, что наши? Можетъ, это австрійцы.

— Куды имъ! Бѣжать—они мастера. А что насчетъ прочаго—никудышный народъ.

Неожиданно вблизи раздалась безпорядочная ружейная трескотня. Въ темнотѣ не видно было, кто и гдѣ стрѣлялъ, но очевидно было, что перестрѣлка происходитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста нашего расположенія. Очень могло случиться, что нашъ разъѣздъ напоролся на австрійскую засаду или наоборотъ: мы сами сидѣли въ засадѣ. Разсыпавшіеся по флангамъ обѣихъ сражающихся армій отряды сталкивались случайно, случайно вступали въ борьбу или преслѣдовали другъ друга, растянувъ дозоры и „секреты“ на нѣсколько десятковъ верстъ пространства.

— На изготовку!

Вынырнувшій изъ темноты ротный произнесъ команду вполголоса, почти шопотомъ; она быстро передавалась отъ взвода къ взводу. Люди, только что занятые мирной бесѣдой и мечтаніями о „жратвѣ“, были готовы, хотя не знали еще, въ чемъ дѣло.

А дѣло, какъ позже выяснилось, состояло въ томъ, что большой отрядъ австрійской пѣхоты, пытаясь обойти насъ съ тыла, нарвался въ полуверстѣ отъ насъ на нашъ дозоръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Тѣ, не разобравъ въ темнотѣ, что непріятель количественно превосходилъ ихъ разъ во сто, открыли стрѣльбу, но вынуждены были уйти. Они уходили наугадъ, нащупывая въ темнотѣ дорогу и догадываясь по случайнымъ признакамъ, куда идти.

Началось. Просвистѣли тихо, съ едва слышнымъ жужжаніемъ, первыя пули и шлепнулись о камень, обдавъ тучей щебня первую шеренгу залегшей за валъ роты.

— По одному выходи.

Одинъ за другимъ, гуськомъ, выползли изъ оврага. Оттого, что было темно, что не видно было ничего, кромѣ мгновенныхъ вспышекъ выстрѣловъ, становилось жутко. Словно ночь, таинственная и страшная, наползала со всѣхъ сторонъ и сжимала въ своихъ липкихъ тискахъ. Тысячи шороховъ, тысячи звуковъ, досихъ поръ неслышныхъ, стали явственно опредѣленны и четки. Вонъ тамъ, справа, сорвался камешекъ, покатился внизъ и шлепнулся въ воду. Здѣсь крикнуло, охнуло, точно застонало что-то во тьмѣ, перекатилось десятками отголосковъ и отозвалось въ непроницаемой дали.

Винтовка кажется горячей, рука липнетъ къ стволу, и цѣпко хватаютъ затворъ пальцы, ставшіе неожиданно гибкими, ловкими.

Разъ!.. Дали залпъ. Въ отвѣтъ — десятки криковъ ужаса, боли, страшной муки сплелись въ хаосъ звуковъ и разсыпались эхомъ. Потомъ топотъ, лязгъ, паденіе чего-то тяжелаго и хрупкаго.

Оказалось, что въ густой темнотѣ мы подобрались настолько близко къ непріятельскому отряду, что стрѣляли въ упоръ чуть ли не касаясь штыками въ грудь непріятеля. Это было неожиданно для него и для насъ. Сила моральнаго сцѣпленія, которая даетъ устойчивость массамъ и парализуетъ страхъ, была развѣяна внезапностью нашего нападенія. Непріятельскій отрядъ бѣжалъ, пропавъ въ темнотѣ и оставивъ нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ.

Страхъ.

Разсыпной цѣпью, то припадая къ землѣ, то снова подымаясь, чтобы пробѣжать нѣсколько шаговъ и опять прилечь, мы приближались къ непріятельской позиціи. Справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ летѣлъ, словно гудящій рой пчелъ, градъ пуль и падалъ аккуратными, ровными рядами, пуля отъ пули на одинаковомъ разстояніи. Непріятельская тяжелая артиллерія, стрѣлявшая изъ фортовъ, не пристрѣлялась еще, и снаряды дѣлали перелеты, шлепаясь въ болото, находившееся позади насъ. Круглые купола фортовъ были окутаны дымомъ и пылали, какъ въ огнѣ, отъ частыхъ выстрѣловъ.

Пока мы шли сплошной массой, плечо къ плечу, не было страшно. Сознаніе общности, сознаніе того, что весь этотъ ужасъ происходитъ „на людяхъ“, какъ выражаются мои сѣрые рядовые товарищи, превращаетъ страхъ въ чувство самосохраненія, которое во время боя значительно важнѣе безумной храбрости, потому что оно подчиняетъ солдата разумной волѣ и даетъ ему иниціативу. Но какъ только строй разсыпался, какъ только оборвалась живая связь между мною, Ивановымъ, Тимофѣевымъ, чувство одиночества, тоскливое жуткое чувство охватываетъ человѣка, и кажется онъ себѣ самому мишенью для всѣхъ летящихъ густымъ роемъ пуль. „Вотъ попадетъ, вотъ вопьется, ра-

нитъ, убьетъ". И кажется, будто уже впились въ тѣло тысячи иголъ, острыхъ и раскаленныхъ.

Команды нѣтъ. Каждый изъ насъ, бѣгущихъ впередъ съ винтовкой на перевѣсъ, предоставленъ своей инiціативѣ. Есть только общая цѣль—добѣжать до того вала, окутаннаго колючей проволокой, сомкнуться, слиться въ строй передъ нимъ, подъ огнемъ, бьющимъ въ упоръ, ворваться туда и завладѣть небольшой крѣпостцей, защищающей перевалъ Д. черезъ Карпаты.

Несмотря на то, что голова кружится отъ крайняго напряженiя силъ, что пересохло во рту отъ волненiя, что въ глазахъ мелькаютъ зеленыя искры, чувства обострены до того, что въ хаосѣ звуковъ различаешь звонъ каждой пули, пролетающей мимо тебя, видишь остро, четко и рѣзко каждую кочку, каждую травинку подъ бѣгущими ногами, которыя, помимо моей воли и сознанiя, направляютъ меня туда, куда нужно: вотъ тамъ пули падаютъ гуще, разбрасывая вокругъ себя комья мокрой земли и щебня. И хотя инерцiя бѣга направлена туда, но тѣло получаетъ откуда-то изнутри толчекъ и ноги несутъ въ другую сторону, минуя зону усиленнаго обстрѣла.

— Тра-та-та-та!

Словно нѣсколько сотенъ швейныхъ машинокъ шьютъ безконечную рубашку. Саваны ли шьютъ онѣ мертвецовъ, усѣявшихъ поля Галицiи отъ Равы до Карпатъ? Это стучатъ пулеметы. Ихъ сухая трескотня врывается рѣзко и съ убiйственной отчетливостью въ солидный, спокойный грохотъ орудiй, которыя палятъ съ разстановкой, съ передышкой, посылая снарядъ за снарядомъ.

Полпути пройдено. Здѣсь начинается зыбкая топь, на которой клубятся бѣлыя облачка пара, поднятыя падающимъ сюда горячимъ свинцомъ. Идти несравненно труднѣе: нога вязнетъ въ черномъ, какъ деготь,

торфѣ, къ сапогамъ прилипаютъ пудовыя комья земли, а цѣпкія болотныя растенія охватываютъ ноги, словно тисками. Пробѣжалъ нѣскотько шаговъ, запутался и упалъ. Не раненъ? Нѣтъ, цѣлъ, хотя рядомъ. звеня и шипя, упалъ стальной шрапнельный стаканъ. Издали слышно, какъ барабанъ бьетъ отбой. Значитъ, назадъ, надо бѣжать назадъ черезъ самое поле, на которое густыми, ровными рядами ложатся пулеметные заряды. Становится досадно и... и страшно, какъ будто опасность смерти не впереди, не тамъ, гдѣ придется, столкнувшись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, работать штыкомъ, прикладомъ, кулаками, зубами, а назади, за нашимъ прикрытіемъ.

И оттого, что страшно, странныя, совсѣмъ не идущія къ дѣлу мысли вторгаются въ умъ. Напримѣръ, давеча нашъ взводный Галагановъ сказалъ, что пуля, рикошетомъ попавшая въ него, задѣвшая и исковеркавшая образокъ, висѣвшій у него на груди, но не причинившая ему даже ожога, святая пуля. Онъ тщательно завернулъ въ бумажку сплющенный кусокъ свинца и спряталъ въ кошелекъ напамять. И вотъ вспоминается кошелекъ Галаганова, длинный и узкій изъ сѣрой замши.

— Для чего Галаганову такой большой кошелекъ, когда онъ самъ говорилъ, что все его богатство: „мѣдный крестъ, да пуговица?“ И гдѣ онъ его купилъ?

Потомъ мысль о Галагановѣ обрывается. Непріятель успѣлъ пристрѣляться, и падаютъ и рвутся вокругъ тяжелые снаряды, оставляя страшные слѣды—воронки, ямы, бугры взрытой земли.

— Крестъ да пуговица! Крестъ да пуговица,—неустанно стучитъ въ головѣ.

— А-ахъ!

Совсѣмъ недалеко кто-то крикнулъ, мучительно и протяжно. Посмотрѣть? Нѣтъ. Если я посмотрю туда,

если увижу убитаго, раненаго или разнесеннаго снарядомъ человѣка, у меня не будетъ больше силъ бѣжать: я упаду надорванный, безъ чувствъ, безъ воли, безъ сознанія.

Зажмуривъ глаза и тыкая почему-то винтовкой въ пустоту, какъ будто сейчасъ штыковой бой, я бѣгу, все ускоряя шагъ, и кричитъ во мнѣ одна и таже нелѣпая мысль, одни и тѣ же никчемныя слова:

— Крестъ да пуговица!

И кажется, будто со всѣхъ сторонъ повторяютъ летящій свинецъ, сталь и желѣзо:

— Крестъ да пу-у-у-говица!

Конечно, это слуховой миражъ, это кровь, прилившая къ головѣ, шумитъ и стучитъ въ вискахъ, и оттого свистъ и вой снарядовъ перерождаются въ моемъ умѣ въ слова, и оттого рождаются въ головѣ такіе звуки, которыхъ вокругъ меня нѣтъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ, когда я на мгновенье открылъ глаза, мнѣ показалось, что все поле покрыто лежащими въ разныхъ положеніяхъ людьми. И я подумалъ, что вся наша рота, бросившаяся въ атаку, перебита, что уцѣлѣлъ только я одинъ, что это чудо, а такъ какъ чудесъ не бываетъ, то буду убитъ и я.

Теперь, убѣдившись въ томъ, что я цѣлъ, я живъ, что мнѣ осталось добѣжать всего нѣсколько шаговъ до лѣса, гдѣ наши окопы, я соображаю, что все это былъ обманъ чувства. Никто не кричалъ, никого не убило, не разорвало въ полѣ, нѣтъ труповъ, покрывшихъ иловатую сырую землю...

Еще одно усиліе воли, и я въ окопахъ, за брустверомъ. Теперь можно открыть глаза и посмотрѣть туда, куда я раньше не смѣлъ смотрѣть. Съ трудомъ раскрываются глаза: вѣки болятъ отъ напряженія, и въ первое мгновенье ничего не видно кромѣ зеленовато-молочной мути. Рядомъ со мною стоитъ Галагановъ,

и лицо у него блѣдное, перекошенное, а рыжіе усы дергаются. Дальше Пахомовъ, Димитрюкъ—всѣ. Не хватаетъ только пятерыхъ, но спустя минуту двое, раненые въ ноги, вползаютъ въ траншею.

— Рота, стройся!

Привычное, почти механическое движеніе: разъ-два-три! Стоимъ правильными рядами, плечомъ къ плечу, шеренга за шаренгой.

— Лѣвымъ плечомъ впередъ, кругомъ—аршъ!

Что это? Куда насъ сейчасъ двинутъ?

— Разсыпься!

Опять въ атаку, но другой дорогой, въ обхватъ, гдѣ падаетъ только боковой огонь. Теперь уже нѣтъ страха потому что это впередъ, а не назадъ, и пусть падаетъ сплошной дождь пуль, пусть шрапнель, пусть „чемоданы“—умъ ясенъ, сердце бьется ровно, и мысль спокойно подсказываетъ, что и какъ надо дѣлать...

Сѣрые люди.

Если бы какой-нибудь художникъ-баталистъ захотѣлъ изобразить современный бой, то онъ едва ли нашелъ бы здѣсь что либо эстетическое, даже съ точки зрѣнія батальной живописи. Это вовсе не красиво и не грандіозно, а обыденно и сѣро, какъ всякая напряженная работа. Здѣсь нѣтъ большихъ массъ войска, которыя сталкивались бы въ рукопашной схваткѣ, а маленькіе отряды забрызганныхъ грязью людей, сѣрыхъ и совсѣмъ обыкновенныхъ, залегли въ окопахъ, наполненныхъ желтой глинистой жижей, и отстрѣливаются, пока не прикажутъ идти впередъ, т.-е. вѣрнѣе, ползти по грязи, прячась за каждую кочку или выступъ почвы. Тамъ и сямъ на скучномъ, сѣромъ горизонтѣ вспыхиваютъ дымки орудійной пальбы. Лѣниво отвѣчаютъ имъ наши братья, и офицеръ, засѣвшій у орудій за прикрытіемъ, такой же сѣрый, такъ же забрызганный грязью, какъ и его солдаты, приникъ ухомъ къ телефонной трубкѣ и принимаетъ приказанія или передаетъ ихъ. И тутъ тоже, у насъ, сидитъ на корточкахъ нашъ поручикъ С., втянулъ голову въ плечи, потому что зябко; щеголеватый, любившій пофрантить до войны, онъ теперь оброс клочковатой, грязнаго цвѣта бородой, которая сбилась въ войлокъ и торчитъ во всѣ стороны щетинистыми пучками. Еще у Равы онъ бросилъ свои франтовскіе са-

поги съ лакированными голенищами, потому что они „ни къ какому чорту не годятся“ и натянулъ сапоги казеннаго образца, съ широкими носками, расхлябанные, но удобные, такъ какъ они не жмутъ и не натираютъ мозолей въ походѣ. Позади насъ густо чмокаетъ грязь и обдаетъ наши спины желтымъ мѣсивомъ. Это падаетъ шрапнель и разбрасываетъ во всѣ стороны липкіе комья земли. Небо сѣро, сѣры люди, и все окутано пеленою сѣраго, густого тумана. И работа, которую мы дѣлаемъ въ липкомъ туманѣ, тоже сѣрая.

Мы пробиваемся впередъ такъ называемой перекидной сапой. Это для того, чтобы приблизиться безъ большихъ потерь къ непріятельскимъ окопамъ, которые такъ хорошо укрѣплены, что взять ихъ атакой не представляется никакой возможности, и приходится примѣнять пріемъ, употребляемый обыкновенно для приближенія къ крѣпости.

Мы роемся въ мокрой землѣ, какъ кроты, прорываемъ насыпь и перекидываемъ землю черезъ передній валъ и въ стороны. Лопата легко входитъ въ землю, но ее засасываетъ и вытащить ее очень трудно. Отъ напряженія потъ съ насъ катится градомъ, но вытирать его некогда, и онъ растекается грязными ручьями по лицу.

Это трудная, кропотливая работа, но мы приспособились къ ней, какъ и ко всей трудовой обстановкѣ войны, и я, и бывшій агрономъ, а теперь рядовой такой-то роты Струтинскій, и золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Свири солдатъ Исаакъ Кроль, — всѣ сдѣлались землекопами, хотя никто изъ насъ ни разу, кажется, въ жизни не держалъ въ рукахъ лопаты.

Это—не изнанка, а лицевая сторона войны. Тусклыя рабочія будни боевой жизни не блещутъ красками и трагическими коллизіями. Военная техника создала

грозныя, могучія орудія истребленія, но она не побѣдила человѣка, а заставила его искать средствъ приспособленія, и современная война представляетъ собою въ большей степени упорный трудъ, чѣмъ состязаніе лицомъ къ лицу съ противникомъ, потому что вся энергія уходитъ на то, чтобы парализовать, или, по крайней мѣрѣ, ослабить убійственное дѣйствіе непріятельской артиллеріи, скорострѣльныхъ и дальнобойныхъ орудій, бронированныхъ автомобилей съ пушками, пулеметовъ и чудовищныхъ снарядовъ.

Мы все время приспособлялись, все время условія боевой и походной жизни способствовали незамѣтному, но вѣрному процессу физическаго отбора. Слабые падали отъ усталости и болѣзней, выбывали изъ нашихъ рядовъ, трусливые закалялись, малодушные становились стойкими.

Сначала былъ подъемъ, и казалось, что идти въ бой или атаку не въ состояніи аффекта, значитъ потерпѣть пораженіе. И пока аффектъ, подъемъ, нервное напряженіе заставляли насъ бросаться въ бой, забывъ о смерти, не замѣчая крови и ранъ и разорванныхъ въ клочья тѣлъ товарищей, не было ни слабыхъ, ни сильныхъ. Нервный подъемъ крѣпилъ физическія силы, „на людяхъ“ смерть не была страшна.

Но аффектъ не можетъ длиться въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ при всякихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Напряженіе смѣнилось равнодушіемъ, потрясающееe стало обыденнымъ, чувство больше не реагировало на ужасы боя, и сдѣлалось „все равно“. Выработалась привычка къ смерти. Инстинктъ самосохраненія, такой естественный въ живомъ существѣ и такой важный на войнѣ, когда человѣкъ играетъ огромную роль, какъ живая матеріальная сила, почти парализовался.

И казалось, что разъ такъ, разъ люди утратили

способность реагировать на окружающее ихъ, то они, какъ боевой матеріалъ, больше не пригодны: это изношенныя части боевого механизма. Но именно тогда тѣ, которымъ было „все равно“, оказались наиболѣе боеспособными. Бывшій агрономъ Струтинскій, человѣкъ съ удивительно нелѣпыми движеніями, у котораго все тѣло, кажется, на винтикахъ и шарнирахъ, одинъ изъ этихъ равнодушныхъ. Онъ не боится ничего. Подъ градомъ пуль онъ спокойно, „не кланяясь“, идетъ въ атаку, а сейчасъ, когда позади насъ, впереди, со всѣхъ сторонъ летятъ и рвутся снаряды шрапнели, онъ съ изумительной аккуратностью и методичностью роетъ землю. Вытащитъ лопату съ комомъ земли, этакъ въ пудъ вѣса, уложитъ его, да еще подравняетъ лопатой, чтобы прочнѣе лежалъ земляной бугорокъ.

Слабыхъ больше нѣтъ: они въ тылу, въ лазаретахъ. Естественный подборъ войны отмелъ ихъ прочь, какъ непригодный для войны матеріалъ. Остались такіе, которые могутъ мерзнуть и мокнуть, голодать и терпѣть всякія лишенія, и все имъ, какъ съ гуся вода.

Прокопали внутренній скатъ окопа. Отъ набросанной земли образовался новый окопъ впереди насъ. Снова принялись за работу — сверлить новый окопъ, чтобы опять очутиться впереди, ближе къ непріятелю.

Струтинскій поплевалъ на руки и принялся за лопату. Маленькій Кроль, который, собственно, былъ барабанщикомъ, усталъ и присѣлъ на корточки, чтобы передохнуть. На лицѣ его было недоумѣніе: развѣ воевать это значитъ ковырять землю? Онъ даже пожалъ плечами.

— Что, братъ, притомился? — спросилъ Ипполитовъ, рыжій солдатъ, которому даже смѣшно показалось, что отъ такой „пустяковой“ работы можно устать. — „Эхъ ты, мозглякъ!“

— Ему, Кролю - то нашему, куды сподручнѣе въ барабанъ бить, чѣмъ землю копать, — замѣтилъ Босыхъ.

— И зачѣмъ, братцы мои, такихъ на войну берутъ? Ихъ бы по канцеляріямъ, что ли, разсадить, либо въ кашевары. Пусть щи варятъ.

Кроль молчалъ. Маленькій, щуплый среди этихъ крѣпкихъ орловцевъ и туляковъ, онъ чувствовалъ себя далеко не героемъ. Онъ не могъ такъ приспособиться, какъ Струтинскій, какъ бывшій технологъ, а теперь добровольцъ Максютовъ.

Неумолимый законъ боевого „отбора“ не коснулся Кроля. Вмѣстѣ съ нами онъ терпѣлъ всѣ лишенія и оставался цѣлъ и здоровъ.

...Въ четырехстахъ шагахъ отъ непріятельской позиціи, гдѣ ружейные выстрѣлы были чуть ли не въ упоръ, оборвали сапу. Работа была окончена къ полуночи, но дать роздыхъ людямъ нельзя было, потому что этой же ночью нужно было овладѣть первой линіей ихъ окоповъ, чтобы выпрямить линію нашего фронта и начать общее наступленіе. Намъ приказали выйти изъ-за прикрытія. Разсыпной строй на ограниченномъ пространствѣ, охваченномъ полукольцомъ непріятельскихъ траншей, былъ невозможенъ, и приходилось, безъ перебѣжекъ, идти плечомъ къ плечу.

Людямъ осточертѣло ковыряніе въ землѣ. Когда приказали начать атаку, всѣ обрадовались:

— Разомнемся, ребята! — радостно сказалъ Ипполитовъ.

— Руки совсѣмъ застыли, елки зеленыя!

Четыреста шаговъ надо было пройти подъ огненнымъ дождемъ, который и сейчасъ осыпалъ насъ, не оставляя живого мѣста, а люди радовались предстоящей возможности размяться.

Какъ мы ни обтерпѣлись, какъ мы равнодушно ни

относимся къ мысли о смерти, но все же есть моменты, когда и такимъ, которымъ „все равно“, становится холодно. На такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, какъ четыреста шаговъ, пули уже не свистятъ, не жужжатъ, а трещатъ, какъ хлопушки, но во сто кратъ сильнѣе. Громъ орудій превратился въ сплошной гудящій ревъ: это за нашей спиной продолжается артиллерійская дуэль, за спиною — потому, что орудійные снаряды и даже пулеметная дробь не могутъ уже попасть въ насъ и дѣлаютъ перелеты, а наша артиллерія, поддерживая атаку, старается сбить непріятельскія орудія. Въ такомъ грохотѣ, въ такой близости, когда ружейный огонь не только жалитъ, но буквально обжигаетъ, становится жутко даже равнодушнымъ.

Скачекъ, и мы на окопахъ. Изъ траншей торчитъ стальная щетина штыковъ, живая, движущаяся щетина. Выстрѣлы смолкли. Кричатъ люди. Кто-то подъ самыми ногами надрывно плачетъ. Это молоденькій австрійскій поручикъ, совсѣмъ мальчикъ, раненый въ шею. Сидитъ, прижавшись въ уголкѣ окопа и рыдаетъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Некогда. Нужно спѣшить, нужно бить, иначе самъ будешь убитъ, изувѣченъ. Среди шума и криковъ слышенъ металлическій лязгъ оружія.

Совсѣмъ близко Кроль. Рядомъ. Лицо блѣдно, губы крѣпко сжаты, въ черныхъ, большихъ, какъ сливы, глазахъ страшная мука.

. . . . . .

Двадцать два человѣка.

Высоко надъ нашими головами послышался характерный фыркающій звукъ. Въ туманѣ не видно было аэроплана, вылетѣвшаго на развѣдку, да и летчикъ едва ли видѣлъ насъ, находившихся въ глубокой лощинѣ, заросшей кустарникомъ. Онъ, видимо, направлялся къ Д., гдѣ были расположены наши главныя силы, и совсѣмъ не имѣлъ въ виду нашего небольшого отряда, волею случайности очутившагося далеко впереди головной части колонны, преслѣдовавшей отступавшихъ австрійцевъ.

— Дозвольте стрѣльнуть, вашбродь, обратился къ начальству бойкій солдатикъ Соломко.

Ему очень хотѣлось подбить летчика; ему никогда не сидѣлось на мѣстѣ, онъ всегда искалъ какого-нибудь „настоящаго“ дѣла, и раза два, дѣйствительно, отличился въ развѣдочныхъ операціяхъ.

На этотъ разъ начальство, представленное въ нашемъ отрядѣ молоденькимъ подпоручикомъ Б., не разрѣшило Соломко „стрѣльнуть“, чѣмъ, видимо, его огорчило.

— А я бы его снялъ. Ей-Богу, снялъ бы.

Есть такіе люди, которыхъ все тѣло словно на шарнирахъ и винтикахъ. Все бы имъ двигаться, дѣлать что-нибудь, и самое невыносимое, самое мучительное наказаніе для нихъ сидѣть „въ секретѣ“, какъ случи-

лось нашему отряду въ данный моментъ. Такимъ безпокойнымъ человѣкомъ былъ хоходъ Соломко, представлявшій собою полную противоположность своему товарищу и земляку, медлительному и сосредоточенному Левченкѣ.

— Сиди, братъ, на мѣстѣ, да не рыпайся,—утѣшилъ его Левченко.—Прикажутъ—стрѣлять будемъ, а не приказали—сиди.

Аэропланъ снижался. Уже виденъ былъ его желтый остовъ и крылья. Онъ рѣялъ надъ самой головою, не обнаруживая нашего присутствія.

— Ложись,—тихо приказалъ поручикъ.

Люди прилегли къ землѣ. Левченко съ сожалѣніемъ притушилъ „цыгарку“ о сапогъ.

— Собачьи дѣти! Покурить не дадутъ.

Изъ того, что непріятель производилъ развѣдку при помощи аэроплана, можно было понять, что мѣсто его расположенія недалеко. Въ теченіе трехъ дней, идя, главнымъ образомъ, по ночамъ, мы искали его и не находили, а тутъ неожиданная случайность навела насъ на его слѣдъ. Намъ надо было „нащупать“ его расположеніе и количество, и этимъ заканчивалась наша роль.

Аэропланъ пофыркалъ, пофыркалъ и, взвившись птицей, улетѣлъ по направленію къ Д.

— Теперь вылѣзай. Иди тихо,—скомандовалъ поручикъ.

Насъ было двадцать два человѣка, оторванныхъ отъ колонны. Прежде, чѣмъ очутиться здѣсь, мы прошли въ бродъ рѣчку, блудили по лѣсамъ и ушли отъ своихъ верстъ на тридцать слишкомъ. Чувство одиночества и оторванности давало себя знать, особенно ночью, когда кругомъ рождались тысячи непонятныхъ звуковъ. Кто-то плакалъ въ лѣсу, кто-то шелъ напроломъ черезъ чащу, ломая сухія вѣтви, гдѣ-то въ отдаленіи слышалось пе-

рекликаніе голосовъ. Можетъ быть, это казалось, а, можетъ быть, отставшіе отряды непріятеля или дезертиры, въ самомъ дѣлѣ, бродили по лѣсу.

Теперь тоже наступалъ вечеръ, и снова рождались подозрительные шорохи, отзвуки, всплески, трескъ. Кто-то охнулъ; эхо подхватило крикъ, и онъ прокатился по лѣсу, повторяясь десятки разъ и зыблясь въ воздухѣ, какъ волна на тихомъ озерѣ отъ брошеннаго камешка.

— Онъ ходитъ, вашбродь.

— Кто ходитъ?

— Непріятель.

— Посмотримъ.

Выползли на поляну, откуда несся подозрительный звукъ. Тамъ ничего не было. Опять ушли въ лѣсъ. Темныя ели обступили насъ со всѣхъ сторонъ; пахло прѣлымъ листомъ и болотной ржавчиной. На рыжихъ мшавахъ выступали зеленоватые пузыри и лопались съ рѣзкимъ хлюпаніемъ. Согрѣтое за день болото выдѣляло газы, и они зажигались фосфорическими огоньками, перебѣгавшими въ темнотѣ съ мѣста на мѣсто.

— Пфъ!—пыхтѣла подъ ногами болотная жижа.

— Тахъ-тахъ,—несся трескъ въ таинственной темнотѣ лѣса.

— Жутко,—говорили люди.

— Треба закурить,—нашелъ средство Левченко.

Но курить нельзя было. Возможно, что непріятель былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

И вдругъ, совершенно неожиданно, лѣсъ оборвался. Согласно картѣ, онъ долженъ былъ тянуться до самаго селенія П., еще нѣсколько верстъ, а въ дѣйствительности предъ нами оказалась голая каменистая равнина съ грядою темныхъ холмовъ на далекомъ горизонтѣ. Но скоро наше недоумѣніе прошло. Мы уклонились влѣво отъ намѣченной дороги, но шли по вѣрнымъ слѣдамъ. Слѣды эти были: пустая жестянка изъ-подъ

консервовъ, окурки папиросъ, брошенные уходившими австрійцами, и потерянная пѣхотинцемъ 37 гонведнаго полка книжечка, въ которой у австрійцевъ отмѣчается полкъ, рота и родъ оружія, къ которому принадлежитъ данная часть.

Книжку нашелъ Левченко.

— Ось, ваше благородіе, якая-сь писулька. Гораздый писака писалъ, бо понаписано чего-то пропасть.

Пока онъ докладывалъ о находкѣ, сзади насъ послышалась какая-то возня. Кто-то пыхтѣлъ и ругался:

— Ахъ, шельма! Я же тебя. Уфъ!

— Что тамъ?

Изъ темноты вынырнулъ огромный, какъ медвѣдь, рядовой Лукьяновъ. Онъ отдувался и вытиралъ рукавомъ потъ.

— Что случилось?

— А я его хряснулъ, ваше благородіе.

— Кого?

— Да вотъ, какъ дѣло было. Вижу я, лежитъ человѣкъ и молчитъ. Я его торкъ въ пузо, а онъ меня цапъ за ногу. Ну, тутъ шутка недолга.

— Да, кто же онъ? Ты бредишь.

— Никакъ нѣтъ. Извольте поглядѣть.

Оказался австрійцемъ огромнаго роста въ мундирѣ рядового гонведнаго полка. Можетъ быть, это былъ тотъ самый Гансъ Примакъ, чью книжку мы нашли.

— Ну, впередъ, ребята, близко.

Мы выползли изъ ложбины. Вдали засвѣтились огни. Это было селеніе или деревушка. Тамъ заливалась тонкимъ лаемъ собаченка, которая могла выдать насъ.

— Держись на чеку!

Черезъ полчаса мы были у большого сарая, который стоялъ на краю деревни. За деревней маячили огоньки, слышенъ былъ чужой говоръ, звонъ оружія и ржаніе лошадей.

Мы залегли за стогами сѣна подлѣ сарая. Отсюда видна была одинокая фигура часового, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ спиною къ намъ.

— Надо бы его кокнуть,—предложилъ неугомонный Соломко.

— Шумъ подниметъ.

— А я его безъ шума.

— Ну, попробуй.

Соломко снялъ съ себя амуницію, даже сапоги скинулъ и, взявъ въ руки винтовку, пополъзъ по землѣ. Онъ ползъ, какъ змѣя, безъ всякаго шума и, очутившись подлѣ часового, сразу безшумно всталъ во весь ростъ, охватилъ австрійца сзади за шею и, поваливъ его на землю, что-то сдѣлалъ съ нимъ, не видное намъ, отъ чего тотъ, даже не вздрогнувъ, затихъ. Потомъ такъ же безшумно вернулся къ намъ.

Спустя часъ мы выяснили все, что намъ нужно было, и возвращались къ своимъ.

Несмотря на то, что мы шли по той же дорогѣ черезъ тотъ же лѣсъ, жути больше не было, не было и странныхъ звуковъ и шороховъ, и темныя сосны, и болотные огоньки, перескакивавшіе съ мѣста на мѣсто, казались обыкновенными и ничуть не страшными.

— А теперь треба закурить, — снова предложилъ Левченко.

— Кури.

— Двадцать два человѣка это... Это все-таки двадцать два человѣка,—съ чувствомъ довольства выполненной на славу задачи сказалъ нашъ подпоручикъ.

— Рады стараться,—тихо отвѣтили эти двадцать два человѣка.

Автоматъ.

Несмотря на всѣ техническія усовершенствованія, примѣняемыя въ современной войнѣ, есть въ ней много такого, что сильно напоминаетъ бои древнихъ и даже первобытныхъ людей. Правда, здѣсь въ сраженіяхъ, наряду съ людьми, участвуютъ машины, которыя съ математической точностью посылаютъ снаряды въ невидимую линію прицѣла; правда и то, что пріемы сдѣлались настолько сложными и хитрыми, что личность, проявленія ея воли и иниціативы потеряли прежнее значеніе. Но рядомъ съ машиной, снабженной часовымъ механизмомъ, рядомъ съ блиндированнымъ автомобилемъ и скорострѣльной пушкой, дѣйствуетъ человѣкъ, придумывающій здѣсь, на мѣстѣ, иногда по наитію, иногда путемъ постепеннаго приспособленія, способы нападенія и защиты.

Вотъ атака. Непріятель осыпаетъ насъ сплошнымъ пулеметнымъ огнемъ. Пулеметы, стрѣляющіе непрерывно и дающіе нѣсколько сотъ выстрѣловъ въ минуту, выбрасываютъ черную, почти сплошную тучу свинца. Глазъ ясно видитъ, какъ эта туча быстро приближается къ окопамъ, ухо улавливаетъ пронзительный свистъ и жужжаніе десятковъ тысячъ свинцовыхъ пулекъ; слышно, какъ онѣ, падая по дорогѣ, барабанятъ по камнямъ, точно крупный и частый градъ. Встрѣтился этой тучѣ бугорокъ или холмикъ по пути,—она

въ одно мгновеніе срѣзываетъ его, сравниваетъ съ землею.

И кажется—разъ нѣтъ мѣста, куда бы не падалъ пулеметный свинецъ,—выскочившіе изъ окоповъ и бросившіеся въ атаку солдаты должны быть перебиты до единаго человѣка. Но это далеко не такъ. Противъ пулемета идетъ человѣкъ, разумное существо. Сознаніе и умъ, обостряющіеся до крайности въ моментъ опасности, подсказываютъ солдату, что дѣлать, чтобы перехитрить пулеметъ.

Нѣсколько сотъ человѣкъ, разсыпавшись по полю по-одиночкѣ и почти мгновенно окопавшись, залегли за выступы почвы и кочки и ждутъ сигнала. Пулеметныя пульки, сохраняя ударную силу тогда, когда онѣ бьютъ впередъ, теряютъ ее, когда падаютъ отвѣсно. Онѣ бьютъ по спинѣ, рвутъ въ клочья платье, жгутъ, сѣкутъ, но не причиняютъ ранъ.

Свистокъ. Это команда встать и сдѣлать перебѣжку. Вотъ теперь опасно. Надо бѣжать навстрѣчу свинцовому дождю, въ сплошной тучѣ пуль.

Древній воинъ защищался отъ вражескихъ стрѣлъ щитомъ. Нашъ солдатъ тоже придумалъ нѣчто въ родѣ щита, который въ нѣкоторой степени защищаетъ отъ пулеметнаго огня. У каждаго солдата есть желѣзная лопата для рытья прикрытій. Этой лопатой онъ во время перебѣжки защищаетъ лицо отъ пуль. Правда, очень часто пули пробиваютъ ее, но тогда онѣ теряютъ ударную силу и не страшнѣе обыкновеннаго камешка, пролетѣвшаго разстояніе въ нѣсколько сотъ шаговъ.

Постепенно приближаясь при помощи сапныхъ работъ другъ къ другу, мы оказались въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ непріятельскихъ окоповъ. Такая близость позволяла слышать команду, видѣть лица австрійцевъ, ...
. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но вотъ раздается сигналъ. Начинается бой. Обѣ стороны осыпаютъ другъ друга ручными гранатами. Небольшіе шарики, съ антоновское яблочко величиной, летятъ и рвутся, разбрасывая во всѣ стороны „начинку“. И если бы не взрывы, не эта „начинка“, бой при помощи ручныхъ гранатъ напоминалъ бы метаніе дротиковъ, которыми сражались на разстояніи древніе воины. Тотъ же свистящій звукъ полета, тотъ же широкій, швыряющій размахъ, но вмѣсто дробящаго камня рвущая сила пороха и кисловатый запахъ сѣры.

Крадучись и ползя по землѣ, мы идемъ въ атаку. Осторожно нащупывая каждый свой шагъ, зорко оглядываясь, комбинируя въ одно цѣлое тысячи незначительныхъ наблюденій, мы пробираемся на развѣдку. Направленіе вѣтра, слѣдъ копыть, брошенная гильза, смятая трава,—все это принимается въ разсчетъ, и развѣдчикъ, подобно майнъ-ридовскому „Орлиному Глазу“, осматриваетъ каждый слѣдъ, прислушивается, чуть ли не принюхивается къ вещественнымъ признакамъ присутствія непріятеля и по ему одному понятнымъ, ему лишь одному вѣдомымъ признакамъ узнаетъ, что ему надо.

Въ былыхъ сраженіяхъ были марши и переходы, маневрированіе преобладало надъ активными боями, передвиженіе рѣшало судьбу сраженія. Теперь далеко не то. Милліонныя арміи не могутъ передвигаться съ такой быстротой, какъ арміи въ прежнихъ войнахъ, гдѣ полтораста тысячъ солдатъ представляли собою уже огромное полчище „дванадесять языковъ“. Не обладая такой подвижностью, такой текучестью, они либо разбиваются на тысячу мелкихъ отрядовъ, либо развиваютъ фронтальное сраженіе, длящееся цѣлыми мѣсяцами. Полторы-двѣ сотни людей, отдѣленные ин-

терваломъ—лѣсомъ, холмомъ, полемъ—отъ другого такого же малочисленнаго отряда, начинаютъ сраженіе съ непріятелемъ, разбившимъ свою армію на такіе же отряды. И происходитъ нѣчто въ родѣ поединка, чуть ли не одинъ на одинъ, какъ въ средневѣковыхъ рыцарскихъ турнирахъ. Съ той же беззавѣтной храбростью, съ тѣмъ же высокимъ подъемомъ, напоминающимъ религіозный экстазъ крестоносцевъ, дерутся наши уфимцы и костромичи, и есть у нихъ своя „дама сердца“, свой рыцарскій культъ—родина „Рассея—матушка“. Это не сентиментальный, подсахаренный „патріотизмъ“, выдуманный кабинетными людьми. Это, проще, но могучѣе, шире, значительнѣе и глубже. Это эпосъ, древній, былинный.

— Ежели ты въ бой идешь, такъ отца—матерь забудь,—говорятъ солдаты.

— Знай, бей, умирать придется,—умри, а все, что отъ головы идетъ—негожее здѣсь дѣло.

Здѣсь нѣтъ вражды и злобы.

Глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ стихійно-широкое, захлестывающее чувство борьбы и одолѣнія сопротивленія охватываетъ всѣхъ и сливаетъ въ одно. И бѣшенный, безумный натискъ, во время котораго люди забываютъ о себѣ, о смерти, о ранахъ, страшенъ и неодолимъ.

Орудія, бьющія съ математической точностью, снаряды съ механизмомъ, автоматически отмѣчающимъ разстояніе полета ядра, свѣтящіяся бомбы, воздушныя суда, бой въ воздухѣ, бой подъ землей, подъ водой, заливаніе непріятельскихъ окоповъ горящимъ масломъ, фугасные взрывы. . . . . .

. . . . . .—какое богатство техническихъ достиженій, какая высота боевой техники! И все же, какъ жалка, какъ ничтожна эта сила, направленная противъ сѣраго человѣка изъ глухой симбирской деревушки. Крупповская митральеза, скорѣе похожая на сложный

аппаратъ, чѣмъ на орудіе смерти, заставила исторію замкнуть свой кругъ. И снова изъ тьмы временъ пришла македонская желѣзная фаланга, явились дротики — бомбы, щиты — лопаты, схватки — турниры, дубинка — прикладъ. „Орлиный Глазъ“ изъ Майнъ-Рида, рыцарь изъ Вальтеръ-Скотта, довременный троглодитъ. И рядомъ съ ними чудо техники, пушки, бросающія свои шестидесятипудовыя ядра на 15—18 верстъ впередъ, на 200 метровъ вверхъ.

— Енъ мозгами, а мы его кулакомъ,—говоритъ какой-нибудь Стреминъ, ухмыляясь въ свою золотую бороду.

Кто сильнѣе? Троглодитъ или пулеметъ, выбрасывающій десятки и сотни пудовъ свинца въ часъ? Очевидно,— троглодитъ, потому, что, если бы это было не такъ, война, при современныхъ техническихъ достиженіяхъ, была бы невозможна.

Въ бою и въ атакахъ, въ походѣ и въ траншеяхъ,— вездѣ, гдѣ слышенъ адскій громъ канонады, гдѣ вѣетъ дыханіемъ усовершенствованной „культурой“ войны, вездѣ первое мѣсто остается за человѣкомъ, который приспособляется, примѣняется ко всему и одолѣваетъ самый хитрый, самый сложный автоматъ. Треньковъ и Балаевъ, Пахомовъ и Дерябкинъ—сѣрые мужики своей мужичьей сметкой побѣждаютъ автоматъ войны.

Тихій бой.

Мы стоимъ у П. въ глубокихъ траншеяхъ; траншеи крыты сверху бревнами, отъ которыхъ пахнетъ еще свѣжей сосновой смолою. Сквозь амбразуры между бревенъ голубѣютъ клочки неба; день такой хорошій, свѣтлый и теплый, что кажется, будто здѣсь не война, будто такъ солдаты собрались на вольномъ воздухѣ потолковать о разныхъ своихъ, приватныхъ дѣлахъ.

А даль гремитъ ударами пушекъ и частой трескотней пулеметовъ, и завтра, а, можетъ быть, сегодня ночью мы будемъ въ бою, потому что со всѣхъ сторонъ стягиваются воинскія части, проѣхалъ кавалерійскій отрядъ, за нимъ другой, третій, а тамъ потянулись казаки, ѣдутъ безъ пѣсенъ къ лѣсу и занимаютъ невидныя намъ отсюда позиціи. Слѣва у деревни Г. окапываются пришедшія за ночь двѣ дивизіи, саперы проводятъ телефонъ къ штабной квартирѣ, слышны четкіе въ чистомъ воздухѣ удары молотковъ и едва уловимый, глухой, какъ гулъ потревоженнаго улья, говоръ десятковъ тысячъ людей, собравшихся сюда со всѣхъ сторонъ, чтыбы выбить австрійцевъ изъ П.

У непріятеля, подъ П., происходитъ то же самое. Отсюда видны передвигающіеся съ мѣста на мѣсто темные прямоугольники войскъ, слышны удары, трескъ, гулкій грохотъ, словно перекатываютъ по мостовой что-то тяжелое: это ѣдетъ артиллерія, парки и обозы.

Вчера ночью надъ нашими позиціями леталъ непріятельскій аэропланъ и освѣщалъ насъ прожекторомъ, стараясь, очевидно, выяснить наше расположеніе.

— Какъ бы не такъ,—сказалъ мой сосѣдъ по траншеѣ, солдатъ Петряевъ.—Какъ бы не такъ. Найдетъ онъ насъ, когда мы, какъ кроты, врылись въ землю. Онъ ищетъ тамъ, а настоящіе окопы вонъ гдѣ. Окопы такъ искусно устроены, что сливаются съ фономъ мѣстности и найти ихъ не то, что ночью, но и днемъ очень трудно человѣку, незнакомому съ ихъ расположеніемъ. Это нѣсколько рядовъ длинныхъ и глубокихъ канавъ, соединяющихся другъ съ другомъ, мѣстами крытыхъ землей и бревнами, мѣстами открытыхъ; это цѣлый земляной или, вѣрнѣе, подземный военный лагерь, съ улицами, уличками и переулками, въ которыхъ расположены по землянкамъ штабныя квартиры, телефонныя станціи, ротныя команды, даже походныя канцеляріи и лазареты. За мѣсяцъ пребыванія здѣсь солдаты успѣли такъ прочно устроиться тутъ, что завели даже „баню“, т.-е. землянку, въ которую приносятъ жаръ на желѣзномъ листѣ и которая нагрѣвается такъ, что можно мыться въ ней. И по доброму русскому обычаю, Демидовъ и Логовъ въ прошлую субботу, накаливъ нѣсколько камней и обливъ ихъ горячей водою, взятой у ротныхъ котловъ, парились, возились и орали въ „банѣ“ до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгнали оттуда. Положимъ, возни и крику было тамъ больше, чѣмъ дѣла,—въ землянкѣ-„банѣ“ была одна „видимость“ пара, но солдаты дѣлали видъ, что это на самомъ дѣлѣ, и кричали:

— Поддавай, братъ, пару!

— Окачивай, окачивай, охо-хо!

И вышли оттуда счастливые сознаніемъ, что побывали въ банѣ.

— Съ легкимъ паромъ, Логовъ,— шутили солдаты.

— Ты бы рыло помылъ. Гляди, вся рожа въ глинѣ.

— Чтой-то покурить хочется послѣ бани-то,—говорилъ Логовъ, испытывающій блаженство „послѣбанного“ состоянія.—У кого бы это корешковъ достать?

— Пойди на Медлинскую. Тамъ, братъ, корешковъ—хочу не хочу.

Солдаты дали каждой траншеѣ имя, словно улицамъ, по находящимся тамъ полкамъ, ротамъ и частямъ. Есть „Медлинская“, „Лазаретная“, „Казачья“ траншеи, есть „Обжорная площадка“—названная такъ оттого, что тамъ ротныя кухни. И солдаты оріентируются въ своемъ подземномъ лагерѣ, какъ въ городѣ, гдѣ все распланировано, все на своемъ мѣстѣ.

— Эй, землячекъ, какъ тутъ пройти въ пятую роту?

— Въ Серпуховской трашеѣ, первая направо.

— А гдѣ она, Серпуховская траншея?

— Да что ты, вновѣ что-ли-ча?

— Вчерась пришли.

— Иди прямо. Такъ носомъ и уткнешься въ Серпуховскую-то.

Солдатъ любитъ устраиваться со всѣми удобствами. Сначала здѣсь были на скорую руку сдѣланы окопы, но мы задержались на этомъ мѣстѣ,—сраженіе, постепенно развивавшееся по всему фронту, приняло характеръ позиціоннаго боя, и окопы превратились въ сѣть рвовъ — улицъ и переулковъ, захватывавшихъ все большее и большее пространство по мѣрѣ того, какъ прибывали новыя части. Потомъ устроили землянки, въ землянкахъ земляныя „норы“, приладили двери, сорванныя съ халупъ покинутыхъ окрестныхъ деревушекъ. Въ офицерскихъ землянкахъ имѣется даже мебель—столы и табуреты, на славу сдѣланные солдатами.

Спускается ясный, тихій вечеръ. Прошла перекличка,

жизнь въ земляномъ городѣ замираетъ, затихли выстрѣлы со стороны праваго фланга непріятеля.

Старикъ-фельдфебель разсказываетъ въ кружкѣ солдатъ, какъ въ его время воевали. Онъ былъ на двухъ войнахъ: на турецкой и японской, и никакъ не можетъ примириться съ современной техникой войны.

— Въ мое время, ребята, бывало, идутъ, скажемъ, въ атаку, командиры на коняхъ, солдаты плечомъ къ плечу, барабаны бьютъ, и шагаетъ строй, ровно на ученьи. Теперь вотъ шагъ быстрый, солдатъ жидкій пошелъ, не маршируетъ, а идетъ рысцой, а тогда... Скомандуютъ: ра-азъ! Таково медленно и протяжно. Строй подыметъ ногу и ждетъ: два-а! То-то. И въ бой шли какъ! Въ открытую, честно: бей—и я буду бить; кто сильнѣе, тотъ верхъ и возьметъ. А то теперь хитрости пошли, фигли-мигли разные, не то война, не то кадриль на полѣ сраженія. Эхъ-хе-хе!

И какъ бы въ подтвержденіе его словъ, что теперь „фигли-мигли", вдали надъ лѣсомъ вспыхиваетъ красный свѣтовой сигналъ. Это у непріятеля,—тамъ готовится что-то.

Тихая команда заставляетъ насъ бросить разговоры, идти по мѣстамъ, выстроиться у стѣнъ траншеи и ждать. Въ выемкѣ траншеи командиръ приникъ къ телефону, принимаетъ приказанія. На уличкахъ и переулкахъ нашего „города" забѣгали желтые, красные и синіе огоньки. Части сигнализируютъ другъ другу.

— По двое въ рядъ!—тихо передаетъ командиръ полуротному.

Команда отдается вполголоса. Люди выстраиваются, и ползетъ длинной змѣею, рота за ротой, полкъ по извилинамъ траншей.

Значитъ, наступленіе. Безшумное, тихое; не звякнетъ винтовка, чуть слышенъ мѣрный по привычкѣ шагъ, да краснѣетъ огонекъ сигары полуротнаго, ко-

торый, выйдя на открытое мѣсто, тушитъ ее и прячетъ въ коробку.

Вотъ оно, вотъ настоящее. Черезъ нѣсколько часовъ будетъ бой, опять загремятъ пушки, застрочатъ пулеметы, отъ которыхъ мы успѣли отвыкнуть за мѣсяцъ мирнаго сидѣнія въ нашемъ земляномъ городѣ.

Полки разбиваются на отряды, и каждый отрядъ отходитъ въ другую сторону, и чѣмъ ближе къ мѣсту предстоящаго боя, тѣмъ меньше людей связаны общностью, матеріальной близостью: разсыпаются во всѣ стороны небольшіе отряды по сто-полтораста человѣкъ, и каждый идетъ къ невидимой, но общей для всѣхъ цѣли, туда, гдѣ мелькаютъ таинственные красные огоньки сигналовъ.

Въ нашемъ отрядѣ всего пятьдесятъ человѣкъ съ поручикомъ В., еще юношей. И поручикъ, и мы сначала идемъ по топкому болоту, потомъ полземъ.

Залегли въ оврагъ, почти на виду у непріятеля. Оттуда, изъ-за насыпи, находящейся въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ насъ, слышенъ гулъ голосовъ, видно, какъ вспыхиваютъ полосы перемѣннаго свѣта, а потомъ, совсѣмъ близко, такъ, что, протянувъ винтовку, можно достать ихъ, проходитъ мимо насъ сторожевой австрійскій отрядъ. И, пройдя мимо и обрызгавъ насъ грязью, но не замѣтивъ насъ, притаившихся на днѣ оврага, уходятъ за насыпь.

Ударъ пушки. Еще одинъ. И сразу заговорили непріятельскія батареи. Бьютъ по нашимъ оставленнымъ траншеямъ, подготовляя атаку. Ядра проносятся надъ нашей головою: яркіе комья огня.

— Раздери его душу!—ругается вполголоса Логовъ.—Разнесутъ нашу работу. Онъ чувствуетъ потребность „отматюгаться“.

— Оно, быдто, легче, когда выругаешься.

Хотя ни одинъ снарядъ не можетъ попасть въ насъ,

потому что они бьютъ по нашимъ траншеямъ, но страшно лежать подъ пролетающимъ съ визгомъ, стономъ и грохотомъ стальнымъ дождемъ. И оттого, что страшно, Логовъ, хотя бы шепотомъ (громко нельзя) „матюгается“, Фридляндъ бурчитъ что-то въ носъ, другіе, стиснувъ винтовки, глядятъ, не отрываясь, на небо, гдѣ перекрещиваются ярко-красныя полосы огня.

Вдали вспыхнулъ, наконецъ, сигнальный огонь. Теперь можно.

— Вставай, ребята! Разсыпься!

Спотыкаясь, бѣгутъ люди, бѣгутъ молча, все ближе и ближе къ непріятельской насыпи.

— Р-р-рахъ!—раздается оттуда залпъ.

Пули свистятъ надъ головою. Въ темнотѣ не видно, задѣли ли онѣ кого-нибудь изъ нашего отряда, но видно, что насъ становится вдругъ больше вдвое, втрое. Изъ каждой ложбины, изъ-за каждаго кустика вдругъ появляются темныя молчаливыя фигуры и, пригнувшись, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. И только у самой непріятельской насыпи, тамъ, гдѣ ружейная пуля теряетъ свою мѣткость и летитъ черезъ голову, вдругъ изъ отдѣльныхъ людей вырастаетъ строй, и такъ же молча, какъ раньше, бросается къ траншеѣ непріятеля и, ворвавшись туда, не кричитъ, а гремитъ, сотрясая дали, что-то хаотически гулкое, похожее на крикъ остервенѣнія:

— А-а-а!

— О-о-о!

— Бей, бей, бей!

Логовъ дерется рядомъ, и это онъ, кажется, выкрикиваетъ это изступленное „бей-бей“, работая прикладомъ, какъ цѣпомъ. Или, можетъ быть, это Осадчукъ, у котораго мундиръ изодранъ въ клочья, а лобъ разсѣченъ, оретъ, пронзая венгерца, во все горло.

И вдругъ крикъ и лязгъ, стоны и ревъ сразу обры-

ваются и становится совсѣмъ тихо; слышно только, какъ тяжело дышутъ усталые люди, и вдали, постепенно замирая, гремятъ выстрѣлы. Впереди—пустота, некого бить, потому что тѣ, кого били, лежатъ или ушли.

— Шабашъ?—словно не довѣряя себѣ, спрашиваетъ Логовъ.

— А ну да,—отвѣчаетъ ему кто-то изъ темноты.

— Уцѣлѣлъ, братъ! — радостно говоритъ еще кто-то.—Вотъ только рожу поцарапали маленько.

— Шабашъ?—опять спрашиваетъ Логовъ.

И понявъ, что дѣйствительно „шабашъ“, снимаетъ фуражку, глубоко вздыхаетъ и широко крестится...

На развѣдкѣ.

Ночь была темная, дождливая. Мелкій-мелкій такой дождикъ, нудный, пронизывающій до костей, а тутъ вѣтеръ еще, рѣзкій, горный, какъ песъ сорвался съ цѣпи, треплетъ, рветъ и завываетъ. Солдатская одежда извѣстна: шинель, сапоги, на шинели спишь, шинелью накрываешься: хороша матушка-шинель—и грѣетъ, и подушкой служитъ, а придется—и мертваго накроетъ.

Въ такую ночь пошли мы на развѣдку. Идти нужно было тихо, осторожно, дороги нельзя было разбирать: ползи тамъ, гдѣ темнѣе, гдѣ обнаружить тебя труднѣе, потому что непріятельскіе разъѣзды рыщутъ здѣсь по близости; неровенъ часъ наткнешься на разъѣздъ. Не помилуютъ, ежели ихъ больше, а главное, задачи, начальствомъ возложенной и важной, не исполнишь.

— Иди, ребята, въ рожь...

Такъ мы и свернули съ шоссе въ рожь. А рожь хорошая, выше пояса выросла, снять не успѣли, и жаль ея. Ну, ничего не попишешь: время военное. Во ржи пробираемся, чутко слушаемъ: дождикъ шепчетъ по соломинкамъ, лягушки гдѣ то квакаютъ—и больше ничего. Тихо.

Прошли поле, вышли на чистое мѣсто. Ступилъ ефрейторъ нашъ Молодцовъ ногою: нога тонетъ, въ глубь уходитъ. Мшава, болото, значитъ.

Былъ съ нами шустрый этакій мальченка, русинъ-проводникъ.

— Куда же ты, спрашиваютъ, насъ, прохвостъ, привелъ? Статочное ли дѣло это, черезъ болото переть. Увязнемъ.

— Да хиба-жъ я нехристъ?—говоритъ. —Дило свое я, говоритъ, разумію. Ось тутъ стежка, по стежкѣ и пойдемо. Я упередъ, а вы сзаду.

Пошли гуськомъ. Дѣйствительно, почва твердая, да тропинка узка, чуть не такъ ступишь—вязнешь.

Однако, вышли. Холмъ, а на холмѣ лѣсъ пошелъ: дубнякъ молодой да тополя.

— Отъ—туточки, за тымъ гаемъ, австріяки,—говоритъ парнишка.

Намъ развѣдать надо было, какъ и гдѣ расположенъ непріятель, много ли его тамъ,—словомъ, нащупать его со всѣхъ сторонъ.

Въ лѣсу темно - ни зги. Идешь, натыкаешься на пни, на корчаги спотыкаешься. Въ двухъ шагахъ не видно. Наткнуться на врага нѣтъ ничего легче. Прошли мы этакъ версты полторы, на макушку холма взобрались. Молодцовъ на тополь полѣзъ, слѣзъ и говоритъ:

— Близко. На небѣ ровно зарево, отъ костровъ полагать надо. Чуръ, ребята, тихо, глаза возьми въ руки, уши навостри.

Только сказалъ онъ это, слышимъ—трескъ, валежникъ трещитъ. Прилегли.

А онъ тоже, видно, насъ учуялъ. Окликаетъ тихо, по-хохлацки:

— Гей, Явтухъ, куды-жъ тобі лыха біда носыла?

Выползъ нашъ мальченка впередъ, поглядѣлъ, намъ рукой махнулъ:

— Молчите, молъ.

— Эге-жъ, то я—говоритъ громкимъ шопотомъ.— Иды-жъ сюды.

Только онъ это сказалъ, поползъ изъ-за кустовъ не то медвѣдь, не то человѣкъ—громадина такая!

Мы набросились на него, ротъ прежде всего зажали, чтобы молчалъ. Оказалось—солдатъ егерскаго полка,—русинъ. Тоже на развѣдку вышли они, да отбился онъ отъ своихъ какъ-то. Недотепа—парень. Испугался, дрожитъ:

— Я ничего,—бормочетъ,—не по своей я волѣ.

— Сколько васъ?

— Пять человѣкъ.

— Куда же они пошли?

Ткнулъ онъ пальцемъ въ темноту, направо.

— Тоже русскіе—говоритъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы троихъ переловили, по огоньку нашли: сидѣли они подъ дубкомъ да мирноладкомъ покуривали, не чуяли бѣды.

— Гдѣ четвертый?—спрашиваемъ.

— Явтухъ-то? Придурковатый онъ, на пень напоролся, глазъ поранилъ и назадъ ушелъ.

Старшой ихъ разсказалъ, будто они, егеря, всѣ ждутъ—не дождутся боя, чтобы всѣмъ полкомъ въ плѣнъ сдаться.

— Нехорошо,—говоритъ,—у насъ. Жратвы никакой, а строгости—упаси Боже.

Такъ мы четверыхъ въ плѣнъ взяли, на развѣдку идя. Разсказали они намъ все досконально, какъ и что у нихъ, гдѣ, какія части стоятъ.

— Въ обходъ,—говоритъ,—вашего лѣваго фланга завтра двинемся.

Мы провѣрили все: совсѣмъ близко подобрались къ ихъ стоянкѣ, окопы разсмотрѣли, разузнали, что надо, и айда назадъ.

Удивились наши, когда мы, ушедши вдесятеромъ, при-

шли четырнадцать человѣкъ. Командиръ похвалилъ:

— Молодцы, братцы.

А на утро мы, какъ снѣгъ на-голову, свалились на непріятеля. Думалъ онъ насъ слѣва обойти, а мы за ночь обошли сами его и разбили на-голову.

Дѣло это было у мѣстечка Ж—въ. А егерскій полкъ, дѣйствительно, въ самомъ началѣ боя съ музыкой и знаменемъ весь цѣликомъ къ намъ перешелъ.

Въ глубинѣ.

I.

Поѣздъ тянется медленно, съ долгими остановками на небольшихъ станціяхъ и полустанкахъ. Но и въ вагонахъ и на платформахъ различныхъ глухихъ и забытыхъ „Алексѣевокъ“ и „Михайловокъ“, которыхъ въ обычное, мирное время проѣзжій и не замѣтитъ и не запомнитъ изъ-за ихъ незначительности, понабилось много интереснаго, потревоженнаго яркостью событій народа. Вчерашній сѣрый мужичекъ, толковавшій на своемъ запутанномъ, спотыкающемся языкѣ о „землицѣ“, о „способіи“, о „полегченіи“—о своихъ сѣрыхъ мужицкихъ дѣлахъ; вчерашній купецъ, вояжеръ, сыпавшій плоскими анекдотами; темный дѣлецъ въ перстняхъ, покуривавшій дрянную сигару; просто проѣзжій, „пассажиръ третьяго класса“ въ обмызганномъ пальто,—весь этотъ народъ не то поновѣлъ, не то, потрясенный, сдвинутый съ мертвой точки военной грозой, какъ-то подтянулся, просвѣтлѣлъ и сталъ говорить новыя слова, значительныя, яркія, красочныя.

Въ вагонахъ и на платформахъ толчется подлинная уѣздная и волостная Русь. И почти нѣтъ „пассажира“, у котораго бы не было кровныхъ, идущихъ изъ самаго сердца связей съ войною. Между „здѣсь“ и „тамъ“ нѣтъ сторожевыхъ кордоновъ, нѣтъ тысячеверстнаго

пространства: война чувствуется, осязается „здѣсь“ съ неменьшей остротою, и съ большей психологической скульптурностью, чѣмъ „тамъ“.

— Ушли, усѣ ушли,—повѣствуетъ деревня, въ видѣ бабы въ цвѣтномъ платкѣ.

— Что-жъ ты робить будешь, ежли, можно сказать, всѣмъ народомъ... И самъ бы пошелъ, да, вишь, годовъ много, старъ, — отвѣчаетъ ей овчинный полушубокъ, вытаскивая изъ кармана мѣшочекъ съ махоркой и принимаясь вертѣть „цыгарку“ изъ газетной бумаги.

— Да ты никакъ газетину рвешь? Дайка ее мнѣ, добрый человѣкъ. У насъ, въ деревнѣ, народъ до газеты во какъ жаденъ. Дай-ко-ся.

— Старая. Читали поди.

— Что-жъ что читали? Вдругорядъ прочтемъ. У насъ ребята бойко читаютъ. Давай.

Овчинный полушубокъ, оторвавъ уголъ газеты, передаетъ ее бабѣ. Та, бережно сложивъ газету и разгладивъ ее, суетъ за пазуху и повторяетъ:

— Вдругорядъ прочтемъ.

Оттого ли, что регулярность желѣзнодорожнаго движенія нарушена воинскими поѣздами, или отчего-либо другого, но народу нынче ѣздитъ много. Вагоны набиты биткомъ, негдѣ присѣсть, нечѣмъ дышать, а на каждой станціи прибываетъ еще и еще. Словно потревоженный улей, задвигалась смятенная Россія, главнымъ образомъ деревенская, та самая, которая „вдругорядъ“ и по нескольку разъ перечитываетъ одну и ту же газету, та самая, откуда „усѣ“ ушли на войну, но гдѣ все же остались ребята, которые „бойко читаютъ“, гдѣ не исчерпаемъ источникъ живой человѣческой силы.

Баба разсказывала, что у нея забрали . . . . . даже „конягу“ на войну, говорила объ

этомъ не пригорюнившись, не подпершн рукою щеку, какъ повѣствуютъ бабы о разныхъ своихъ деревенскихъ незадачахъ; она сказала это съ видимой бодростью, съ явной гордостью: вотъ-де мы сколько народу на войну послали.

— И откуда это столько людей! — словно отвѣчая моимъ мыслямъ о неизсякаемости человѣческаго источника въ странѣ, воскликнулъ молодой купецъ, когда на первомъ полустанкѣ въ вагонъ протиснулась большая артель пильщиковъ.—На войну, кажется, милліоны ушли, а все прутъ, все прутъ. Нарожала-таки мать-Рассея. Откуда будете? — обратился онъ къ пильщикамъ.

— Новгородскіе, — отвѣтилъ за всѣхъ плотный старикъ.—По Двинѣ лѣсъ сплавлять будутъ, такъ рабочій народъ надобенъ.

— Что тамъ своихъ что-ль нѣтъ, что издалека требуютъ?

— Гдѣ тамъ—свои! Недохватка, какъ есть, въ рабочемъ человѣкѣ. Прежде человѣку-то цѣна была цѣлковый, либо съ четвертакомъ. А нонѣ, братъ, дорогъ человѣкъ. По два съ полтиной нанялись, да хозяйскіе харчи. Полтину въ день, поди, прохарчитъ каждый, — вотъ тебѣ и всѣ три.

— По деньгамъ-то дорогъ человѣкъ,—сказалъ купчикъ, — а выходитъ все-же вдвое дешевле прежняго. Вотъ мы тоже по лѣсной части. Прежде, бывало, наймешь артель, такъ прогуловъ не сосчитать. Въ праздникъ пьянъ, наканунѣ хмѣленъ, а послѣ праздника похмѣлье. И выходитъ три праздника на недѣлю. Ты и прикинь, сколько рабочихъ дней остается. А въ рабочій-то день, когда ни пьянъ, ни хмѣленъ, тоже-этта норовитъ, какъ бы сжульничать: работаетъ нечисто, тяпъ-ляпъ, лишь бы глаза отвести. Нынѣ же не то. Сурьезный сталъ народъ, внимательный. Не то, чтобы

отъ трезвости, а такъ, ровно причастился. Чудно-хорошо, чисто!

Къ полустанку подошелъ длинный воинскій поѣздъ. Солдаты въ полушубкахъ, молодые, очевидно, послѣдняго набора, сидѣли и стояли въ дверяхъ вагоновъ, переговариваясь съ пассажирами. Разговоръ все шутливый, веселый.

— Эй, баба, куда ѣдешь?

— Въ село, милый, въ Михайловку-выселки, Витебской губерніи.

— А велика ваша Михайловка?

— Выселки, говорю. Двадцать дворовъ.

— А мы курскіе, на войну ѣдемъ,—сказалъ солдатикъ.—Эхъ, мамаша, на войну ѣдемъ!

— Василь Иванычъ, ладь гармонь-то,—обратился къ солдату его сосѣдъ.

— Готова Эхъ, мамаша!—опять крикнулъ солдатъ и бойко забѣгалъ пальцами по клавіатурѣ гармоніи, подпѣвая тонкимъ бабьимъ голоскомъ.

— Эхъ, барыня угорѣла,
Много сахару поѣла.

— Газетъ! Газетъ!—неслось изъ другого вагона.—Газеты давай!

Сѣрые, мятые листы, яркіе иллюстрированные журналы, обрывки, клочья газетъ — все жадно хватали солдатскія корявыя руки.

— Перемышль взяли!—крикнулъ кто-то изъ класснаго вагона.

— Чей онъ. Перемышль-то будетъ?

— Австрійская крѣпость. Наши взяли.

— Ура-а!

Гармонія смолкла, умолкли крики, смѣхъ, шутки. Лица сдѣлались строгими, серьезными.

— Слышь, крѣпость наши взяли, — кричали изъ вагона въ вагонъ солдаты.

— Ура!—отвѣчали вагоны другъ другу.

— Слышь, мамаша, скоро дома будемъ,—обратился къ бабѣ тотъ солдатъ, котораго назвали Васильемъ Иванычемъ и который игралъ на гармошкѣ.

— Дай-то, Господи. Свои вернутся.

— А у тебя на войнѣ кто?

— Два сына, зять, мужъ, да еще лошадь, милый.

— Ну, лошадь то... Зачѣмъ, мамаша, ты про лошадь, ровно про людей говоришь. Не моги.

— Да мы поселковые, деревенскіе. Настоящаго разговора не знаемъ. А что касаемо мужа, то онъ не придетъ.

— Что такъ?

— А убитъ, милый. Вотъ третій мѣсяцъ, чай, какъ убитъ.

Рожокъ. Солдаты бѣгутъ къ своимъ вагонамъ.

— Эй, третья рота! Куда прешь! Твое мѣсто лѣвѣй.

— Ошибся второпяхъ...

Воинскій поѣздъ тронулся. Солдаты въ черныхъ и желтыхъ полушубкахъ замахали руками, платками.

— Прощавайте.

— Ура!

— Побѣдить чтобы...—крикнулъ купчикъ.

— Ура-а!

Тронулся и нашъ поѣздъ. Въ вагонахъ стало еще тѣснѣе, но, несмотря на тѣсноту и духоту, разговоръ не умолкалъ. Бодрый, живой разговоръ.

— Застоялась было Рассея. А теперь движеніе народа пошло,—сказалъ купчикъ.

— Движеніе народа—это вѣрно,—сказалъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ молодой человѣкъ въ пиджакѣ поверхъ косоворотки.—Я въ деревнѣ седьмой годъ живу, деревню знаю: народный учитель. Такъ я вамъ скажу:

правильно вы опредѣлили. Было у насъ глухо, молодежь озорничала, старики охали; а озорничали и охали оттого, что . . . . . въ стѣну уперлись. Ни выхода, ни просвѣта. Потомъ по хуторамъ разселились, жилье отъ жилья на версту мѣста. Не помѣщики и не мужики, а та же голь. Глуше стало. Ребята по ночамъ шалятъ, окна бьютъ, поютъ зазорныя пѣсни. Сына нашего богача посадили въ острогъ за воровство. Укралъ у сосѣда недоуздокъ. „Ты чего кралъ-то? Не отъ бѣдности вѣдь?“. „Нѣтъ,—говоритъ,—съ тоски, со скуки укралъ“. А между прочимъ присудили его за кражу со взломомъ. Арестантскія роты. Какъ приговоръ вынесли, тогда онъ и опомнился только. „Что вы—кричитъ,—господа судьи! Вѣдь я это въ шутку. Господь съ вами!“. Ну, пропало, разумѣется. Пропалъ, ни за что погибъ. А такъ, въ шутку, со скуки, головы другъ другу проламывали, насильничали, грабили. Ночью выйти изъ дому нельзя было. А теперь другое.

Учитель помолчалъ, закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Запасныхъ забрали, молодежь, которые по набору, а которые ратники, тоже ушла. Но все же въ деревнѣ нашей много еще осталось молодого народа. Среднихъ нѣтъ, а молодые всѣ на-лицо. Однако, озорства нѣтъ. Сразу все прекратилось. Прежде была такая глушь, такая тоска, что молодой попъ нашъ даже запилъ, закрутилъ, завертѣлъ и подъ судъ попалъ. А теперь дѣло нашлось, мысль заработала, и рукамъ и головѣ есть работа. По вечерамъ въ будни, а въ праздники и днемъ приходятъ ко мнѣ издалека, за пять верстъ, валятъ толпою: „Читай, Семенъ Семенычъ, газету“. Или письма диктуютъ. Чужимъ, незнакомымъ пишутъ, иной разъ адресуютъ просто въ пространство.

— Какъ это, въ пространство?

— А такъ: „Въ дѣйствующую армію, рядовому солдату отъ жителей села Бологова привѣтъ“. Такъ и пишутъ.

— Пропадетъ вѣдь такое письмо. Не вручатъ, ежели адресатъ не указанъ.

— Нѣтъ, вручаютъ. На-дняхъ мы на такое письмо получили отвѣтъ въ стихотворной формѣ. Кланяются и благодарятъ село Бологово за память и просятъ писать солдатамъ Н-скаго полка: подробно указана рота и армейская часть.

— А у насъ, въ Михайловѣ, дѣвки что издѣлали,— отозвалась баба изъ своего угла.

— Ну?

— Столковались между собою! „давайте, дѣвоньки, по вечерамъ прясть, да рубахи шить“. До самаго Крещенія ночи напролетъ работали, керосину сколько извели. Напряли, нашили и къ барынѣ, къ женѣ земскаго начальника, работу свою понесли. „Сдѣлайте,— говоритъ,—милость, пошлите солдатамъ на позиціи“.

— И послали?

— А то какъ же? Солдату, поди, рубаха и-и, какъ надобна! Теперь, по веснѣ, холсты бѣлить будемъ. Опять пошлемъ. А все затѣйница наша Наталья.

— Какая такая Наталья?

— Да дѣвушка одна. Въ прислугахъ до войны служила у господъ. А господъ заслали куда-то: нѣмцы. Такъ вотъ она на всякое дѣло у насъ затѣйница.

Предо мною, горожаниномъ и интеллигентомъ, въ этихъ разговорахъ деревенскихъ людей раскрылись „почвенные слои“. Захотѣлось глубже покопаться въ нихъ, разобраться въ настроеніяхъ взбаламученной деревенской Руси.

— Что же они, крестьяне, сознательно относятся къ войнѣ? Понимаютъ ли они, за что мы воюемъ и чего ждемъ отъ войны?—спросилъ я учителя.

Тотъ внимательно посмотрѣлъ на меня и усмѣхнулся.

— Не съ той стороны подходите,—сказалъ онъ.—Я бы никогда не спросилъ мужика, знаетъ ли онъ, за что мы воюемъ. Онъ на это отвѣтитъ вамъ: „Про то начальство знаетъ“. А что касается сознательности, то вы слышали: читаютъ газеты, пишутъ письма невѣдомому „рядовому солдату“, съ которымъ какъ-то вдругъ наладилась живая связь, прядутъ по ночамъ, бѣлятъ холсты и на позиціи посылаютъ. Движеніе народовъ, какъ справедливо выразились они (онъ указалъ на купца). Еще одинъ фактъ, который хотя бы косвенно отвѣтитъ на вашъ вопросъ: наши крестьяне столковались обработать землю ушедшихъ на войну. Да что я говорю „столковались!“ У насъ ни о чемъ не столковываются. Встрѣтятся на улицѣ два мужика. „Ты куда это, Митрычъ, идешь?“ „Да вотъ иду избу Парамоныча чинить, да борону ладитъ“. „А борону для ча?“ „Парамоновъ, чай, на войнѣ? А бабы однѣ не справятся“. „Хошь пособлю?“ „Пособи“. „Надо бы еще Иваныча и другихъ прочихъ кликнуть. Не одинъ Парамоновъ у насъ ушедши“. „Кликни. Дѣло хорошее“. И пошли.

Такъ учитель въ лицахъ и представилъ, какъ пробуждается въ деревнѣ хорошій починъ, какъ наростаетъ, какъ будто катящійся снѣжный комъ, „движеніе народовъ“.

Опять станція. Вошли нѣсколько бабъ съ пестрыми увелками. Одна изъ нихъ, рослая и неуклюжая, какъ мужикъ, съ ребенкомъ на рукахъ, вытирала слезы рукавомъ полушубка.

— Куда вы, бабы?

— Въ городъ, за способіемъ.

— Солдатки?

— Нонѣ всѣ солдатки,—бойко и противъ ожиданія весело отвѣтила та, которая плакала.

— А ты чего же ревѣла, коли за способіемъ?

— То-то и бѣда, что не знаю, будетъ ли намъ способіе,—впадая въ плаксивый тонъ, сказала баба.

— Почему?

— Мужа убили, за вещами ѣду къ воинскому. Требуетъ.

— Будетъ пособіе, какъ прежде,—сказалъ учитель.

— Вотъ это хорошо, коли правда,—опять бодро и бойко заговорила баба.—А то безъ способія да съ ребятами выходитъ зарѣзъ.

— А мужа тебѣ не жаль?

— Какъ не жалко? Сердце у меня оборвалось, какъ узнала я, что его порѣшили.

— Что же ты больше о пособіи горюешь, нежели о мужѣ?

— Да что же подѣлаешь, милый, что сдѣлаешь, золотой! Живой о живомъ хлопочетъ. Ѣсть, поди, ребятамъ надо? А убили—такъ онъ на такое дѣло и шелъ. Не одна, поди, я вдова. Божья воля... Такъ ты насчетъ способія вѣрно знаешь?

— Вѣрно.

— Спасибо, ласковый. Ужъ вотъ утѣшилъ, такъ я тебѣ скажу—во какъ. А моего Петра какъ не жаль? Ой какъ жалко! Одна я теперь осталась съ малыми ребятами...

Опять воинскій поѣздъ. Бодрыя молодыя лица. Чей-то тенорокъ снова громко кричитъ:

— Газетъ! Газетъ! Давайте газетъ, господа!

И опять извѣстіе о взятіи Перемышля, сообщенное купцомъ, вызываетъ звонкое ура.

Нашъ поѣздъ уходитъ раньше воинскаго и вслѣдъ намъ несутся голоса:

— Прощавайте!

— Вернемся скоро!

— Ура-а!

Бой.

Издалека, изъ-за лѣса, доносится къ намъ пушечная фуга. Бризантные снаряды зажгли лѣсъ. Въ промозгломъ туманѣ дымъ гуще и удушливѣе. Онъ низко стелется надъ землею, заползаетъ къ намъ въ землянку, спираетъ дыханіе и ѣстъ глаза. Когда пальба на время стихаетъ, изъ лѣсовъ долетаетъ сюда странное гудѣніе, словно безъ умолку и перерыва жужжитъ пчелиный рой:

— У-у-у-у!

И вдругъ въ этотъ глухой гулъ, смутный и неясный, врывается высокая визгливая нота. Какъ-будто кричитъ кто-то отъ страшной боли, отъ ужаса или тоски. Даже чудятся раздѣльныя слова въ этомъ крикѣ:

— Ба-а-тюш-ки-и!

Четко, тягуче, со страшнымъ надрывомъ и мукой.

Можетъ быть, никто не кричитъ, не стонетъ, и гудѣнія вовсе нѣтъ. Можетъ быть, это слуховой миражъ. Отъ безпрестаннаго пушечнаго грохота, который мы слушаемъ девятый день—днемъ и ночью, даже сквозь сонъ,—болятъ уши, и когда смолкаетъ канонада, мы слышимъ еще ея отзвуки нѣсколько минутъ: они въ насъ, эти отголоски пальбы, въ больномъ, напряженномъ слухѣ.

Опять усиливается канонада и заглушаетъ тоскливое гудѣнье. Артиллерійскій бой происходитъ въ одномъ только пунктѣ, у городка П., но горное эхо повторяетъ пальбу тысячи разъ, то глуше, то громче, и начинаетъ казаться, будто стрѣляютъ со всѣхъ сторонъ, на всемъ многоверстномъ протяженіи фронта.

— Первая рота выходи-и!—слабо доносится издалека.

— Вторая рота-а!

— Третья...

Команда передается отъ фланга къ флангу. Забрызганный съ ногъ до головы грязью офицеръ приникъ ухомъ къ телефонной трубкѣ, принимаетъ распоряженія изъ штабной квартиры. Солдаты, неказистые на видъ, въ помятыхъ шинеляхъ и фуражкахъ, облѣпленные грязью, какъ и офицеръ, разбираютъ изъ пирамидъ винтовки.

— Стройся!

Рота за ротой выходятъ изъ окоповъ, молча выстраиваются.

Мимо съ громыханіемъ и лязгомъ пролетаетъ во весь опоръ артиллерійская батарея. Везутъ съ позицій подбитыя орудія. У артиллеристовъ хмурыя сѣрыя лица, на нѣкоторыхъ шинели изорваны въ клочья. Они смотрятъ на насъ, идущихъ въ бой, исподлобья, а одинъ изъ нихъ, рыжій мужикъ съ опаленной огнемъ бородой и бровями, съ подвязанной щекой, какъ будто у него зубная боль, машетъ обѣими руками и кричитъ что-то. Слова заглушаются грохотомъ колесъ и пальбой, долетаетъ только крѣпкое, колоритное ругательство.

— Ловко!—смѣются солдаты.

— Разобрало земляка.

— Съ чего онъ такъ?

— Съ чего? Страдаетъ человѣкъ, вотъ и матюгается. Оно, бытто, веселѣй, когда отматюгаешься-то.

— А важно палитъ.

Строй расползается, люди шагаютъ вольно и переговариваются. Взводный, нехотя, словно по обязанности, пытается выравнять шеренгу.

— Чего шагаешь растяпой? Равняйсь! Буде языкъ чесать. Ходи весело!

Тяжело идти по болотной низинѣ; нога вязнетъ по

щиколдку въ торфяномъ месивѣ; пудовые комья липнутъ къ ногамъ; въ отсырѣвшей отъ дождя аммуниціи, съ винтовкой на плечѣ, съ лопатой на боку, съ флягой ранцемъ или походнымъ мѣшкомъ трудно „ходить весело“.

— Шибко дерутся,—говорятъ раненые.

Промчался, разбрызгивая во всѣ стороны грязь, молодой штабный офицеръ, передалъ пакетъ командиру и ускакалъ.

И опять несется отъ фланга къ флангу десятки разъ повторяемая команда:

— Лѣвымъ плечомъ впередъ!

Мы сворачиваемъ къ лѣсу.

Теперь всѣ сдѣлались одинаковыми. Бывшій студентъ, доброволецъ Лисицынъ, сталъ похожъ на пензенскаго мужика Пахомова, подпоручикъ О. ничѣмъ не отличается отъ своихъ рядовыхъ. Всѣ говорятъ думаютъ и чувствуютъ одинаково. Стерлись грани, умъ, душа и тѣло приспособились къ боевой жизни, а потребности и даже мечты стали иными.

— Эхъ, кабы привалъ на сухомъ мѣстѣ,—смѣнилъ бы я бѣлье да поспалъ бы всласть.

„Кабы“—такъ говоритъ универсантъ Лисицынъ. Всѣ говорятъ такъ. Сначала поддѣлывались подъ корявую рѣчь Пахомовыхъ и Ипполитовыхъ, потому что нашу „заковыристую“ рѣчь они не понимали; среди пензенскаго, владимірскаго, орловскаго говора наши слова и обороты казались дикими. Потомъ освоились и незамѣтно для себя слились внутренне и внѣшне, мечтами и привычками, съ туляками и вятичами.

... Лѣсъ пройденъ. Слышно, какъ „шьютъ“ пулеметы. Въ самомъ дѣлѣ шьютъ; такой частый сухой стукъ, словно тысячи швейныхъ машинъ:

— Та-та-та-та...

Пулеметный свинецъ, свистя и жужжа, падаетъ по обочинамъ шоссе, на которое мы вышли. Отрядъ мото-

циклистовъ пролетѣлъ мимо, оставивъ за собой ѣдкую струю горѣлаго бензина. У рва, идущаго по краю шоссе, они спѣшились, живо перетащили свои машины и помчались дальше.

Сейчасъ мы войдемъ въ полосу обстрѣла. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ видно, какъ подскакиваютъ комья земли подъ градомъ пуль, какъ поднимаются легкія облачка пара на болотѣ. Словно густая туча ползетъ на носъ. Ближе и ближе. Забарабанило что то по камнямъ, по стволамъ деревьевъ, срѣзывая, какъ ножемъ, вѣтви и сбивая щебень. Какъ будто частый и крупный градъ бьетъ по деревянной крышѣ. Это пулеметный огонь. Пули разлетаются широкимъ вѣеромъ и сносятъ все на своемъ пути.

— Растуда ихъ, сукиныхъ дѣтей! Примѣтили насъ,— ругается Пахомовъ.

— Разсыпься!

Команда коротка и едва ли долетаетъ до всѣхъ. Но и безъ команды понятно, что нужно разсыпаться цѣпью, по одиночкѣ, перебѣжать поле, припадая къ землѣ и прячась за каждую кочку, потому что идти сплоченнымъ строемъ подъ пулеметнымъ обстрѣломъ невозможно.

Среди сухихъ и дробныхъ ударовъ слышенъ тонкій, свистящій звонъ. Это шрапнель. Ея стаканы рвутся совсѣмъ близко, но все же они не долетаютъ до насъ.

Рослый и огромный, какъ медвѣдь, солдатъ Звегинцевъ идетъ, не пригибаясь къ землѣ и нелѣпо размахивая руками, идетъ на выстрѣлы, въ огонь.

Какой-то шумъ впереди. Топотъ, звонъ и крикъ. На насъ бросили атаку.

— На изготовку!

Подъ огнемъ смыкаются ряды, и опять мы стоимъ плечомъ къ плечу, хотя кругомъ свиститъ, гудитъ и воетъ свинцовый адъ.

— Въ атаку!

Тѣло становится гибкимъ, туловище выброшено впередъ для прыжка и ни одного ощущенія.

Вдали показалась группа офицеровъ. Среди нихъ на знакомомъ бѣломъ конѣ съ яблоками плотная фигура старика-генерала. Онъ выѣхалъ впередъ, махнулъ рукою въ бѣлой перчаткѣ офицерамъ. Тѣ останавливаются. Генералъ молча подъѣзжаетъ къ выстроеннымъ рядамъ, смотритъ нѣсколько секундъ на солдатъ и произноситъ привѣтствіе.

— Здравія желаемъ...—не громко, но и не тихо отвѣчаетъ полкъ.

Генералъ говоритъ что-то долго, но слышно только переднимъ рядамъ. По тому, что тѣ кричатъ ему въ отвѣтъ, можно понять, что дивизіонный командиръ похвалилъ насъ.

Впередъ, за холмомъ, раздались два гулкихъ взрыва. Непріятель, уходя въ Г., взорвалъ мосты черезъ рѣчку Д—ецъ.

— Шагомъ-аршъ!—командуетъ полуротный.

— Ну, слава-те, Господи! Двинулись! —говоритъ кто то.

На пятый день, послѣ того, какъ мы прошли около ста верстъ, мы подошли къ П. Городокъ, горѣлъ со всѣхъ концовъ, зажженный снарядами. Кровавое зарево залило полнеба, и въ его багровомъ невѣрномъ отсвѣтѣ жуткими казались черные изломы холмовъ, на которыхъ лѣпились наши окопы. Тамъ бой шелъ двадцатый день, двадцатый день гремѣли пушки, рвались „чемоданы“, а люди лежали въ окопахъ и отстрѣливались, отражая атаки или сами бросаясь въ атаку.

Стычка

Еще съ вечера наша колонна, переправившись въ бродъ черезъ маленькую рѣчку, вошла въ березовую рощу, наполовину выжженную, наполовину вырубленную. Развѣ дочные отряды нащупали непріятеля въ шести верстахъ отъ рощи, въ низинѣ, мѣстами затопленной болотами, мѣстами холмистой, поросшей верескомъ и низенькими кустами олешника.

По свѣдѣніямъ, непріятельскій отрядъ состоялъ изъ полевой артиллеріи, части пѣхоты и кавалеріи—около двухъ корпусовъ войска. Задача непріятеля была для насъ ясна; онъ долженъ былъ задержать наше движеніе впередъ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько часовъ, чтобы выиграть время, необходимое для подхода ядра арміи.

Всегда хмурый, недовольный чѣмъ-то, капитанъ Михайловъ волновался, нервно сбивая хлыстомъ листья съ кустарника, нетерпѣливо подгоняя людей и покрикивая:

— Живѣе, живѣе, ребята!

Люди были утомлены, но близость непріятеля влила, казалось, новыя силы въ шедшую впередъ безъ остановки усталую колонну. Шли бодро и быстро, почти бѣжали, позвякивая снаряженіемъ, перекидываясь отрывистыми замѣчаніями.

Тамъ, впереди, синѣлъ холмъ, который нужно было занять во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, прежде, чѣмъ его займутъ нѣмцы, рисковавшіе завязнуть въ болотистой мшавѣ.

Темная змѣя колонны, утопая въ липкой тьмѣ, почти неслышно ползла къ холму. Въ этомъ молчаливомъ, нѣмомъ движеніи десятковъ тысячъ людей было что-то таинственно-грозное, неудержимое, непреклонное, словно человѣкъ съ человѣкомъ былъ спаянъ невидимой силой, и были это уже не отдѣльные люди, каждый со своими мыслями и тревогами, а одно тысячеголовое, тысяченогое существо, растянувшее свой чудовищный хребетъ на двадцать слишкомъ верстъ.

Маленькій, сѣренькій капитанъ Михайловъ, скорѣе похожій на акцизнаго чиновника, чѣмъ на офицера, капитанъ Михайловъ, у котораго было девять человѣкъ дѣтей, всегда болѣвшихъ то коклюшомъ, то скарлатиной, вѣчно одалживавшій у товарищей деньги и жаловавшійся на свои маленькія, обыденныя нужды, плелся впереди, понуря голову, точно такъ же, какъ у себя въ Шавляхъ, на большой сѣнной площади, гдѣ происходили ученія солдатъ. Словно это было не въ Пруссіи и не наканунѣ большого боя, а въ зохолустномъ городкѣ, между сквернымъ обѣдомъ изъ клуба и ужиномъ въ сырой и холодной квартирѣ, въ чаду, среди шума и писка многочисленнаго михайловскаго потомства.

И такимъ же ржавымъ, безразличнымъ голосомъ, какъ всегда, какъ двадцать три года сряду, Михайловъ окликнулъ фельдфебеля:

— Горсточкинъ!

Старикъ-фельдфебель вынырнулъ изъ темноты.

— Есть!

— Что же, ты, старина, людей не поторапливаешь? Ляпъ-тяпъ-тяпъ-ляпъ. Этакъ немудрено прозѣвать.

— Такъ что народъ притомился, ваше в—діе.

— Нѣжности! Въ хвостѣ плетемся, отстанемъ. Нука, поторопи, старикъ.

Гдѣ-то высоко на небѣ пробѣжала полоса бѣлаго свѣта. Словно нащупывающая рука, она побѣжала по дорогѣ, шаря въ кустахъ и въ травѣ. Пробѣжала мимо, не освѣтивъ нашей колонны.

— Ищетъ,—сказалъ фельдфебель про себя.

— По шассу ищетъ,—подтвердилъ прапорщикъ Моховъ.—Ему невдомекъ, что мы по болоту премъ. Нѣмецъ все наровитъ по шассу идти: штука тонкая, ровно барышня. Ножки промочитъ,—кашляетъ, бацилла разная у него отъ сырости въ печенкѣ заводится. Да! А намъ ништо,—выдержимъ!

Далеко за холмомъ ухнулъ ударъ. Яркій комъ пролетѣлъ надъ нашими головами и шлепнулся въ болото, оставленное назади.

— Перелетъ, — спокойно замѣтилъ фельдфебель и перекрестился.

Еще раскатъ. Снарядъ, шипя и разбрызгивая пламенные лучи во всѣ стороны, не долетѣвъ, упалъ впереди колонны.

— Бѣгомъ маршъ!

Непріятель нащупалъ прицѣлъ. Нѣсколько снарядовъ упало въ гущу людей. Кто-то застоналъ, крикнулъ кто-то захлебывающимся голосомъ:

— Ребята!

Загудѣли зарядные ящики пролетавшей мимо насъ полевой артиллеріи, мчавшейся на холмъ, еще не занятой непріятелемъ, и черезъ нѣсколько минутъ свистъ, трескъ и гулъ наполнили уже розовѣвшую утренней зарею ширь.

Какъ-то неожиданно легко и быстро оказалась колонна на каменной спинѣ холма. Еще мгновеніе, и лучи взошедшаго солнца озарили непріятельскую цѣпь,

играя золотомъ на каскахъ. Она была близка, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, и ясно видны были обвѣтренныя, сѣрыя лица нѣмцевъ.

— Въ штыки!

Надо было непремѣнно опрокинуть головной отрядъ непріятеля, и люди знали это. Маленькій капитанъ, такой же будничный, какъ наканунѣ, въ помятой фуражкѣ, побѣжалъ, мелко-мелко семеня ногами и махая шашкой, и пропалъ куда-то. И гдѣ-то въ сторонѣ замеръ его ржавый голосокъ, и все покрылъ мощный ревъ, гулъ, трескъ и стоны, изъ-за которыхъ нельзя было разобрать команды.

Теперь всякій дѣйствовалъ самъ, по своей собственной иниціативѣ, но въ этой кажущейся безпорядочности была стихійная согласованность. Всѣ порывались впередъ, къ рѣкѣ, къ стоявшему надъ рѣкою нѣмецкому городку, гдѣ были наши. Переферіи войска стихійно тянулись къ центру, и была въ этомъ тяготѣніи неодолимая сила.

— Держись, механикъ! — крикнулъ неуклюжій ярославецъ — солдатъ съ хитрыми раскосыми глазами гиганту-нѣмцу, прикалывая его штыкомъ.

Онъ сдѣлалъ это какъ-бы мимоходомъ, ухнувъ точно такъ же, какъ дровосѣкъ, который колетъ полѣно топоромъ.

— У-ухъ!

И побѣжалъ дальше. И опять ухнулъ, снова прокололъ кого-то, а потомъ сгребъ въ охапку тонкаго нѣмецкаго поручика, стиснулъ его въ своихъ медвѣжьихъ объятьяхъ, такъ что затрещало что то въ рукахъ у ярославца, который, осмотрѣвшись, выбралъ мѣсто посвободнѣе, бросилъ поручика о земь и съ сожалѣніемъ сказалъ:

— Эка, дѣвченка какая!

Вдругъ неожиданно слабы стали удары нѣмцевъ,

словно устала рука непріятеля, и одна за другой умолкли полевыя батареи, паливши справа, подбитыя нашей артиллеріей.

Капитанъ Михайловъ лежалъ подъ сосною. Рука его странно какъ-то подвернулась подъ спину, а блѣдныя губы шептали что-то.

Надъ нимъ нагнулся фельдфебель.

— Варенькѣ отъ глистовъ мятныхъ лепешекъ,— сказалъ капитанъ и судорожно вытянулся, сжимая въ лѣвой рукѣ древко съ расшитымъ полотнищемъ—непріятельское знамя.

Фельдфебель постоялъ надъ капитаномъ съ минуту, дернулъ сѣрый усъ, крякнулъ и отвернулся.

— Сердяга!—сказалъ унтеръ Махаевъ.

— Что?—вздрогнулъ фельдфебель.—Ма-ал-чать! Не смѣть! Не бабиться!

И топнулъ ногою.

А у самого слеза повисла на рѣсницѣ, скатилась по щекѣ и оросила сѣдой усъ.

— Молчать!—повторилъ онъ.—Возьмите знамя.

И вынувъ изъ кармана кисетъ, скрутилъ „собачью ножку“ и закурилъ.

Паровозъ „Б. 47“.

Въ двадцать лѣтъ службы на желѣзной дорогѣ Иванъ Петровичъ до того изучилъ свой участокъ, что могъ вести поѣздъ, закрывъ глаза. Онъ прекрасно зналъ профиль дороги, каждую выемку, каждый мостикъ, зналъ капризы и причуды своего стараго паровоза „Б. 47“, къ которому привыкъ, какъ къ живому существу, и любилъ его. Товарищи Ивана Петровича, ѣздившіе по другимъ участкамъ и линіямъ съ новенькими паровозами послѣднихъ системъ, называли машину Ивана Петровича старой клячей, но къ этой „клячѣ“, которая дребезжала, стонала и хрипѣла, взбираясь на откосы дороги, Иванъ Петровичъ привыкъ, и если бы ему предложили ѣздить на такой „цацкѣ“, на которой ѣздилъ хотя бы Сергѣевъ, онъ, право, отказался бы отъ службы.

Когда Иванъ Петровичъ былъ еще молодымъ помощникомъ машиниста, паровозъ „Б. 47“ былъ также молодъ и блестѣлъ на славу своими никкелированными и мѣдными частями. Вмѣстѣ со своимъ паровозомъ старѣлся Иванъ Петровичъ, всѣ событія въ его жизни, всѣ радости и печали были связаны съ этой машиной. На второмъ году службы, когда на его паровозѣ испортился золотникъ и его пришлось два дня ремонтировать, Иванъ Петровичъ женился на Аннѣ Конд-

ратьевнѣ; черезъ годъ, когда едва не произошло крушеніе изъ-за того, что стрѣлочникъ № 5 невѣрно перевелъ стрѣлку, родился Мишутка; спустя два года послѣ этого событія Иванъ Петровичъ купилъ хуторокъ на третьей верстѣ поъѣзднаго пути къ полустанку Красноставъ.

Это былъ прекрасный хуторокъ съ рощицей, съ огородомъ и тремя десятинами пахотной земли. Лѣтомъ домикъ Ивана Петровича надѣвалъ зеленый уборъ изъ гирляндъ дикаго винограда, сверкала рѣчка сквозь просвѣты березовой рощи, и, когда машинистъ подъѣзжалъ къ семафору, его встрѣчали жена и сынъ, которые издали узнавали его паровозъ по ярко-желтому знаку „Б. 47“.

Въ послѣдніе два года колеса паровоза часто буксовали, пароораспредѣлитель капризничалъ, и Ивану Петровичу приходилось подолгу возиться со своей машиной. Къ хрипѣнію и гудѣнію прибавился новый звукъ, стонущій и протяжный, къ которому Иванъ Петровичъ никакъ не могъ привыкнуть.

— Старики мы съ тобою, братъ! Пора намъ на покой!—качая головою, говорилъ онъ, но потомъ встряхивалъ своими когда-то черными, какъ смоль, а теперь серебряными кудрями:—э, да ничего! Треснутый горшокъ два вѣка живетъ. Мы еще поѣздимъ, старина!

* * *

Въ звѣздную іюльскую ночь Иванъ Петровичъ везъ партію быковъ къ границѣ. На станціяхъ и полустанкахъ поѣздъ стоялъ подолгу, и старикъ-купецъ Василій Яковлевичъ Пѣтуховъ, которому принадлежала эта партія, и котораго Иванъ Петровичъ зналъ много лѣтъ, выходилъ изъ себя. Онъ убѣждалъ Ивана Петровича сократить стоянки или, по крайней мѣрѣ, ускорить

ходъ, совалъ ему деньги и раза два даже поилъ его водкой.

— Вѣдь подохнутъ быки, подохнутъ, душа моя. Припустите, голуба, ходу!

Иванъ Петровичъ пилъ съ купцомъ водку, крякалъ, но больше восемнадцати верстъ въ часъ не дѣлалъ.

— Помилуйте, Василь Яковличъ, машина вѣдь у меня одна? А быкамъ, право слово, ничего не сдѣлается.

На станціи Отрадная поѣздъ Ивана Петровича перевели на запасный путь. Пѣтуховъ бѣгалъ къ начальнику, къ старшему телеграфисту, даже къ кассиру и вѣсовщику, но тѣ только пожимали плечами и отвѣчали, что до полученія особаго распоряженія они не могутъ пустить шестой номеръ, который везъ быковъ Пѣтухова.

Иванъ Петровичъ завалился спать, а Пѣтуховъ съ горя ушелъ въ поселокъ пить водку.

Около полуночи мимо станціи, не останавливаясь, промчался поѣздъ съ притушенными огнями. Въ аппаратной быстро заработалъ телеграфъ, начальникъ станціи метался изъ дежурной въ аппаратную и обратно, нося куда-то красные бланки, а его чахоточная жена, уложивъ вещи, вышла на перронъ со своими двумя заспанными дѣвочками и вглядывалась въ розовѣющую даль, не идетъ ли поѣздъ.

Иванъ Петровичъ проснулся. Онъ замѣтилъ тревогу на станціи, видѣлъ, какъ промчались другъ за другомъ четыре паровоза. На одномъ изъ нихъ, „А. 8071“, вмѣсто знакомаго машиниста Андрея Андреевича былъ кто-то въ военной формѣ.

Когда Иванъ Петровичъ вышелъ на перронъ, то увидѣлъ, что небо на западѣ залито кровавымъ заревомъ; горѣло далеко, но запахъ гари доносился утреннимъ вѣтромъ сюда, и слышно было, какъ что-то

странно и часто ухаетъ, словно дровосѣки рубятъ въ лѣсу деревья.

— Гдѣ горитъ? Что это?—обратился Иванъ Петровичъ къ женѣ начальника.

Та махнула рукою, сморщилась и заплакала. Глядя на мать, заплакали и обѣ дѣвочки.

Иванъ Петровичъ не успѣлъ разобраться, въ чемъ дѣло.

Тревога наростала. Пролетѣлъ еще одинъ поѣздъ, безъ пассажировъ и кондукторовъ, съ однимъ машинистомъ на паровозѣ. Въ поселкѣ загудѣлъ набатъ. Сильнѣе и слышнѣе рубили дровосѣки на западѣ, за синимъ холмомъ, и, почуявъ тревогу, заметались и заревѣли быки Пѣтухова въ вагонахъ.

Къ растерявшемуся и ничего не понимавшему во всей этой кутерьмѣ Ивану Петровичу быстро подошелъ начальникъ станціи и сказалъ:

— Отцѣпите паровозъ, поѣзжайте на станцію Кресно. Нужно забрать подвижной составъ. Живо! Помощника оставьте здѣсь.

— Какъ же я одинъ заберу составъ? Въ чемъ дѣло?

— Составъ готовъ. Надо только прицѣпить паровозъ.

— Но въ чемъ дѣло?

У начальника сморщилось лицо, такъ же, какъ давеча у его жены. Онъ стиснулъ губы и глухо сказалъ:

— Нѣмцы!

Изъ одного этого слова Иванъ Петровичъ ничего не могъ вывести. У него было много знакомыхъ нѣмцевъ; начальникъ службы движенія, Францъ Францевичъ Гольбахъ, тоже былъ нѣмцемъ, но изъ этого никогда ничего дурного не выходило.

— Нѣмцы?— съ неудоумѣніемъ повторялъ онъ, разводя пары.—Нѣмцы? Ничего не понимаю.

Онъ поднялся на откосъ, миновалъ будку дорожнаго мастера.

Съ полей несся свѣжій ароматъ травъ и, какъ всегда по утрамъ, пѣлъ гдѣ то въ вышинѣ жаворонокъ, купаясь въ золотыхъ лучахъ восходящаго солнца.

— Нѣмцы?—еще разъ повторилъ Иванъ Петровичъ и представилъ себѣ Франца Францевича, круглаго бритаго старика съ трубкой въ зубахъ.—Что они сдѣлали, эти нѣмцы?

Далеко грохнуло что-то, треснуло, заохало, словно случилось крушеніе поѣзда: полетѣлъ паровозъ подъ откосъ и, наползая другъ на друга, сбились вагоны, исковерканные толчкомъ, разбитые въ щепы.

Теперь Иванъ Петровичъ понялъ, что случилось какое то несчастье, въ которомъ виноваты нѣмцы,—можетъ быть, Францъ Францевичъ. Не даромъ старикъ слылъ чудакомъ и про него говорили, что онъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Надо было спѣшить, а тутъ какъ на зло, паровозъ на шестой верстѣ закапризничалъ. Онъ стоналъ и вздрагивалъ всѣмъ стоимъ старымъ остовомъ, но ни за что не хотѣлъ взять подъемъ.

— Но, старина но-о—покрикивалъ Иванъ Петровичъ, словно паровозъ могъ его слышать.—Не шали, братъ, не время.

Онъ застопорилъ машину, слѣзъ и осмотрѣлъ ее. Потомъ смазалъ масломъ крейцкопфы и цилиндры и подбросилъ угля.

Паровозъ дрогнулъ и пошелъ.

— То-то, братъ! Жрать захотѣлъ?

На станціи Кресно не было, казалось, ни души: Иванъ Петровичъ заглянулъ въ телеграфное отдѣленіе и отшатнулся. Два новенькихъ аппарата были разбиты вдребезги, на полу валялись изорванныя бумажныя ленты, бланки, какія-то бумаги, шкафы были раскрыты. Въ

дежурной, на столѣ, лежала красная фуражка начальника станціи, но его самого нигдѣ не было.

Только въ залѣ третьяго класса Иванъ Петровичъ увидѣлъ живое существо. Это былъ станціонный сторожъ Никита, глухой старикъ. Онъ забился въ уголъ, за скамейками, и глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ на Ивана Петровича.

Тотъ тронулъ его за плечо. Никита свалился на бокъ. Въ затылкѣ у него зіяла рана. Онъ былъ мертвъ.

„Нѣмцы"—съ недоумѣніемъ и ужасомъ подумалъ Иванъ Петровичъ и бросился изъ станціоннаго зданія.

Шесть новенькихъ желтыхъ товарныхъ вагоновъ стояли на боковомъ пути. Чтобы прицѣпить паровозъ къ нимъ, нужно было долго маневрировать, переходя съ линіи на линію и всякій разъ останавливаясь, чтобы самому перевести стрѣлку.

Оттого, что Никита былъ кѣмъ-то убитъ, что станція странно опустѣла, отъ видѣннаго хаоса и разгрома въ аппаратной и отъ непрерывнаго громыханья, которое слышалось уже совсѣмъ близко, у Ивана Петровича дрожали руки, ходуномъ ходило сердце въ груди и захватывало дыханіе. Дѣло не спорилось, и онъ провозился около часа, пока перевелъ паровозъ на запасный путь. Теперь надо было перевести весь составъ на главный путь и тогда можно было уже тронуться въ дорогу.

Хотя вагоны были пусты, но старый паровозъ, шалившій еще въ дорогѣ, забуксовалъ. Колеса съ шипѣніемъ и визгомъ вертѣлись на одномъ мѣстѣ, тяга не преодолѣвала тренія, и дѣло было совсѣмъ плохо.

Изъ-за віадука, сверкая штыками, показалась синяя колонна пѣхоты. Она шла, извиваясь какъ змѣя, по проселку, остановилась на нѣсколько минутъ у шлагбаума и, перейдя полотно, направилась къ станціонному зданію. Иванъ Петровичъ, занятый возней у па-

ровоза, ничего не видѣлъ и только тогда, когда кто-то окликнулъ его на непонятномъ языкѣ, поднялъ глаза и застылъ на мѣстѣ.

Предъ нимъ стоялъ бѣлобрысый, худой и высокій офицеръ въ зеленыхъ рейтузахъ и странной, угловатой какой-то кепкѣ и, размахивая руками передъ самымъ его лицомъ, говорилъ что-то длинно и визгливо.

Только одно русское слово сказалъ офицеръ, и это слово понялъ Иванъ Петровичъ:

— Вези!

Теперь ему стало ясно все, что онъ видѣлъ: тревога въ Отрадной, мчавшіеся паровозы съ притушенными огнями, разгромъ въ аппаратной и смерть сторожа.

Онъ вспомнилъ почему-то вдругъ о своемъ хуторѣ, о Мишуткѣ, объ огненныхъ головкахъ подсолнечника въ своемъ палисадникѣ и о старой гитарѣ, на которой во время отдыха между поѣздками любилъ тихо наигрывать грустное „Ой тамъ за горою“. Вспомнилъ онъ и о кунцѣ Пѣтуховѣ, о его быкахъ, о такихъ мелочахъ, о которыхъ теперь было совершенно не кстати вспоминать, и, обратившись къ своему старому паровозу, тихо сказалъ:

— Ну, что-жъ старина, надо умирать!

Синіе солдаты въ такихъ же странныхъ шапкахъ, какъ у ихъ офицера, со смѣхомъ и шумомъ наполняли вагоны, а офицеръ твердитъ упорно, какъ дятелъ, одно и то же слово:

— Вези, вези!

Одинъ солдатъ, очевидно добродушный малый, сѣлъ на тендерѣ и подмигнулъ Ивану Петровичу: полѣзай, дескать. Иванъ Петровичъ быстро смекнулъ что-то въ умѣ и сталъ на свое мѣсто, на которомъ стоялъ двадцать лѣтъ, на которомъ состарился и посѣдѣлъ.

Офицеръ одобрительно кивнулъ головой и направился къ вагону, повторивъ по дорогѣ:

Вези!

* * *

Иванъ Петровичъ подбросилъ уголь въ топку и посмотрѣлъ на манометръ. Паровозъ, словно понявъ, что онъ задумалъ, рѣзко рванулся впередъ и застоналъ. Черезъ нѣсколько минутъ все будетъ кончено: въ шести верстахъ отъ Кресно запасный путь заканчивается тупикомъ, тамъ обрывъ, крутой и страшный. Надо только развить наибольшую скорость хода и тогда...

Въ этомъ году пышно зацвѣлъ макъ на хуторкѣ Ивана Петровича, въ саду завелись скворцы, которые такъ хорошо пѣли по утрамъ. Въ обрывѣ, у тупика, течетъ по камнямъ бурливая рѣчка. Однажды лѣтомъ, купаясь, Иванъ Петровичъ чуть не утонулъ, втянутый водоворотомъ въ яму.

Паровозъ трещитъ и гудитъ, скрипятъ старыя оси, сталкиваясь, гремятъ буфера и цѣпи, а манометръ показываетъ высшій предѣлъ давленія: сейчасъ разлетится вдребезги котелъ.

Вѣтеръ свиститъ въ ушахъ. Сзади, въ вагонахъ, горланятъ солдаты, поютъ развеселую пѣсню, въ которой часто повторяются слова:

— Nach Warschau, nach Warschau!

„Въ Варшаву? Руки коротки!“—подумалъ Иванъ Петровичъ и усмѣхнулся.

Въ сердцѣ у него заныло.

— Старый товарищъ,—тихо сказалъ онъ, оглядывая свой паровозъ.—Умирать будемъ,—и заплакалъ

Еще нѣсколько секундъ, и все это горланящее живое мясо превратится въ безобразную кровавую груду. Вотъ поворотъ, вотъ бѣлый камень у дороги, а вотъ и первый извивъ рѣченки. Дорога идетъ по спуску, теперь надо удвоить ходъ.

Иванъ Петровичъ повернулъ ручку. Стрѣлка пры-

нула еще на нѣсколько дѣленій впередъ. Въ котлѣ подозрительно загудѣло. Иванъ Петровичъ подбросилъ въ топку угля, закрылъ глаза и, прижавшись къ цилиндру, прошепталъ:

— Прощай, старина!

— Р-р-р,—ворчливо отвѣтилъ ему паровозъ.

— Прощай, прощай, прощай!—звенѣли болты, буфера и цѣпи.

У самого тупика Иванъ Петровичъ далъ послѣдній свистокъ. Сжатый паръ, вырвавшись, тоскливо заплакалъ. Паровозъ ударился на всемъ ходу о перекладину.

— Nach Warschau!—донеслось изъ заднихъ рядовъ

— А-а-яй!—леденящомъ душу крикомъ отвѣтили передніе.

Паровозъ, разбивъ перекладину въ щепы, полетѣлъ въ обрывъ. И грохотъ и лязгъ, и замирающіе стоны, и проклятья слились въ короткій вой.

Груда щепокъ, колесъ, желѣзныхъ осей и исковерканныхъ телѣжекъ лежала подъ откосомъ. И омытый пѣнящейся волною, желтѣлъ среди обломковъ номеръ паровоза „Б. 47“.

Развѣдка.

Стояли мы въ то время въ Галиціи, у мѣстечка М. Погода на рѣдкость была хорошая, ночи короткія, быстролетныя, свѣтлыя, даромъ что августъ мѣсяцъ былъ на исходѣ уже. Не успѣетъ заря угаснуть, какъ новая на востокѣ алѣется. А по ночамъ на небѣ звѣздъ, братцы мои, сколько звѣздъ! Ровно макъ золотой на синемъ полѣ разсыпали.

Хорошо было бы этакъ, да скучища собачья. Мѣсто ужъ было такое проклятое! Пришли мы въ мѣстечко—ни души. Дома стоятъ растворенные, и лавченки и все, а жителей—ни собаки: по лѣсамъ разбѣжались, спрятались. Потомъ начали они по одиночкѣ выползать изъ норъ своихъ. Придутъ, увидятъ, что стоятъ себѣ солдатики, ничего не трогаютъ, стоятъ тихо, благородно, ну, и назадъ къ своимъ. А къ вечеру, смотришь, уже двое пришли, а тамъ больше, больше, и опять вскорости населились дома, лавченки открылись, торгуютъ. Стало какъ будто полегче: все же народъ живой кругомъ, а не мертвые, пустые дома. Однако, все какъ-то не по себѣ: мимо стоянки нашей, по шоссе, идетъ войско: сначала пѣхота, артиллерія, а тамъ казаки проѣхали. Идутъ съ пѣснями, весело въ дѣло идутъ, а мы на мѣстѣ стоимъ да чаями пробавляемся — досадно! Поручикъ Васильковъ—мы его больше Оленькой звали:

молоденькій, зеленый, совсѣмъ дѣвченка, и краснѣетъ, какъ дѣвица, и губки малиновыя—поручикъ мой сталъ даже по ночамъ пропадать, паненку приглядѣлъ себѣ, сидитъ съ ней подъ яблоней надъ озеромъ и шепчется по ихнему, по-польски: „пше“ да „кше“.

— Гдѣ же вы, сударь мой, ночевали?—спрашиваю.

А онъ молчитъ да краснѣетъ.

Словомъ, совсѣмъ вродѣ какъ бы въ лагеряхъ стоимъ. А тамъ бой идетъ, кровь льется, умираютъ. Ну, скажите, не гнусно развѣ въ такое время стоять на мѣстѣ да въ шестьдесятъ шесть съ Николаемъ Андреичемъ, съ ротнымъ, рѣзаться?

Однако, Богъ помогъ: получаю отъ командира приказъ:

— Такъ и такъ, Сергѣй Петровичъ, возьмите вы, сударь, людей да пошарьте въ лѣсу по ту сторону озера. Тамъ, говорятъ, непріятельскіе разъѣзды показались.

Развѣдка, значитъ. И то ладно.

Собралъ я на закатѣ людей, вижу, идетъ Оленька. Самъ не свой парень, губы малиновыя дрожатъ, въ глазахъ слезы.

— Что же, — спрашиваетъ, — меня вы съ собою не возьмете?

— Куда вамъ, Оленька,—отвѣчаю.—Молоды вы еще, успѣете. Это дѣло опасное, серьезное. Ни за что пропадешь.

— Нѣтъ, ужъ вы какъ тамъ себѣ хотите, а взять меня должны. Милый, дорогой, Сергѣй Петровичъ, не откажите. Не забуду я васъ,—говоритъ.

А самъ-то дрожитъ, самъ-то чуть не плачетъ.

— Ну, ладно, — говорю, — попрощайтесь съ вашей Юзей и айда!

Я человѣкъ старый, волкъ матерой, нѣтъ у меня ни дѣтей, ни жены, ни кола, ни двора. Одинокій чело-

вѣкъ. Трубку свою люблю, кашу родную обожаю, къ солдату слабость имѣю, коли молодецъ шагаетъ, да стрѣльбу знаетъ—и больше никого и ничего.

Что же касается Оленьки, то этотъ—особая статья. Какъ такую дѣвчонку, милягу такого, не любить? Нѣжный онъ такой, фарфоровый, тонкій, на взбитыхъ сливочкахъ выросъ—развѣ можно такого не жалѣть? Пропадетъ ребенокъ, ежели не такъ что-нибудь, а особенно среди насъ, армейскихъ: такой ужъ мы народъ, суровый народъ—дратвой шиты.

Четверти часа не прошло — прибѣжалъ Оленька. Сіяетъ.

— Справился?

— Справился,—говоритъ.

— Ну, ладно, съ Богомъ!

Ночь случилась темная, дождливая. Злющій вѣтеръ воетъ, кусается, словно собака съ цѣпи сорвалась. Пять верстъ по колѣно въ болотѣ отмахали, промокли, продрогли.

— Вамъ не холодно, поручикъ?—спрашиваю.

Этакъ нарочно оффиціальнымъ тономъ спросилъ, чтобы не вообразилъ, что я съ нимъ нянчиться стану.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичъ, хорошо мнѣ.

Восторженный у парня видъ, и голосъ звенитъ. Чувствую въ голосѣ его гордость, что вотъ, дескать, Богъ послалъ настоящее дѣло. А лицо его, вижу, поблѣднѣло: екаетъ все-таки, должно быть, у парня сердце, да стыдно самому себѣ признаться. Дѣло знакомое — не проведешь. Самъ въ двухъ кампаніяхъ былъ, не однажды подъ пулями, въ мысляхъ, молился: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“. Съ непривычки необстрѣлянному страшно.

Вошли мы въ лѣсъ. Темно — ни зги. Вокругъ ели лапчатыя стоятъ. Березки во тьмѣ шепчутся, шуршитъ

что-то. Можетъ быть, дождикъ, а, можетъ быть, Богъ знаетъ что. И вдругъ—трахъ! Треснуло что-то.

— Лечь!

Прилегли въ кустахъ, не шевелимся. Этакъ съ полчаса лежали, слушали: тихо. Только на ноги — опять трескъ по лѣсу пошелъ, да какой! Ровно десятокъ медвѣдей напроломъ лѣзутъ, по валежнику, косолапые, прутъ.

Шепнулъ ефрейторъ людямъ:

— Не курить! Гасите!

Петрюковъ—хорошій солдатъ, исполнительный—выругался даже:

— Ховается, чертяка, ѣшь его мухи. Ну-ка, вылазь!

Поползли на животахъ по сырой травѣ. Чуть слышно оружіе звякало, задѣвая камни, да пыхтѣлъ толстый ефрейторъ.

— Ребенка рожаешь, что ли? — спрашиваю. — Чего сопишь, словно самоваръ тульскій?

Затихъ.

Доползли мы до оврага. Свѣтлѣе стало. Деревья разступились въ этомъ мѣстѣ, и небо немного очистилось.

Вижу, унтеръ Хвостовъ ко мнѣ ползетъ.

— Что? Въ чемъ дѣло?

— Онъ храпитъ.

— Кто—онъ? Говори толкомъ.

— Онъ, австріякъ—то-есть.

— А ты по чемъ знаешь, что онъ храпитъ?

— Слышно, ваше в—діе.

Вслушался я. Сначала ничего не почуялъ, а потомъ, дѣйствительно, совсѣмъ близко, справа, слышу шорохъ этакой, какъ будто бумагой шелеститъ.

— Петрюковъ! Осторожно полѣзай впередъ, узнай, кто тамъ и сколько ихъ.

— Слушаю!

Потонулъ въ темнотѣ Петрюковъ. Нѣту его.

Ждемъ четверть часа и больше. Петрюкова нѣтъ. А время, какъ на зло, едва ползетъ.

Ну, думаю, пропалъ солдатъ. Даже выругался я: жалко человѣка.

— Эка разиня какая! Баба, а не солдатъ.

— Вдругъ вижу — фигура. Вскочилъ я отъ неожиданности.

— Кто?

— Я, ваше в—діе.

— Тьфу! Ну, что?

— Спятъ, ваше в—діе. Ночиваютъ.

— Сколько ихъ—узналъ?

— Точно такъ. Человѣкъ тридцать да три лошади.

— Часовые разставлены?

— Одинъ. Гы!—смѣется.

— Чего смѣешься?

— Смѣшно, ваше в—діе. Часовой ихній, растяпа-парень.

— Именно?

— Я подлѣ его проползъ, а онъ ничего не слыхалъ, звѣзды считалъ.

— Какъ это звѣзды считалъ?

— На небо смотритъ и сопитъ. Они, нѣмцы, всѣ, какъ есть, звѣздочеты.

— Сергѣй Петровичъ, дорогой,—зашепталъ Оленька.—А что, если бы намъ ахнуть на нихъ? А?

Весь дрожитъ Оленька и жаромъ отъ него пышетъ. Эхъ, молодость, молодость!

Подумалъ я, взвѣсилъ обстоятельства:—отчего бы не ахнуть?

— Вотъ что,— сказалъ я своимъ людямъ, — насъ, братцы, восемнадцать человѣкъ, а ихъ штукъ тридцать будетъ. Ну-ка, впередъ. Но чуръ—не стрѣлять, не шу-

мѣть. Бери штыкомъ, лупи прикладомъ, хватай живьемъ. Да часового напередъ снять безъ шума.

И что это случилось, братцы мои! Вѣтеръ ли подхватилъ насъ, волна ли взметнулась и насъ бросила на врага, вдвое сильнѣйшаго. Часовой не пикнулъ, такъ и сѣлъ на бугорокъ, ружья изъ рукъ не выпуская, проколотый штыкомъ. Растерялись, заметались австріяки. Ружья въ пирамидахъ возлѣ стоятъ, а они не знаютъ, гдѣ что. По лѣсу мечутся, кричатъ:

— Die Russen! Die Russen!

Ефрейторъ, вижу, лупитъ по башкѣ прикладомъ здоровеннаго дѣтину, сопитъ и бранится:

— То-то, чертъ плѣшивый! Будешь ты помнить кузькину мать!

Десяти минутъ не прошло, какъ все было кончено. Двѣнадцать человѣкъ австрійцевъ было убито, восемь взято въ плѣнъ, остальные бѣжали въ лѣсъ чуть-ли не въ однихъ, простите, подштанникахъ.

Ищу глазами Оленьку. Нѣтъ его нигдѣ.

— Гдѣ поручикъ?

Показываютъ:

— Вотъ.

Лежитъ Оленька подъ сосною, дрожитъ мелкой дрожью. Закололъ его, мальчика, проклятый австріецъ.

Я наклонился надъ нимъ.

— Умираю, — шепчетъ. — Вотъ, здѣсь, въ боковомъ карманѣ... Разстегните... Засушенная роза... Отъ Юзи. Пошлите ей... Дай вамъ Богъ... дай Богъ бить врага.

Вытянулся Оленька, вздрогнулъ и замеръ.

Сняли мы фуражки. А мнѣ къ сердцу подступило. Сжалъ я крѣпко кулаки, погразилъ я темному западу:

— Ну, ужъ погоди, нѣмчура! Эхъ!

Мертвецы имперіи.

Уже стаялъ снѣгъ на холмахъ. Въ донесеніяхъ изъ штаба, напечатанныхъ исключительно для императора на прекрасной глянцевитой бумагѣ, сообщали, что въ Вогезахъ разлились рѣки и ручьи и затопили траншеи; что приходится вести бои по поясъ въ водѣ; что знаменитые „42“, недавно громившія Нанси, увязаютъ въ грязи.

Хотя сообщенія были изложены осторожно и мягко, въ томъ тонѣ, въ которомъ съ императоромъ всегда говорили министры и генералы, но онъ зналъ, онъ прекрасно зналъ, что это значитъ. Онъ ждалъ весны; онъ ободрялъ народъ, выражавшій нетерпѣніе, что такъ долго тянется кампанія, что такъ много пало жертвъ, что такъ дорога стала жизнь, — онъ ободрялъ его и просилъ подождать до весны. Онъ обѣщалъ ему къ Пасхѣ подарокъ — Францію или, по крайней мѣрѣ, берега Марны, на которыхъ уже однажды были его войска. А теперь вотъ эти донесенія, кричащія своимъ изящнымъ шрифтомъ объ ужасѣ, о гибели всѣхъ его надеждъ!

Въ деревушкѣ, въ которой находилась императорская ставка, гудѣлъ колоколъ. Густые звуки врывались въ кабинетъ императора:

— Донъ-донъ-донъ!

— Колоколъ звалъ народъ къ молитвѣ, а императора душилъ его настойчивый зовъ, какъ кошмаръ,

Да, да, имперія гибнетъ. Надо имѣть мужество, надо сознаться самому себѣ, если другимъ этого сказать нельзя еще, что созданная упорнымъ трудомъ полустолѣтія, спаянная кровью и желѣзомъ, она, которой онъ отдалъ цѣлую жизнь, рушится, разлетается въ прахъ. Это конецъ.

Императоръ не говорилъ этого своимъ старымъ генераламъ, собравшимся въ душной, бревенчатой комнатѣ на военный совѣтъ, но чувствовалъ, что и они чего-то не договариваютъ. Онъ спокойно и сухо высказалъ свое мнѣніе: нужно наступать по всему фронту. Голосъ его былъ твердъ и звучалъ, какъ металлъ, а на глазахъ стояли слезы и сердце сжималось отъ тоскливой боли. Несмотря на это, онъ сталъ въ привычную позу: высоко поднялъ голову, заложилъ за обшлагъ сюртука правую больную руку и, сдѣлавъ широкій жестъ лѣвой рукой, обтянутой въ перчатку, точно бросилъ ею всѣ свои войска, всю гордость, всю силу имперіи на западъ на траншеи непріятеля и крикнулъ:

— Наступать или... или...

Онъ выдержалъ долгую паузу, во время которой генералы затаили дыханіе, и рѣзко закончилъ:

— Или умереть.

Старый грузный генералъ, сидѣвшій противъ императора, странно крякнулъ и съ тоской посмотрѣлъ ему въ глаза. Подъ нависшими сѣдыми бровями генерала блестѣлъ насмѣшливый взглядъ, который былъ понятенъ императору. Пока военный совѣтъ, разставляя на картѣ оловянныя фигурки, изображавшія армію его величества, обсуждалъ планъ наступленія, глаза старика-генерала говорили, что все погибло, что наступленія не будетъ, что ни у императора, ни у генерала, ни у арміи нѣтъ больше вѣры въ побѣду.

„Хочешь или не хочешь,—говорилъ грустно-насмѣшливый взглядъ генерала—но, если нѣтъ вѣры въ вой-

скахъ, нѣтъ и побѣды, какъ бы она тебѣ нужна ни была. Я много жилъ и много видѣлъ. Я знаю, что это такъ, а не иначе".

Подъемъ прошелъ. Теперь была усталость. Императоръ сидѣлъ, сгорбившись въ своемъ креслѣ, и казался теперь старше своихъ лѣтъ.

Маленькая дѣвочка, лѣтъ пяти, дочь хозяина фермы незамѣтно для взрослыхъ пробралась въ комнату, въ которой засѣдалъ военный совѣтъ, и смотрѣла восхищенными голубыми глазами на блестящее шитье генеральскихъ мундировъ. Ей очень понравился золотой эфесъ сабли императора, и она, путаясь между ногъ взрослыхъ, пробралась къ его креслу и тронула ручонкой красивую игрушку, торчавшую между колѣнъ императора.

Императоръ разсѣянно посмотрѣлъ на ребенка и погладилъ его по бѣлокурой головкѣ. Дѣвочка довѣрчиво прижалась къ нему, а онъ безсознательно гладилъ ея шелковистые волосы и говорилъ о томъ, что не надо считаться съ потерями, что планъ наступленія требуетъ жертвъ, и если погибнетъ еще полмилліона людей, они купятъ своей смертью побѣду. Онъ говорилъ о смерти такъ, какъ говорятъ о шахматной партіи. Онъ спокойно и холодно называлъ цифры, не чувствуя, что это люди. Дѣвочка терлась щекой о шитье его мундира и слушала императора. Ей нравился его голосъ, немного разслабленный и надтреснутый, и ей было жаль, когда добрый дядя съ золотой игрушкой на боку пересталъ говорить.

Теперь императоръ задумался. Онъ думалъ объ имперіи, о томъ, что сегодня канунъ Пасхи, что сегодня столица горитъ и тонетъ въ морѣ разноцвѣтныхъ огней, что у него во дворцѣ въ эту ночь готовятся идти ко всенощной, и что завтра утромъ императрица, по старой традиціи, лично поѣдетъ въ тюрьму, чтобы раздать

заключеннымъ сласти и пасхальныя яйца. Что же онъ, императоръ, подаритъ дѣтямъ имперіи?

— Отчего дядя плачетъ? — тихо спросила дѣвочка. — Дядѣ больно?

Императоръ вздрогнулъ, удивленно посмотрѣлъ на ребенка, котораго раньше по разсѣянности не замѣтилъ, и, отведя его рукою отъ себя, всталъ.

За окномъ послышался топотъ лошади. Кто-то скакалъ по шоссе къ фермѣ. Его окликали часовые, и всадникъ издали кричалъ имъ пароль.

Императоръ вышелъ на крыльцо. Онъ хотѣлъ лично принять донесеніе изъ арміи.

Ординарецъ, почти мальчикъ, весь забрызганный грязью, устало слѣзъ съ лошади и, подойдя къ крыльцу, замѣтилъ императора. Онъ поблѣднѣлъ, вытянулся въ струнку и протянулъ императору пакетъ.

— Словесно. Какъ дѣла? — отрывисто бросилъ ему императоръ.

— Имѣю честь доложить вашему величеству, что наши войска у канала вынуждены были, къ сожалѣнію, отступить.

— Имѣете честь, чертъ васъ возьми! — вспыхнулъ императоръ. — А умереть вы не имѣли чести? Идите... Поѣзжайте и передайте имъ, что я, слышите! я приказалъ, чтобы они имѣли честь умереть за меня и имперію!

Это былъ эффектъ. Но это было такъ хорошо сказано, что онъ зажмурилъ, отъ упоенія своей красивой и сильной фразой, глаза и повторилъ:

— Да! Пусть они имѣютъ честь у-ме-реть!

Теперь императоръ чувствовалъ себя почти хорошо. Онъ прошелся нѣсколько разъ передъ крыльцомъ и посмотрѣлъ на небо.

Оно было затянуто сплошными тучами, на которыхъ трепеталъ багровый отсвѣтъ далекихъ пожаровъ. И ка-

залось оно залитымъ кровью. Только въ одномъ мѣстѣ, сквозь прорывъ въ тучахъ, горѣла одинокая, яркая, лучистая звѣзда на чистомъ, нѣжно синемъ клочкѣ неба. И оттого, что среди густо напоенныхъ кровавымъ багрянцемъ недвижныхъ тучъ блестѣла звѣзда, небо было страшно. Оно напоминало о чемъ-то. О чемъ?

Ахъ, да! Когда императоръ былъ ребенкомъ, отецъ его, тоже императоръ, подарилъ ему книжку съ золотыми застежками. Въ этой книжкѣ разсказывалось простыми, но проникающими въ душу словами, что кто-то Свѣтлый и Великій страдалъ на крестѣ, и что, когда Онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ, наступила тьма, небо стало багровымъ, кровавымъ и весь міръ, за который Онъ терпѣлъ муку, загорѣлся зловѣщимъ кровавымъ отсвѣтомъ.

Императоръ разсѣянно шелъ впередъ. Часовые отдавали ему честь—онъ ничего не видѣлъ. Онъ шелъ, какъ лунатикъ, завороженный кровавымъ небомъ и этой лучистой звѣздой, побѣдно сіявшей въ морѣ крови.

Заморосилъ дождь. На лицо императора упало нѣсколько капель. Онѣ показались ему горячими и липкими, какъ кровь. Онъ вздрогнулъ, повелъ плечами и остановился.

Онъ стоялъ подъ старымъ букомъ, на которомъ уже наливались и разбухали почки. Нѣсколько вѣтвей бука были мертвы, на нихъ не было почекъ, на нихъ не будетъ листвы, и онѣ отпадутъ и сгніютъ. Мертвое должно сгнить, а живое — наливаетъ свои почки и побѣждаетъ.

— Я мертвъ, я мертвъ,—сказалъ кто то чужой въ душѣ императора.—Жизнь воскресаетъ, а я... Сколько тысячъ человѣкъ имѣли честь умереть въ эту ночь за меня?

Подъ букомъ была скамья. Озаренная пожаромъ она

казалась высѣченной изъ алаго камня. На спинкѣ скамьи выскоблено пронзенное стрѣлой сердце и переплетающіяся, словно обнявшіяся буквы:

— Жанъ и Нинета. Мы любимъ другъ друга.

Жанъ ушелъ на войну и сражался противъ арміи его величества. Жана, можетъ быть, убили. Глупый Жанъ! Мертвое гніетъ, а живое наливаетъ почки. Все равно, все равно...

Императоръ сѣлъ на скамью. У него кружилась голова, стучало въ вискахъ, шумѣло и звенѣло въ ушахъ. Начинался обычный припадокъ: приливъ крови.

— А Нинета? Гдѣ Нинета?—неожиданно подумалъ онъ и вспомнилъ почему то бѣлокурую дѣвочку, которую давеча ласкалъ.

Не только небо, но и воздухъ былъ густо напоенъ кровью. Отъ краснаго сіянія стало больно глазамъ, и императоръ закрылъ ихъ.

Странные звуки рождались вокругъ. Конечно, это отъ прилива крови, это галлюцинація слуха.

...Трубятъ боевыя трубы:

— Тра-та-та!

Горнисты зовутъ полки подъ знамена. Слышно, какъ мѣрно звенятъ копыта конницы по камнямъ. Грохочутъ колеса пушекъ. Дребезжатъ зарядные ящики...

— Тра-та-а!

Дѣти имперіи идутъ мѣрными шагами. Ихъ тучи, ихъ тучи! Все, что родила и взрастила имперія, идетъ послушными рядами:

— Императоръ приказалъ умереть!

Объ этомъ ревутъ мѣдныя жерла пушекъ, звенящимъ кличемъ разноситъ по полю приказъ императора острая сталь, и тихо шепчутъ старыя знамена имперіи:

— Ти-и-ше: у-ме-реть!

Земля колеблется. Изъ могилъ встаютъ трупы и строятся въ ряды.

Вотъ славный полкъ, погибшій подъ крѣпостными фортами. Четыре тысячи скелетовъ съ примкнутыми штыками.

Вотъ конница, павшая у канала. Бѣлыя тѣни на призрачныхъ коняхъ летятъ въ бой строй за строемъ.

Изъ могилы встаетъ принцъ, котораго у Нанси уложила спать шрапнель. Онъ ведетъ желѣзную гвардію— оплотъ имперіи.

— Императоръ приказалъ умереть!

Что это? Опять враги открыли свои шлюзы? Откуда несется этотъ ревъ прибоя?

Изъ язвъ земли, изъ открывшихся могилъ сочится кровь. Отовсюду бѣгутъ кровавыя ручьи: съ востока, съ запада, съ юга, съ сѣвера. Они стекаются въ рѣки, сливаются въ море, и выше, и выше кровавыя волны. Полміра, полміра залили онѣ, а надъ ними несутся мертвецы имперіи, призрачные полки, батальоны, роты, возставшіе изъ гробовъ въ эту ночь Воскресенія.

И стонетъ и плачетъ старая земля, каждая ея песчинка рыдаетъ, и слышны проклятія и скрежетъ, стоны и дикій вой въ эту ночь Воскресенія.

Со шпагами въ рукахъ несутся въ эту ночь передъ рядами мертвецовъ ожившіе генералы и зовутъ въ бой, еще разъ въ бой:

— Умереть приказалъ императоръ!

Четко вырѣзывается на багровомъ небѣ тонкое кружево башенъ и колоколенъ. Неужели воскресъ древній Реймсъ? Да, это онъ, сѣдой свидѣтель былыхъ побѣдъ. И Лувенъ воскресъ, и суровый Брюгге ожилъ. Призраки — люди, призраки — города, призрачный громъ боя... Не самъ-ли онъ, императоръ, призракъ, залившій морями крови полміра, посѣявшій смерть въ чрево земли?

Плачетъ кто-то. Это матери плачутъ:

— Мы родили имперіи дѣтей. Гдѣ наши дѣти?

Это земля плачетъ:

— Кто расчешетъ мою грудь бороною? Кто надѣнетъ на мои плечи зеленый плащъ? Гдѣ мои дѣти?

Имперія рыдаетъ:

— Воскресъ Спаситель, и налились почки на деревьяхъ. Гдѣ мои сыновья?

...Больно головѣ. Нѣтъ большо силъ. Умереть, умереть! Въ старомъ склепѣ похоронятъ набальзамированный трупъ императора. Еще одна реликвія исторіи, кровавая реликвія. Не все-ли равно мертвецу?

А сѣдой Реймсъ гудитъ своими призрачными колоколами. И будто бьютъ молотомъ по больной, пылающей головѣ императора.

Гудятъ реймскіе колокола, поютъ колокольчики Брюгге, и страненъ звонъ ихъ, словно спрашиваютъ они:

— Quo vadis? Quo vadis?

— Боже мой, да развѣ онъ знаетъ, куда онъ идетъ? Онъ старый, больной человѣкъ, онъ только человѣкъ, у котораго бредъ и жаръ и которому хочется умереть.

— Quo vadis?

Тысячи звоновъ стучатъ по черепу и спрашиваютъ и требуютъ отвѣта. А отвѣта нѣтъ.

Полки мертвецовъ, утонувшихъ въ кровавомъ морѣ— развѣ это отвѣтъ?

Маленькіе колокольчики Брюгге нѣжно лепечутъ:

— Жили-были Жанъ и Нинетта. Жили-были. Гдѣ Жанъ и Нинетта?

Императоръ сжалъ руками виски и застоналъ:

— Ей, Господи! Камо уйду отъ лица Твоего?

— Ни-ку-да!—отвѣтили колокола Реймса.

— Жили-были... Жили-были, — продолжали пѣть колокольчики Брюгге.

Кто-то склонился надъ императоромъ, кто-то нерѣшительно топчется на мѣстѣ, звеня шпорами.

Императоръ слушаетъ его съ закрытыми глазами. Этотъ человѣкъ въ шпорахъ говоритъ, будто кто-то воскресъ. Кто? Реймсъ? Брюгге? Полки?

Ага! Императоръ понялъ: воскресъ и Реймсъ и Брюгге и мертвецы—воскресли въ Немъ, въ Его безмѣрной любви. А онъ, императоръ, не воскреснетъ никогда. Никогда!

— Ваше величество, — говоритъ адьютантъ. — Что съ вами, ваше величество?

Кто это — величество? Это онъ, больной и старый человѣкъ, это его такъ зовутъ? Какая ложь!

Императоръ открываетъ глаза.

— На всемъ фронтѣ завязался бой, ваше величество,—говоритъ адьютантъ, — главнокомандующій просилъ доложить вамъ, что сыны имперіи горятъ жаждой побѣдить или умереть.

„Какая фальшивая ложь!“—думаетъ императоръ.—„А развѣ ложь бываетъ не фальшивая?“

И вслухъ спрашиваетъ.

Гдѣ это недавно звонили колокола, другъ мой?

— Это звонили ко всенощной, ваше величество.

— Гдѣ? Въ Реймсѣ? Въ Брюгге? Гдѣ?

— Въ мѣстномъ абатствѣ, ваше величество.

— Такъ. Значитъ...

Императоръ не сказалъ, что это значитъ. Онъ взглянулъ на небо. Оно было блѣдно-розовое, и еще ярче горѣла на немъ звѣзда.

— Ваше величество,—сказалъ адьютантъ,—офицеры будутъ осчастливлены вашимъ присутствіемъ...

Императоръ не далъ договорить адъютанту. Онъ махнулъ рукою и поморщился. Онъ хотѣлъ бы сказать этому офицеру, что его величество такой же человѣкъ, какъ всѣ, что онъ боленъ, что ему страшно, что ему

хочется биться головою о стѣну отъ тоскливаго ужаса. Но развѣ онъ пойметъ его?

— Хорошо,—сказалъ императоръ.—Только велите подать мнѣ стаканъ крѣпкаго вина. Постойте. Какъ вы думаете: мертвецы воскресаютъ?

Адъютантъ улыбнулся и сдѣлалъ жестъ, который означалъ: какъ угодно вашему величеству.

Императоръ нахмурился и, ударивъ рукой по скамейкѣ, простоналъ:

— О, какъ мнѣ больно!

Потомъ, взявъ себя въ руки, почти спокойно приказалъ адъютанту.

— Уходите прочь! И знайте: мертвецы не воскреснутъ. Да!

Война.

Бой, заставившій насъ растянуть фронтъ на тридцать верстъ, шелъ вторую недѣлю. Наши окопы перемежались интервалами—лѣсами, болотами и извивами рѣчки Д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего расположенія бой не начинался еще, въ другихъ онъ выражался въ артиллерійскомъ обстрѣлѣ непріятельскихъ позицій, мѣстами мы вдались клиномъ въ линію непріятельскихъ войскъ, захвативъ ихъ окопы. Сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ учавствовало болѣе полутораста тысячъ людей, развивалось и складывалось изъ отдѣльныхъ, частныхъ эпизодовъ, казавшихся на первый взглядъ совершенно незначительными.

И такъ всегда. Такіе историческіе моменты, какъ Рава, Синява и Ярославъ, на взглядъ участника, которому доступно лишь то, что онъ видитъ вокругъ себя, были совсѣмъ не такъ грандіозны, какъ казалось со стороны. Отдѣльныя стычки, перестрѣлка, атаки, передвиженія, изъ которыхъ, какъ гора изъ мелкихъ песчинокъ, строится боевое событіе огромной важности, кажутся участнику сѣрымъ, будничнымъ трудомъ, трудомъ упорнымъ и кровавымъ, но лишеннымъ грандіозности и захватывающаго интереса.

И оттого, что это для насъ такъ просто и обыкновенно, что въ непосредственной близости блекнутъ яркія краски, самыя страшныя мгновенія боя, когда

опьяненные и подхваченные порывомъ или отчаяніемъ люди бросаются „въ лобъ“ пулеметамъ и пушкамъ въ атаку, не чувствуя ранъ, не замѣчая крови и горъ человѣческаго мяса, по которымъ они бѣгутъ, не внушаютъ ни ужаса, ни даже страха. Все проходитъ, все перегораетъ въ душѣ. Даже подъемъ, который бываетъ въ короткой схваткѣ, въ многодневномъ бою смѣняется чѣмъ-то другимъ, болѣе ровнымъ и болѣе устойчивымъ ощущеніемъ силы, чувствомъ спокойной увѣренности въ побѣдѣ. Людей крѣпитъ и сливаетъ воедино общность интересовъ, самосохраненіе, являющееся мотивомъ храбрости. Если я боюсь смерти, я не побѣгу назадъ, а попытаюсь прорваться впередъ, потому что смерть именно назади, гдѣ падаетъ градъ снарядовъ. Я буду идти вмѣстѣ съ Пахомовымъ, Сидоровымъ, Петровымъ — вмѣстѣ со всѣми; одинъ я — ничто, а вмѣстѣ съ ними—сила. И эта общность, вынужденная положеніемъ, эта храбрость, вызванная жаждой жизни, дѣлаетъ насъ стойкими и равнодушными къ смерти и къ ужасамъ боя. Дни, недѣли, мѣсяцы мы идемъ рядомъ, плечо къ плечу съ тульскими и владимірскими мужиками, мы переносимъ вмѣстѣ съ ними всѣ боевыя невзгоды; общность интересовъ превращается въ привычку. Намъ, интеллигентамъ, которыхъ въ ротѣ всего нѣсколько человѣкъ, прививаются ихъ невзгоды, ихъ чувства, мысли, даже привычки, повадки, даже ихъ тульскій и владимірскій говоръ.

Теперь нельзя уже отличить добровольца, инженера Красницкаго, отъ рядового землероя Пахомова. Для нихъ обоихъ, для всѣхъ вмѣстѣ бой—„работа“, а смерть—естественное явленіе. И мечты у всѣхъ одинаковыя: мечтаютъ о горячей кашѣ съ саломъ, о свѣжей смѣнѣ бѣлья, объ отдыхѣ, больше ни о чемъ. Намъ нѣтъ сейчасъ никакого дѣла до того, для чего мы сражаемся, во имя чего идемъ на смерть. Красницкій и

Пахомовъ разъ навсегда рѣшили всѣ вопросы: послѣ войны будетъ какое то „полегченіе“, и въ этомъ оправданіе войны.

День и ночь, безъ умолка и перерыва, гремитъ канонада. Отъ ея непрерывнаго грома болятъ уши, свинцомъ налита голова. Когда, случится, стрѣльба изъ орудій крупнаго калибра смѣняется пулеметнымъ обстрѣломъ, чудится еще тяжелое громыханіе „марѳутокъ“, чудится даже во снѣ, когда насъ, усталыхъ, смѣняетъ резервъ. Отъ сотрясенія воздуха, отъ разрыва снарядовъ осыпается земля съ потолка землянки, ходенемъ ходитъ деревянный настилъ подъ ногами, словно рядомъ работаетъ гигантская машина, вертятся огромные маховики, и жужжатъ и гремятъ надъ самымъ ухомъ тысячи поставовъ и жернововъ:

— Р-р-р-ръ!

— Съ чего это, братцы, тихо сдѣлалось?—спросилъ однажды вечеромъ съ растерянным видомъ солдатикъ Ликинъ.

Онъ привсталъ даже, прислушиваясь, точно ли прекратилась пальба.

А канонада въ этотъ моментъ дошла до высшей точки напряженія. Тысячи пудовъ свинца, желѣза и стали падали подлѣ траншей, а Ликинъ ничего не слышалъ, хотя землянка находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окоповъ.

— Что ты, обалдѣлъ? Ай не слышишь, какъ енъ чиститъ?

— Ась?—спросилъ Ликинъ, напрягая слухъ, чтобы разслышать товарища.

— Палятъ, гораздо палятъ.

— Что сказалъ? Говори громче.

Ликинъ такъ и не разслышалъ ни пальбы, ни того, что говорили ему обступившіе его товарищи. Онъ не оглохъ, а именно „обалдѣлъ“. Утромъ глухота прошла,

и Ликинъ, качая головою, вспоминалъ про то, что было съ нимъ наканунѣ:

— Тихо сдѣлалось, ровно на погостѣ. Вижу, земля осыпается, и мекаю, что палятъ шибко. А не слыхать ничего. Вотъ оно, какое дѣло вышло.

„Обалдѣлость“, временная утрата слуха и странное отупѣніе находитъ на всѣхъ, кому приходится по нѣсколько дней быть въ полосѣ жестокаго артиллерійскаго обстрѣла. Слухъ и умъ не выдерживаютъ, но человѣкъ въ солдатскомъ мундирѣ стоически выноситъ все. Отъ „обалдѣнія“, отъ того, что мы утратили впечатлительность и воспріимчивость и привычки ко всему, намъ ничего не страшно. Въ то время, когда наверху происходитъ бой, здѣсь, въ землянкахъ, каждый занимается своимъ дѣломъ. Завтра, быть можетъ, будетъ атака, Петряевъ или Лисицынъ, кто-нибудь изъ насъ, будетъ „выведенъ изъ строя“, но сегодня при свѣтѣ огарка доброволецъ Лисицынъ играетъ съ вольноопредѣляющимся Петровымъ въ шашки, Пахомовъ скинулъ сорочку, вывернулъ ее наизнанку и съ азартомъ преслѣдуетъ „внутренняго врага“, Петряевъ старается починить лопнувшій гдѣ-то „у косточки“ сапогъ, а хохолъ Зеленко со скуки тянетъ какую-то пѣсню безъ словъ, со странной лающей мелодіей:

— Га-га-га! Га-га-га!

Пѣсня у него не налаживается, выходитъ не то и не такъ, какъ онъ хочетъ, и Зеленко бранится:

— О, чтобъ тоби повылазыло!

И снова начинаетъ:

— Га-га-га!

Въ темномъ углу землянки солдатъ Бабенко, сидя на корточкахъ и обнявъ колѣна руками, разсказываетъ „казку“. Его слушаютъ съ видимымъ интересомъ, а рѣчь его, спорая такая, плавная, катится, какъ бисеръ по блюдечку:

— И говоритъ Марья-царевна иноземному царевичу: „Ахъ ты, рыло татарское, дерево стоеросовое! Не пойду я за тебя замужъ“...

— Ловко!

— Вотъ такъ баба, мать честная!

— Не мѣшай! Ври дальше, Бабенко.

Огарокъ гаснетъ. Люди укладываются спать. Наверху гудитъ, воетъ, свиститъ огонь. Кто-то протяжно стонетъ подлѣ самой землянки:

— Ах, ма-а-туш-ка!

— Ну, чего, чего,— бубнитъ низкій голосъ.—Чай не баба, не рожаешь. Потерпи маленько, дай перевязать.

— Печетъ шибко. М-ма-а...

— Косаренкова кокнуло,—говоритъ кто-то въ темнотѣ, поворачиваясь на другой бокъ и скребя ногтями тѣло.

— А ты помалкивай, спи!

Сонъ не идетъ. Усталое тѣло оцѣпенѣло, глаза смыкаются и въ головѣ нѣтъ думъ: онѣмѣніе какое-то, не то дремота, не то чуткій, болѣзненный сонъ, когда слышишь все, все соображаешь, но нѣтъ силъ сдвинуться съ мѣста. И такъ до утра.

На зарѣ трубитъ рожокъ. Часто и четко. Гдѣ-то далеко тревожно звучатъ трубы горнистовъ:

— Тра-та-та! Тра та-та!

— Будетъ общее наступленіе,—говоритъ Лисицынъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы снова засядемъ въ окопы или пойдемъ въ бой.

Лисицынъ быстро набрасываетъ карандашомъ что-то на „секреткѣ“, передаетъ мнѣ.

— Если меня убьютъ, пошлите.

Это письмо невѣстѣ. Онъ урываетъ каждый день время, чтобы написать ей нѣсколько словъ. И когда пишетъ, лицо у него свѣтлое, улыбающееся, и видно

по всему, что въ его письмѣ бодрыя, веселыя, хорошія слова.

Передалъ „секретку“ и, подойдя къ еврею-рядовому Нахмансону, шутливо хлопнулъ его по спинѣ кулакомъ.

— Что, братъ, носъ на квинту повѣсилъ? Смерти боишься?

— Я боюсь? Почему вы думаете, что еврей долженъ бояться? Развѣ еврей не такой же человѣкъ, какъ вы? Я таки буду биться не хуже, чѣмъ вы; я, можетъ быть, буду стараться сражаться лучше, чѣмъ вы, потому что мнѣ надо доказать. Ну-да!

Нихмансонъ обидчиво моргаетъ глазами и говоритъ быстрымъ визгливымъ и пѣвучимъ говоркомъ.

— Чудакъ ты! Конечно, ты не хуже другихъ. И ничего тебѣ доказывать не нужно.

— Вы говорите—не нужно? Хорошо вамъ, что вы русскій, что вы только русскій. А если Нахмансонъ и русскій и еврей? Какъ по-вашему: долженъ онъ доказать, что онъ такой же русскій, какъ еврей? А? Ничего я вовсе не боюсь.

— Пятая рота выходи-и!—доносится команда.

— Это мы—пятая рота. Мы выползаемъ изъ землянки на свѣжій воздухъ. Низко нависло небо. Мелкій дождикъ нудно мороситъ, и желтовато-сѣрымъ туманомъ заволокло окопы и лѣсъ, обстрѣливаемый нашей артиллеріей. За ночь окопы измѣнили свои очертанія. Крупные снаряды снесли насыпь, исковеркали блиндажное прикрытіе, но солдаты прокопали траншею впередъ, сдѣлали новую насыпь, и окопы оказались ближе къ непріятелю, чѣмъ наканунѣ, саженей на десять.

— Сапой шли,—тихо замѣчаетъ Пахомовъ.

— Сапой оно куды способнѣе, чѣмъ атакой,—говоритъ маленькій ефрейторъ Березинъ.

— Пятая рота часто начина-ай!

Пальцы цѣпко хватаютъ затворъ винтовки, движенія быстры, бодры и ритмичны: раз-два, разъ-два. Тамъ, куда долетаютъ и падаютъ раскаленные комки свинца изъ нашихъ винтовокъ, горитъ лѣсъ. Изъ-за огней завѣсы слышны крики, стоны и вой, страшный звѣриный вой. Разъ-два, разъ-два. Бѣлые дымки, всплывающіе надъ нашимъ окопомъ, несутъ съ собою смерть и раны. Словно частый и крупный градъ, бьютъ по блиндажу пулеметныя пульки, отскакиваютъ, осыпаютъ траншею и, потерявъ свою ударную силу, падаютъ, какъ мелкіе камешки, внизъ.

Звеня и шипя летитъ шрапнель. Тяжело ухая и гудя, какъ трамвай, несется пятидесятидюймовый снарядъ, остановился на мгновенье, словно задумавшись и, разбрызгивая во всѣ стороны искры, ринулся внизъ. Быстро-быстро завертѣлся, разбрасывая комья земли и осколки камня, поднялъ столбъ пламени и дыма и грохнулъ:

— Бо-омъ!

Какъ большой колоколъ, какъ набатный ударъ, странно одинокій и короткій. А потомъ широкій вѣеръ густо-краснаго огня взметнулся къ небу, вонзившись острымъ основаніемъ въ широкую, вырытую снарядомъ воронку. Гулъ какой-то, смѣшанные крики.

— Носилки!

— О-ой!

— Выше подымай!

— Спекся!

— Кирилловъ, подлецъ! Куда поперъ? Говорю—носилки.

— Бож-же мо-ой!

Дымъ разсѣялся. Полуротный сидитъ на барабанѣ. Лицо черное, въ копоти, и тамъ, гдѣ должна быть лѣвая рука, висятъ красные лохмотья. Подлѣ него два санитара.

— Оставьте. Потомъ... Рота стрѣ-ѣ...—и упалъ, и падая закончилъ:—къ чорту! ...ля-ай! Уберите меня.

Смыкается шеренга. Раненые отползаютъ назадъ. Ихъ мѣста занимаютъ другіе.

— Въ атаку!

Словно вздохъ вырвался изъ груди: слава Богу. Пахомовъ крестится широкимъ крестомъ. Атака—это хорошо, это конецъ лежанію въ окопахъ подъ огнемъ. Огромный и неуклюжій, онъ выпрямляется во весь свой ростъ, потомъ выбрасываетъ туловище впередъ и, нагнувъ голову, претъ напроломъ, какъ быкъ, готовый взять на рога противника. Смотритъ исподлобья, пощеверивается усами и рявкаетъ по-звѣриному.

— У-у! У-у!

Ликинъ, бойкій и вертлявый, нелѣпо размахиваетъ руками и верещитъ тонкимъ голоскомъ. Лисицынъ строго нахмурилъ брови, закрылъ глаза и, не пригибаясь къ землѣ, идетъ, какъ мужикъ, въ огонь. И всѣ кричатъ, что придетъ въ голову, иные бранятся, иные кричатъ „ура“, иные урчатъ, какъ Пахомовъ, и всѣ бѣгутъ, покалывая штыками пустое пространство, все ускоряя и ускоряя темпъ движеній, чтобы, столкнувшись съ врагомъ, ударить въ его ряды съ неудержимой силой и разорвать живую, матеріальную связь въ его рядахъ. Не команда, не выучка, а непонятный, не поддающійся учету сознанія могучій инстинктъ подсказываетъ, что надо дѣлать такъ, а не иначе, бросаетъ меня и всѣхъ въ ту, а не въ другую сторону. Умъ оцѣпенѣлъ и не думаетъ, ухо не слышитъ команды, но ноги, тѣло, руки дѣлаютъ то, что надо, и такъ, какъ надо.

Впереди насъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, упалъ тяжелый снарядъ. Инерція бѣга направляетъ меня туда, гдѣ онъ гудитъ, вертясь, какъ волчокъ, и если бы я захотѣлъ броситься въ сторону, я не смогъ бы удер-

жать разбѣга. И вдругъ кто-то болѣе сильный и болѣе разумный, чѣмъ я, изъ всѣхъ силъ толкаетъ меня въ спину,—я падаю. И въ то время, когда я лежу ничкомъ, закрывъ глаза, въ моемъ умѣ возникаетъ странная мысль, даже не мысль, а слова, нелѣпый обрывокъ фразы:

„Три съ полтиной“.

И звенятъ въ ушахъ безсмысленныя слова:

„Три съ полтиной, три съ полтиной“.

Звенятъ ли падающіе осколки разорвавшагося снаряда и слагаются въ напряженномъ до оцѣпенѣнія умѣ въ слова, или кто-нибудь рядомъ кричитъ о трехъ съ полтиной?

— Рота перебѣгай!—смутно доносится издали.

И опять, еще настойчивѣе, чѣмъ прежде:

„Три съ полтиной“.

Вскочилъ на ноги. Ничего не видно въ густомъ дыму. Рванулся впередъ, именно—рванулся, потому что ноги точно приросли къ землѣ.

— Ахъ, шельмы! Ахъ, сукины дѣти!—слышенъ впереди голосъ Пахомова.

Дымъ разсѣялся. Изъ-за разрыва тучъ выглядываетъ на нѣсколько мгновеній солнце и освѣщаетъ разрытое снарядами поле, играетъ въ багровыхъ лужахъ и сверкаетъ на щетинѣ штыковъ австрійской пѣхоты, бросившейся въ контръ-атаку.

Пахомовъ винтовку бросилъ. Широко разставивъ ноги, нагнувъ голову и растопыривъ хищно шевелящіеся пальцы, онъ тяжелой, медленной походкой идетъ навстрѣчу штыкамъ и бранится и урчитъ, какъ медвѣдь:

— Угу, угу! Сукины сыны! Угу!

Ближе. Сшиблись. Глаза невольно закрываются. Глядѣть во время атаки въ лицо врагу, колоть людей и видѣть, какъ впивается штыкъ въ живое, бьющееся

тѣло, могутъ только самые сильные, самые уравновѣшенные, такіе, какъ Пахомовъ. Ничего не видишь, не чувствуешь, кромѣ ощущенія преодолѣнія живой преграды. И страха нѣтъ: въ голову не приходитъ, что и въ меня можетъ вонзиться штыкъ, что и меня могутъ убить, оглушить ударомъ приклада, какъ это дѣлаю я въ какомъ-то опьянѣніи, въ дикомъ, непонятномъ экстазѣ.

Пахомовъ, Ликинъ, Нахмансонъ, Лисицынъ — всѣ хотятъ жить; жажда жизни заставляетъ насъ прорываться впередъ и убивать, и крушить, и колоть людей въ сѣро-синихъ мундирахъ. Въ этомъ порывѣ къ жизни, который сильнѣе всякихъ убѣжденій, всякихъ другихъ чувствъ и порывовъ, всѣ слились въ одно, и теперь нѣтъ личности—ни меня, ни Нахмансона, ни Лисицына: вмѣсто отдѣльныхъ единицъ въ бою живое многоголовое тѣло полковъ, ротъ, баталіоновъ, слитыхъ изъ атомовъ. Эту слитность, свою атомность мы ощущаемъ сильнѣе всего, сильнѣе страха за себя. Оттого мы увѣрены и сильны.

Преграда прорвана. Австрійцы, продолжая отражать наши удары, уходятъ. Теперь можно раскрыть глаза. Синіе и сѣрые бугорки покрыли все поле. Одни шевелятся, другіе недвижимы. Маленькій Нахмансонъ, удивительно напоминающій сейчасъ зайченка, присѣлъ на корточки и медленно-медленно клонится къ землѣ.

— Вы думаете, я раненъ? Я таки...—не оканчиваетъ онъ и осторожно, словно боясь разбить что-то, ложится на землю.

— Таки,—повторяетъ онъ,—таки...

Первый рядъ непріятельскихъ окоповъ занятъ нами. Молоденькій австрійскій офицеръ забился въ уголъ траншеи и, протянувъ впередъ руки и глядя большими, полными ужаса глазами куда-то поверхъ насъ, поетъ:

— Ля-ля ля, ля-ля-ля! Wo ist meine Puppe?

И смѣется безумнымъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ пробѣгаетъ по тѣлу:

— Ха-ха-ха! Wo ist meine Puppe?

— Тронулся, сердяга,—тихо говоритъ Пахомовъ и, взявъ за рукавъ офицера, тянетъ его къ себѣ:

— Встань, ваше благородіе. Чего пужаешься? Чай не звѣри.

— Gehe fort!—кричитъ тотъ—Du bist eine Puppe.

— Какая тамъ пупа? Пойдемъ, другъ, водички выпьешь. Экъ, испугался человѣкъ!

Письмо.

...Такъ вотъ, дорогая моя, я седьмой мѣсяцъ на войнѣ. Шесть мѣсяцевъ походной и боевой жизни.

Передъ тѣмъ, какъ объявлена была война, жизнь для меня была простая, разъ навсегда рѣшенная задача. Я шелъ къ своей жизненной цѣли такъ же просто и увѣренно, какъ направлялся съ занятій домой, по Невскому проспекту, отъ угла Морской до угла Николаевской. Тутъ поворотъ, тамъ остановка, здѣсь нужно по дорогѣ, мимоходомъ, посмотрѣть въ витринѣ книжныя новинки, а тамъ надо по пути зайти къ Николаю Ивановичу потолковать о новомъ научномъ методѣ. Жизнь была проста, легка и налажена, поставлена на рельсы: кати все впередъ и впередъ по одному пути, пока не упрешься въ тупикъ, гдѣ конецъ, гдѣ больше нѣтъ дороги, гдѣ смерть.

Но вотъ произошло что-то, въ родѣ землетрясенія,—нѣтъ, больше!—въ родѣ мірового геологическаго переворота, пласты смѣшались, и вздоромъ теперь уже кажется жизнь, похожая на прогулку съ Морской до Николаевской по Невскому проспекту.

Прошлымъ лѣтомъ, когда мы жили на дачѣ у Полины Карповны, у меня былъ, наканунѣ моего объясненія съ тобой, такой разговоръ съ твоимъ отцомъ, котораго я очень уважалъ за то, что онъ ординарный профессоръ, что о немъ говоритъ вся Россія и что его знаетъ весь міръ.

— Тоска,—сказалъ мнѣ этотъ старый человѣкъ, который, какъ мнѣ казалось, уже угомонился, успокоился, потому что рѣшилъ всѣ задачи, выпавшія на его долю.— Тоска! Вотъ мнѣ семьдесятъ лѣтъ, я прожилъ цѣлую жизнь, но когда оглянусь назадъ, то вижу, что умеръ въ тотъ самый моментъ, когда я думалъ, что началъ только жить по-настоящему.

— Вы слишкомъ много курили нынче вечеромъ,— сказалъ я. — Оттого у васъ и тоска. Жизнь проста и хороша. Вы сдѣлали въ ней больше, чѣмъ она отъ васъ требовала. Чего же еще?

— Что вы намѣрены дѣлать нынѣшней осенью?— спросилъ онъ меня.

— Издамъ свой трудъ о нѣкоторыхъ разновидностяхъ бабочекъ Hilesinus Piniperda

— Такъ. Ну, а потомъ?

— Потомъ? Потомъ начну свой курсъ лекцій.

— А потомъ?

— Господи! да вы хотите знать, какъ я распланирую всю свою жизнь!

— Да.

— Ну, женюсь. Будутъ дѣти, будутъ новыя обязанности.

— Снимите побольше квартиру, — подсказалъ онъ.

— Ну да, моя тѣсна.

— Напишите новый трудъ по зоологіи.

— Не одинъ.

— Будете толковать съ Николаемъ Ивановичемъ о новыхъ методахъ.

— Вѣроятно.

— Достигнете извѣстности. О васъ будутъ писать, говорить. Такъ?

— Не знаю. Если заслужу.

— А подумали ли вы когда-нибудь надъ тѣмъ,— на кой, скажемъ, чортъ нужно все наше гробокопа-

тельство, всѣ наши сотни и тысячи томовъ о разныхъ бабочкахъ народу, напримѣръ, Ивану Непомнящему или Сидору Безродному? Будетъ ли онъ счастливѣе, лучше, умнѣе отъ того, что вы женитесь, что у васъ будутъ дѣти и что вы напишите о Hilesinus Piniperda.

— Что же? Неужто, если Ивану Безродному не надобно знать объ Hilesinus Piniperda, скажемъ, такъ все, что мы дѣлаемъ, безцѣльно?

— Я не знаю, безцѣльно ли это или цѣлесообразно. Но это не то. И оттого—тоска.

Я пожалъ плечами и пошелъ въ садъ. Черезъ полчаса я забылъ объ этомъ разговорѣ и признался тебѣ въ любви. Я говорилъ о ней сухо и обстоятельно, какъ говорю обо всякомъ дѣлѣ, говорилъ о томъ, что осенью мы сможемъ обвѣнчаться, что, если устроить жизнь разумно, у насъ хватитъ средствъ жить и воспитывать дѣтей, которыя, вѣроятно, будутъ. Это было просто, ясно, какъ восходъ солнца утромъ, какъ его закатъ вечеромъ.

19 іюля моя вѣра въ универсальность науки, въ то, что при ея помощи можно достигнуть братства народовъ, дала глубокую трещину. 19 іюля и въ послѣдующіе дни я увидѣлъ, что наука сама собою, а жизнь сама собою. Эта самая жизнь, которая разошлась съ моими взглядами, заставила меня надѣть шинель и пойти рѣшать мировые вопросы не перомъ, не при помощи микроскопа, а штыкомъ и шрапнелью.

Здѣсь нѣтъ ни Николая Ивановича, ни новыхъ методовъ, ни уютнаго кабинета. Здѣсь сырые окопы, гудящая канонада пушекъ, свистъ и вой снарядовъ, а рядомъ со мною стоитъ, прижавшись къ стѣнкѣ траншеи, рядовой Петръ Смирновъ, мой тезка, и пострѣливаетъ изъ винтовки.

— Такъ что, ваше благородіе, енъ бѣгитъ, — говоритъ Смирновъ.—Шибко бѣгитъ на насъ.

— Въ атаку,—коротко передаю я приказаніе ротнаго и выскакиваю изъ траншеи.

Солнце ярко. Небо ясно и чисто. Снѣгъ подтаялъ, и бѣгутъ подъ ногами звонкіе, веселые ручьи. Изъ проталинъ глядитъ буро-зеленая прошлогодняя трава. И мнѣ и Петру Смирнову, и всѣмъ весело бѣжать съ винтовками на вѣсу.

И въ этомъ веселомъ бѣгѣ, среди свистящихъ ядеръ и пуль, я вспоминаю Пасху, великое Таинство Воскресенія, и звенитъ въ ушахъ:

... „Смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“...

Да, да, смерть побѣждена смертью. Изъ смерти рождается пышный всходъ жизни, ... что-то есть во мнѣ, которое со спокойной радостью говоритъ мнѣ, что ученый зоологъ Петръ Федоровичъ былъ трупъ, а прапоршикъ Петръ Махотинъ — живой человѣкъ, воскрешій на поляхъ смерти.

На шеѣ у меня виситъ на шнуркѣ свистокъ. Въ то время, когда мы лежимъ, я беру свистокъ въ зубы и, стиснувъ его, пронзительно свищу и бросаюсь впередъ.

Солдаты поднимаются съ оттаявшей теплой земли и бѣгутъ за мною, тыкая впередъ винтовками.

— Ура!—кричу я.

— Ура, ура,—подхватываютъ солдаты.

И солнце ярко свѣтитъ, и лучи его весело смѣются, и въ тысячеголосомъ „ура“ смѣхъ и весенняя радость возрожденія.

Ручная граната упала къ моимъ ногамъ. Такая маленькая штучка, величиной съ апельсинъ, кружится, и трещитъ, и рвется, обжигая мнѣ руки и лицо. Я цѣлъ и живъ, и ничего не боюсь. Hilesinus Piniperda — чепуха, профессорство и лекціи, большая квартира, спокойная жена, послушныя дѣти, удобный фракъ —

чушь, ужасъ, въ тысячу разъ страшнѣе ручной гранаты, снарядовъ, пулеметныхъ горошинъ, шрапнели.

Сверкнуло что то ярко-ярко.

— Ложись!—крикнулъ какой-то голосъ во мнѣ.

— Это—шестипудовый снарядъ, вертится и жужжитъ, а я лежу въ десяти шагахъ отъ него и въ моемъ умѣ проходитъ вся жизнь моя, всѣ мои мечты и планы.

— Пф-рр-ахъ!—рявкнулъ снарядъ.

Въ глазахъ у меня пошли сначала зеленые, потомъ ярко красные круги, и я потерялъ сознаніе.

— Ваше благородіе,—сказалъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я открылъ глаза и увидѣлъ, что рядомъ со мною, лицомъ вверхъ лежитъ Петръ Смирновъ. Я цѣлъ, только голова опалена и вспухла отъ контузіи, а вотъ Смирновъ...

— Умираю,—говоритъ онъ.—Напишите женѣ, Анастасіи Смирновой... Симбирской губерніи, село Костяково... Чтобы не убивалась... Чтобы дѣтей, какъ слѣдъ, блюла... Отпишите.

У Смирнова оторвана нога, а другая—смята.

— Ничего, парень, жить будешь,—говорю я и чувствую, какъ щекочетъ у меня въ носу, какъ набѣгаютъ слезы, и горячій, сильный порывъ охватываетъ меня всего.

Вотъ, что я долженъ сдѣлать: взвалить къ себѣ на плечи Петра Смирнова, мужика Симбирской губерніи, села Костякова, и нести къ санитарному пункту.

Онъ будетъ жить. Я хочу, чтобы онъ жилъ. Обязанность моя, весь смыслъ моей жизни, жизни ученаго Петра Федоровича Махотина, нести на своей спинѣ мужика Петра Смирнова и спасти его.

Тяжелъ мой путь! Я сотни разъ спотыкаюсь о трупы, о рытвины, развороченныя снарядами, падаю, поды-

маюсь и иду дальше со своей ношей. Мнѣ хорошо отъ того, что я могу идти, что могу нести его. Пуля ударила меня въ лѣвую руку, рукавъ наполнился кровью, мнѣ больно, меня жжетъ, но мнѣ хорошо и сладко.

Навстрѣчу намъ бѣгутъ санитары.

— Смертію смерть поправъ!—кричу я имъ, и падаю безъ чувствъ.

... И вотъ я въ лазаретѣ, моя дорогая. Утромъ, когда я очнулся, подошла ко мнѣ сестра, вся озаренная солнцемъ, и, поцѣловавъ меня въ лобъ, сказала:

— Христосъ воскресе, прапорщикъ.

Я сразу не понялъ въ чемъ дѣло, и, улыбаясь, вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Пасха. Сегодня Пасха,—сказала она.

— Ахъ, такъ.

И вдругъ, что-то теплое разлилось въ моей груди. Я снова почувствовалъ, что плачу отъ радости и умиленія.

— Что Смирновъ? Что съ нимъ?

— Выживетъ,—сказала сестра.

— Слава Богу! Слава Богу! Воистину воскресе,— отвѣтилъ я.

Когда-то въ дѣтствѣ, въ какой-то праздникъ, меня нарядили въ новый бархатный костюмчикъ, умыли, и гладко причесали. У меня тогда было такое чувство, будто весь я новый, другой, будто всего меня замѣнили чистымъ, хорошимъ и новымъ Петей.

Такъ и теперь. Я безпричинно радостенъ и бодръ. Цѣлесообразность жизни утеряна навсегда. Жизнь для меня больше не прогулка по Невскому пр. Я не знаю, что я стану дѣлать съ собою, я не хочу знать объ этомъ. Въ душѣ моей пробились живые ростки, и тянутся они во всѣ стороны. Въ душѣ моей много простора и свѣта, и каждый уголокъ въ ней радостно и звонко поетъ о жизни.

Все во мнѣ радостный хаосъ, въ которомъ симбирскій мужикъ Петръ Смирновъ, и улыбка сестры милосердія, и лучъ утренняго солнца, и любовь къ тебѣ, далекой и близкой,—все слилось въ одинъ звучный гимнъ воскресенію души.

Вотъ сейчасъ подъ моимъ перомъ бѣгутъ ровныя строчки, я пишу это радостное письмо и чувствую, какъ-будто я въ новомъ костюмчикѣ, будто мнѣ крѣпко напомадили волосы и старательно расчесали ихъ, я чувствую, что душа моя омыта живой водою, и, услышавъ голосъ Петра Смирнова за деревянной перегородкой лазарета, стараюсь понять, что онъ говоритъ.

— Ногу оно, положимъ, оттяпало, — говоритъ онъ кому-то.—А все же—ничего. Руки цѣлы, робить можно. А у насъ все бабы, работы страсть! Запашки таперича, а опосля посѣвъ, бороньба тоже. То-то.

— Ничего, будемъ работать,—кричу я черезъ стѣнку Петру.

— Ого! Еще какъ!—отвѣчаетъ мнѣ Петръ.—Вызволили, слава Богу. Живемъ, ваше благородіе!

— Живемъ!

Прапорщикъ Д—овъ.

Далеко за Стрый забралась наша часть. Тамъ начинаются уже горные перевалы, высокіе лѣсистые кряжи стоятъ зубчатой стѣною между Галиціей и Венгріей.

Горы здѣсь круты и идутъ сплошной цѣпью, тѣснятся другъ къ другу, а между ними въ узкихъ разсѣлинахъ и ущельяхъ вьются тропинки.

Неподалеку отъ насъ находилось ущелье У., которое ведетъ черезъ Бескиды въ Венгрію. Это узкій каменный корридоръ, съ отвѣсными стѣнами, поросшими цѣпкимъ кустарникомъ.

Командиръ вызвалъ охотниковъ: кто желаетъ идти на развѣдку, нащупать, какъ обстоитъ дѣло въ ущельѣ.

Первымъ вызвался прапорщикъ Д.

Странный это былъ человѣкъ. Росту малаго, въ таліи тонокъ, и лицо нѣжное, розовое, какъ у ребенка. Голубые глаза глядятъ мягко, руки маленькія, выхоленныя. На видъ — дѣвушка въ военномъ мундирѣ. Но онъ ѣздилъ лихо на конѣ, а винтовкой владѣлъ съ исключительнымъ искусствомъ.

Когда Д. вызвался на развѣдку, командиръ даже вздрогнулъ. Онъ любилъ Д.

За Д. вызвалось еще двадцать человѣкъ.

Вышли позднимъ вечеромъ. Здѣсь ночи особенныя какія-то. Небо темное, почти черное, какъ темно-синій бархатъ, и разсыпано на немъ безъ числа звѣздъ, какъ огненный макъ на синемъ полѣ.

Луна всходитъ поздно, такъ что, несмотря на звѣздное сіяніе, кругомъ густой мракъ. Ничего не видно.

Ѣхали тихо. По горной тропѣ лошади идутъ осторожно, нащупываютъ каждый шагъ. Вокругъ все словно замерло. Только и слышно: либо лошадь фыркнетъ, либо камешекъ скатится внизъ изъ-подъ ногъ и бултыхнется въ воду, въ горную рѣчушку. Потомъ пошли заросли — колючій и цѣпкій кустарникъ. Пришлось спѣшиться, лошадей взять подъ уздцы, и пробираться, гдѣ согнувшись въ три погибели, а гдѣ ползкомъ, на четверенькахъ. Дорога тяжелая, все въ гору, а подъемъ отвѣсный, какъ стѣна.

Люди утомились, потъ льется ручьями, а рубашку—хоть выжми. Лошади покрылись мыломъ и храпятъ.

Прилегли отдохнуть. Не прошло и десяти минутъ, Д. подымаетъ голову, слушаетъ. Тихо, никому не слышно, а онъ, видимо, слышитъ что-то.

— Что такое?

Д. отмахнулся: молчите, дескать. А самъ поползъ въ кусты и скрылся. Прошло полчаса, часъ—Д. нѣтъ.

Только мы собрались тронуться — послышался шорохъ, затрещалъ сухой кустарникъ, и изъ-за кустовъ выползъ Д., исцарапанный весь, въ изодранной одеждѣ, но цѣлъ.

— Въ сотнѣ шаговъ отсюда—пикетъ. Ихъ трое. Я проползъ мимо нихъ и пробрался впередъ. Тамъ начинается скатъ, а на скатѣ работаютъ саперы, около пятидесяти человѣкъ. Влѣво отъ нихъ проходъ свободенъ, и есть тамъ пѣшеходная тропинка. Надо развѣдать, какъ и что тамъ и, не теряя времени, вернуться.

Д. пошелъ впередъ. Мы выбрались изъ зарослей и ступили на твердый, каменный грунтъ. Тропинка пошла внизъ по скату въ ущелье. Потомъ открылась широкая лощина, а тропинка оборвалась. Посреди лощины,

въ рощицѣ, стояло какое-то зданіе—не то домъ, не то усадьба. Узкія окна расположены высоко, подъ самой крышей, а крыша круглая, какъ куполъ. Окна были ярко освѣщены.

Мы хотѣли уйти отъ этого мѣста. Вдругъ послышался окликъ.

Д. выхватилъ шашку и ударилъ. Тотъ, кто окликнулъ насъ, протяжно застоналъ и упалъ. И ружье его, падая, выстрѣлило, вызвавъ гулкое эхо въ горахъ.

Свѣтъ въ окошкахъ вдругъ потухъ. Изъ-подъ крыши вырвался бѣлый снопъ лучей, побѣжалъ по небу, по горамъ, по кустарнику и, нащупавъ тѣхъ, кого искалъ въ предразсвѣтной темнотѣ, сразу освѣтилъ насъ.

Вслѣдъ за этимъ грохнулъ выстрѣлъ изъ орудія. Не долетѣлъ и врылся въ землю въ десяти шагахъ отъ насъ. Мы бросились въ сторону.

Изъ укрѣпленія выскочило человѣкъ шестьдесятъ. Кони у нихъ, очевидно, были привычны къ горной дорогѣ и вихремъ взлетѣли на кручь.

Уже занялась заря, и видно было, какъ непріятельскій отрядъ мчится на лошадь разстоянія отъ насъ.

Д. обернулся. Вотъ какъ сейчасъ онъ предо мною, весь въ озареніи солнца, фуражка свалилась съ головы и волосы горятъ золотомъ, словно вѣнецъ на головѣ.

— Впередъ! Бей! Руби!

Мы опрокинулись лавиной на нихъ. Въ глазахъ замелькала рябь, засвистѣло въ ушахъ.

Они побѣжали—шестьдесятъ человѣкъ отъ двадцати одного. Да и не шестьдесятъ ихъ осталось, а половина только: многіе тутъ же лежали, многіе скатились въ ущелье.

А Д. впереди, врубился въ середину и коситъ.

Вдругъ надъ Д. сверкнуло что-то и онъ упалъ

– Мы влетѣли въ середину бѣгущаго непріятельскаго отряда и очутились подлѣ Д. Онъ лежалъ ничкомъ. Я спѣшился. Д. былъ весь изрубленъ, голова его была раскроена и только два раза открылись и закрылись его синіе глаза.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Воинская страда	3
Въ огнѣ	19
Въ озареніи войны	37
Въ бою	52
Улыбка родины	62
Духъ жизни	69
На войнѣ	78
Взрывъ моста	87
Ночью	90
Страхъ	94
Сѣрые люди	99
Двадцать два человѣка	105
Автоматъ	110
Тихій бой	115
На развѣдкѣ	122
Въ глубинѣ	126
Бой	135
Стычка	140
Паровозъ „Б. 47“	145
Развѣдка	154
Мертвецы имперіи	160
Война	170
Письмо	181
Прапорщикъ Д-овъ	188

Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“,
Петроградъ, Поварской, 12. Тел. № 75-51.